

Омельянюк Александр Сергеевич

„Новый век начался с понедельника“ романа-эпопеи „Платон Кочет“

Первая книга серии «Платон Кочет XXI век»

Платон Кочет XXI век

Александр Омелянюк

**Новый век начался
с понедельника**

«Горизонт»

2008

Омельянюк А. С.

Новый век начался с понедельника / А. С. Омельянюк —
«Горизонт», 2008 — (Платон Кочет XXI век)

ISBN 978-5-906858-24-5

Эта книга является первой частью серии «Платон Кочет XXI век» романа-эпопеи «Платон Кочет», действие которого происходит от Древнего Египта Амарнского периода до Москвы наших дней. В данную серию, помимо этой книги, входят также части «Високосный, 2008 год», «Год Быка 2009-2010 гг.» и уже известная читателям часть «Возвращение блудного сына». В книге «Новый век начался с понедельника» рассказывается о жизни обыкновенного и в то же время необыкновенного человека – главного героя произведения, уже зрелого Платона Петровича Кочета – возможно даже в какой-то степени и героя уходящего времени. В этой части романа, написанной по конкретным событиям и с реальных личностей, ведётся неспешное повествование о житие-бытие главного героя и его ближайшего окружения, поднимается вопрос о проблемах взаимоотношений людей, о сбережении нашей культуры и чистоты русского языка. И здесь автор сохраняет, присущую ему – с иронией, юмором, сарказмом, и стихами – манеру повествования. Даже лишённая конкретной сюжетной линии, данная часть романа незаметно поглощает читателя, делает его не сторонним наблюдателем событий. А иногда используемый автором в своём произведении разговорный язык создаёт у читателей ощущение доверительности и обеспечивает проникновенность мыслей автора. «Мир так тесен, а жизнь так коротка! Поэтому люди просто обязаны друг друга уважать, любить, заботиться о ближнем, и помогать друг другу!». Эти слова главного героя произведения и есть одна из главных идей данной части романа-эпопеи. Возможные в книге некоторые совпадения образов персонажей с реальными в жизни людьми носят лишь случайный характер.

ISBN 978-5-906858-24-5

© Омелянюк А. С., 2008

© Горизонт, 2008

Содержание

Глава 1. Год троицу любит...	7
Глава 2. Година лихолетья	52
Глава 3. Гений и его сын	89
Глава 4. Годовщины	119
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Александр Омелянюк

Новый век начался с понедельника

© Омелянюк А.С.

* * *

Глава 1. Год троицу любит...

Приятный утренний сон Платона, как это частенько бывало и ранее, постепенно стал корректироваться его подсознанием, превращаясь в очередной, придуманный ими вкуче, сценарий. Через короткое время самосознание привело к мысли, что он проснулся. Как всегда положительные эмоции от сна были отражением его хорошего физического состояния и духовного равновесия, а также комфорта, в коем пребывало его тело.

Платон приоткрыл глаза. Через полупрозрачные шторы окна явственно проступал, слегка розоватый от взошедшего Солнца, дневной свет. На часах было за полдень. С лёгким шелестом отдёргнутых им штор с голубых небес в комнату ворвался и озорной лучик Солнца, пытаясь пролезть в щёлки всё ещё сонно закрытых глаз Ксении, чьё розоватое от сна лицо стало ещё ярче.

Муж невольно залюбовался редко наблюдаемой им в последние годы картиной. Его прекрасное самочувствие сейчас же подкрепилось и некоторым смакованием эстетического наслаждения от созерцания голубого неба этого прекрасного зимнего утра и безмятежно всё ещё сладко спящей жены. И эстет вновь юркнул в ещё не остывшую постель, под бочок Ксении.

Да! Утро начиналось прекрасно! И как нельзя кстати. Ещё бы! Сегодня наступило 1 января 2001 года – первое утро Нового года, нового десятилетия и столетия, и, главное, Нового тысячелетия!

Правда, одно воспоминание всё-таки немного омрачало его радужное настроение. Как это придурки с Запада отмечали свой Миллениум год назад?

А ведь некоторые из наших их ретивых приспешников тоже хотели отмечать начало Нового тысячелетия в прошлом году, пока грамотные люди их не одёрнули и не остановили.

Ведь совершенно очевидно из арифметики, что новые десятки, сотни, тысячи и т. д. начинаются с единицы, а не с нуля, а заканчиваются 10, 100, 1000 и т. д., а не девятками.

В конечном итоге, справедливость и математическая строгость, во всяком случае, в России, восторжествовали.

Осознание этого вновь вернуло Платона к его радужному состоянию.

Да ведь к тому же всё это ещё и начиналось... с понедельника!

Поэта тут же озарило:

Новый век начался с понедельника,
Как бы с чистого начал листа.
Я в тетрадь свою, для современника,
Запишу сейчас эти слова:

Здравствуй, здравствуй новый век!
Новое тысячелетие!
Новый год берёт разбег
В двадцать первое столетие.

Платон быстро вскочил и судорожно записал два четверостишия, пока не полились новые, заслоняющие прежние, строки.

Его суету прервала проснувшаяся Ксения:

– «Ты опять строчишь? Неугомонный ты мой! Хоть накинул бы на себя что-нибудь! А то ребёнок проснётся – сраму не оберёшься!».

Платон резко обернулся, инстинктивно закрывая левой рукой причинное место, вытягивая шею и вглядываясь на расстоянии в сморщенное сладким сном и надвинутым одеялом лицо своего самого младшего сыночка.

Близоруко прищуриваясь, он пытался разглядеть гримасу на лице Иннокентия. Но тот продолжал безмятежно и спокойно посапывать, надёжно сморенный долгой Новогодней ночью.

– *«Да он спит ещё!»* – слегка застенчиво тихо парировал муж.

Платон привык всегда спать голым. И сейчас, неожиданно поднятый с постели своим вдохновением, он совершенно не задумывался о своём внешнем виде – благо все ещё спали. Теперь же он сгрёб в охапку домашнюю одежду и под любовно-издевательский комментарий жены направился опустошать переполненный накануне винами и соками мочевого пузыря. А вслед ему неслось:

– *«Смотри не расплескай!»*.

Только в этот момент Платон и почувствовал нестерпимую тягу к унитазу. Закончив привычные утренние процедуры, побрившись и сделав обязательную утреннюю зарядку, в ожидании завтрака – невольного продолжения вечернего застолья, – глава семьи, всё ещё пребывая в прекрасном расположении духа, вновь вернулся к своим стихам:

Чтобы хорошо жить,
Надо уметь творить!
И надо отдать должное:
Это дело сложное.

И действительно, его поэтический дар, обнаружившийся, а, скорее всего спровоцированный «Светиком-семицветиком», ещё тринадцать лет назад, став дополнительной составляющей его многогранного творчества, придавал его жизни состояние дополнительной уверенности, ощущение целостности и гармоничности.

И как истовый оптимист, он считал, что несмотря ни на что, живёт, в общем-то, хорошо! Но в данный момент поэт вынужден был подвести временную черту:

Мои любимые творения:
Писать короткие стихотворения.
Всего четыре строчки,
И нет «ни пня, ни кочки».

Не успел он дописать эти строчки, как, неожиданно взглянувшая через плечо мужа, тихо вставшая с постели Ксения, нежно обнимая его за плечи, любовно-вкрадчивым голосом спросила:

– *«Про пенёчки пишешь, милый?»*.

– *«Нет, про кочки, Красная шапочка!»*.

– *«Платон! А почему ты сейчас назвал меня «Красной шапочкой?»*.

Глядя на выпавшееся и порозовевшее красивое лицо жены, любуясь её лучистыми зелёными глазами, Платон, запустив свою пятерню в её роскошные рыже-каштановые волосы, и дотягиваясь до её полуоткрытых ярко-розовых губ, не смог скрыть правды:

– *«А потому, что я хочу натянуть тебя по самые уши!»*.

Успев увидеть широко открывшиеся от удивления и яркие от вожделения глаза жены, Платон парировал её возможные квази возражения страстным поцелуем. Однако желанию супругов, в чьих жилах уже заиграла накануне разбавленная алкоголем кровь, как часто бывало

и ранее, не суждено было сбыться. Иннокентий заворочался и перевернулся на другой бок. Верный признак, что ребёнок скоро проснётся.

– *«Ну, ладно, иди, поставь воду на плиту. Будем завтракать»* – невольно распорядилась Ксения.

Платон уныло поплёлся на кухню. Но игривое настроение, заданное праздничным утром, вскоре вновь неожиданно проявилось:

– *«Ну, как там яйца? Кипят?»* – спросила Ксения.

– *«Да, кипят! Аж вспотели!»* – неосторожно ответил он, наблюдая появляющиеся на скорлупе пузырьки.

И супруги вновь чуть грустно рассмеялись своим несбывшимся желаниям.

Вскоре полностью проснувшись, но не совсем выпавшаяся, семья вновь очутилась за праздничным, утренним столом. Начался первый день нового года. Впереди их ждало первое десятилетие нового столетия и нового тысячелетия – Новый век! А в нём новые дела, новые заботы и хлопоты; новые испытания, переживания и огорчения; горечь и разочарование от досадных поражений; но и радость редких, зато долгожданных побед!

Первые дни года – дни школьных каникул, прошли быстро и незаметно.

Несколько раз Платон с Кшей сходили на тренировки по самбо, а в основном – на хоккей. В проведённой товарищеской игре на первой же после новогодних праздников, тренировке, Иннокентий выступил просто великолепно. Практически безупречно проведя разминку, он хорошо и стабильно провёл всю игру и забил единственную шайбу своей пятёрки, сыгравшей свой микро матч 1:1.

Платону также удалось пару раз, но одному, сходить на лыжах, вернее как всегда сбегать до Салтыковских прудов и обратно. Возвратившись из очередного такого забега, он, как всегда, уединился в ванную. Будучи любителем всё модернизировать и оптимизировать, Платон на этот раз решил улучшить, вернее, упростить и ускорить процесс переодевания.

Снимая с себя мокрое бельё, горе изобретатель одновременно одной рукой пытался его тут же повесить на верёвку над ванной. Не успев освободить эту руку, он другой стал стягивать с ноги влажные от пота плавки, но зацепился ими за ступню и потерял равновесие. Пытаясь удержаться, он инстинктивно опёрся другой рукой на ручку двери ванной, которая оказалась не запертой, и посему тут же поддалась его настойчивому притязанию.

Каков был сначала испуг, а потом удивление, разбавленное гомерическим хохотом Ксении, и снова страх от случившегося, когда из неожиданно резко настежь распахнувшейся двери ванной с матерным воплем досады вылетел, падая на пол, голый муж, державшийся одной рукой за спутавшие ноги плавки, а другой рукой держа так и не повешенные на верёвку мокрые подштанники.

Только дикий хохот Платона и его половая реплика успокоили возбудившуюся Ксению:

– *«Не бойся! Всё в ажуре!»*.

– *«Ну, ты сегодня и нагулялся!»* – подытожила она.

– *«Если бы ты, так как я, гуляла на лыжах, то давно бы отбросила коньки!»*.

Хохоча, Ксения помогла мужу подняться, невольно разглядывая его сморщившееся от унижения хозяйство и провожая его в ванную любовно-жалостливым взглядом.

А вечером, возвращаясь из магазина в хорошем расположении духа, Платон, позвонив в дверь, неожиданно даже для себя вдруг скрипучим, блеющим и дребезжащим голосом пропел:

– *«Козлятушки! Ребятишки! Отонритесь, отворитесь!»*.

И более грубым и громким голосом допел:

– *«Ваи отец прииёл, молочка принёс!»*.

Царившую за дверью паузу прервало задорное от Ксении, обращённое к сыну Иннокентию:

– «Слышишь?! Наш козёл пришёл! Молока принёс!».

Так весело, но почти незаметно, и пролетели первые дни нового года.

Остальное время, не считая текущих домашних дел, Платон провёл за компьютером, готовя рекламные и методические материалы по новому направлению своей деятельности.

Наступили трудовые будни.

Ещё в прошлом году Платон, как предприниматель без образования юридического лица (ПБОЮЛ), оказывающий информационные, консультационные и посреднические услуги, постепенно почти полностью исчерпал свои возможности по регистрации и перерегистрации вновь создаваемых Обществ с Ограниченной Ответственностью (ООО).

Он полностью удовлетворил потребности своих друзей и знакомых, а также их знакомых.

Новых заказов практически не было.

А если они и поступали, то были редки и носили случайный характер, принося лишь эпизодическую прибыль.

Рынок этих услуг был уже перенасыщен предложениями профессиональных фирм, занимающихся этой работой постоянно и с размахом.

Платону удавалось долгое время с ними конкурировать только за счёт более дешёвой, оперативной и конфиденциальной услуги с его стороны.

Но теперь заказы, а вместе с ними и приличные доходы практически прекратились. Поэтому Платон стал постепенно переориентировать свой бизнес на два новых направления.

Первое, как бы продолжая предыдущее, заключалось в оказании методической помощи вновь созданным, начинающим ООО в организации делопроизводства и учёта, в обосновании штатного расписания и требований к квалификации работников, и в консультации по прочим организационно-хозяйственным мероприятиям.

Второе направление касалось работы в области распространения биологически активных добавок.

Третьим направлением, третьим китом, держащим благосостояние семьи Платона, стала его новая работа.

Имея свободное время, и с целью диверсификации своих доходов, он ещё в конце прошедшего года устроился одновременно работать ещё и специальным курьером, но как предприниматель, в фирму, занимающуюся оказанием телефонных услуг.

Сейчас же его очень заинтересовало второе направление его деятельности – вопрос с Гербалайфом.

До осени прошлого года он пару раз оказывался в сетях гербалайфщиков, но каждый раз успешно уплывал из них, просчитывая и понимая их корыстные, но тщетные по отношению к нему потуги.

Теперь же, уже вплотную занявшись отечественными биодобавками непосредственно от производителя, он решил сравнить два бизнеса, что называется опытным путём, и найти свою стезю и свой способ получения прибыли.

То есть он решил эти натурные испытания провести на своей собственной шкуре. Для этого ему пришлось истратить значительную сумму денег из своего «золотого запаса» для приобретения злополучной продукции. И теперь эти, всё-таки опрометчивые траты предстояло отрабатывать для их хотя бы частичного возвращения.

Платон привык всё делать капитально и качественно.

Это распространилось и на работу с Гербалайфом. Он самостоятельно разработал множество рекламных и методических материалов. Как потребитель он особенно увлёкся их коктейлями для начинающих. Пил сам и поил ими всю свою семью и родню. Результат был замечен. Кое-что ему удалось сбавить для очищения организма и из омолаживающей косметики. Но, в основном, дело не шло.

Оно было не его.

И Платон сделал вывод.

Хотя продукция Гербалайф сильна и эффективна по своему воздействию, но она никак не стоит таких денег и такой унижающей суеты вокруг неё.

Лучше всего заняться сбытом отечественных биодобавок от производителей, которые и намного дешевле и не менее эффективны.

Так он и поступил. Потребив всё, что можно было употребить самому и членам его большой семьи, кое-что, сплавив таким же доверчивым оптимистам, как и он сам, Платон намного позже и в ущерб своему карману, в конце концов, избавился от остатков просроченного «волшебного зелья», продав его перекупщикам почти за бесценок, закрыв вопрос с Гербалайфом раз и навсегда. О работе на этом поприще у него остался и поэтический осадок в виде двух четверостиший:

Грустно-возмущённого:

«Варвару – расклейщику объявлений»

Чужих листов срыватель!
Сегодня будь внимателен!
Если сей лист оторвёшь,
Божью кару обретёшь!

И неоправданно-оптимистического:

«Я в Гербалайфе»

От болезней излечу,
Хвори изничтожу,
Вам здоровье подарю,
Настроенье – тоже!

Надо же – думал Платон – как меня это дело захватило! Я всё-таки слишком увлекающаяся натура. Да и деньги, как легко пришли, так и легко ушли. Эта народная мудрость особенно верна и в наши времена. Хорошо хоть, что вовремя остановился и плюнул на эти деньги, а то бы в попытке их отбить втянулся бы в дело ещё глубже и с ещё большим ущербом для себя.

Недаром в народе говорить, что надо вовремя остановиться, а лучше всего поскорее смыться!

К работе с отечественными биодобавками Платона подключила его уже совсем состарившаяся, де-факто трижды тёща, Надежда Васильевна. Она, как старый врач, кандидат медицинских наук, имела множество связей в медицинских, около медицинских и фармакологических кругах. И её тоже, как и многих других бывших и настоящих коллег по цеху, захватили новые научные веяния, связанные с применением и употреблением биологически активных добавок к пище.

На первом этапе Платона привлекли к распространению этих биодобавок через мелко-оптовую сеть. К нему прикрепили санаторий имени Артёма и тройку московских аптек. В его задачу входила доставка, в качестве курьера, продукции потребителю и получение лишь из санатория наличных денег, часть из которых оставалась у Платона в качестве гонорара.

Элитный санаторий имени Артёма размещался в живописном лесу, почти в километре на юго-запад от поворота с Ленинградского шоссе.

Доезжая от метро «Водный стадион» на автобусе до развилки у полигона МАДИ, Платон проделывал дальнейший более чем двадцатиминутный путь практически в полном одиночестве в окружении величественного и безмолвного леса.

Постепенно эти деловые походы настроили его на лирический лад, и раз за разом в его романтической голове стали рождаться трепетные поэтические строчки.

Как-то раз, возвращаясь из санатория с чувством удовлетворения от выполненной работы, Платон сочинил целое стихотворение, посвящённое окружающей его природе:

«Лесная зимняя дорога»

Иду по зимней я дороге.
Сереет небо вдалеке.
В снегу лишь утопают ноги,
Хоть я без груза, налегке.

Но только что я был навьючен
Котомкой полною своей.
Пока весь рынок не изучен,
Трудиться надо поживей.

Да! Бизнес наш такая штука:
Всё зарабатывай горбом.
И будет мне теперь наука,
И та наука поделом.

А вдоль обочины, в дозоре,
Зелёных ёлок череда.
Стоят они в снегу, в покое.
И много ёлок, не одна.

И снег валит легко, не густо,
На ветках оставляя след.
Кругом так сумрачно и пусто,
И в голове какой-то бред.

Как замороженный иду я,
Любуясь красотой лесов.
По сторонам кругом смотрю я,
Не слыша птичьих голосов.
Да, лес уснул, иль в полудрёме.
И мне б в дороге не заснуть.
Всё тело у меня в истоме.
Скорей бы выйти, как-нибудь.

И я иду, красой любуясь.
И мне ведь, в общем-то, тепло.
И где же Солнце? Не красуясь,
За тучей прячется оно.

Но вот услышал пенье птицы.
Знать Солнца луч посеребрил
Едва заметные границы.
Себе он тропку проложил.

Через еловых веток чашу

Он глянул смело на меня.
Но вскоре сник, упрятав в рощу
Свои ярчайшие глаза.

Но я иду всё по дороге,
Пишу я стих здесь второпях.
Не промочить бы только ноги,
Не оказаться бы в кустах.

Что вдоль дороги, и не редки,
Хоть снег их сильно завалил.
А интересно, наши предки
Ходили как, не тратя сил?

Но основная деятельность Платона в этот период жизни свелась всё-таки к работе курьером. Как давно широко и хорошо освоенную, он выполнял эту работу легко, быстро и профессионально.

В скором времени руководство фирмы убедилось в ответственности и способностях Платона, переведя его на другую, более важную, работу в бухгалтерию с задачей доставки различных финансовых документов, в основном платёжных поручений, в банки и периодического привоза оттуда наличных денег.

Платон быстро оборачивался и выкраивал свободное время, чтобы сходить с Кешей на хоккейные тренировки, проводившиеся в тот период, как правило, в конце рабочего дня.

Так немного разнообразно и протекали трудовые будни Платона вначале 2001 года. Стабильное состояние его работы и кошелька, приподнятое настроение от чёткого и понятного ритма жизни, не тягостное общение со многими людьми – обогащали его эмоции, давали новое вдохновение в творчестве, что не замедлило тут же сказаться.

Вскоре, несколько раз подряд возвращаясь из санатория имени Артёма, он написал трилогию об апреле:

«Трилогия об апреле»

Часть 1. «Апреля первая декада»

Солнце ярко топит талые снега,
И весну торопит очищать луга.
Солнце припекает всё сильнее, сильнее,
И весну торопит всё быстрее, быстрее.

Крепконосый дятел, – слышно вдалеке, –
Вешний день отметил дробью на коре.
Из проталин вылезла первая трава.
Бледно-голубая неба синева.

И стволы деревьев, в луже отразясь,
Тихо присмирели, словно затаясь.
Воздух сырой, влажный, свежий и хмельной.
Солнца луч отважный, яркий, золотой.

И в ложбинках леса, в чаще у дорог,
Снег лежит последний, как зимы порог.
Наполняя лужи, ручеёк бежит.
И от испарений в них туман лежит.

Горизонт в туманной... дымке, вдалеке.
По шоссе шагаю с сумкой налегке.
Ровная дорога вдаль меня манит.
Солнце с ней играет, лужи серебрит.

Первая декада, – то весны разгар.
Первый появился солнечный загар.
Снега не осталось, стало мало луж.
Мы с зимой расстались, нету больше стуж.

Тёмные проталины везде вокруг стволов.
Зазвучали трели птичьих голосов.
Их переговоры всюду всем слышны.
Голоса пернатых веселы, смешны.

Вдоль дороги грязный снег ещё лежит,
Рыхлый, безобразный зиму сторожит.
Кое-где отхлынула талая вода.
На буграх проклюнулась первая трава.

Ели в яркой зелени, кронами шурша,
Стройные и сонные стоят, чуть не дыша.
Чистые и гордые они, как под ружьём,
Первым и весенним омытые дождём.

Через полмесяца Платон вновь побывал в санатории. За это время природа преобразилась, расцвела. Очарованный ею, он вновь взялся за перо:

Часть 2. «Середина весны нового столетия»

Две прошли недели. Вот она... красна.
Птицы прилетели, и взялась весна.
Вмиг зелёной краской обдала кругом,
И перевернула всё кругом вверх дном.

Снега было много, чуть до крыш дошёл,
А потом весь стаял, быстро, и сошёл.
Половодья не было, хоть ранняя весна,
Степенно и уверенно все воды унесла.

Вдоль шоссе в канавах талая вода,
И торчат уныло остовы камыша.
Пробивается осока на болоте из воды.
Одуванчиков головки показали из травы.

Оголился полностью лесной валежник.
Где-то, видимо, уже отцвёл подснежник.
Безобразник ветер, что тут натворил!?
Он неугомонный, без руля – ветрил.

Прошлогодней осени поздние дары
Лежат, зимой нетронуты, до весны поры.
Заросли густого, сухого камыша
Торчат из болота, словно сторожа.

На асфальт вдруг села, вот так раз!?
Бабочка красивая: Павлиний глаз.
Лягушата мелкие, мой шаг услышав,
Испугались, бедные, в воду попрыгав.

Идёт весна уверенно, не спеша.
Поступь её верная, хороша.
И пока у весны основные певцы,
Прилетевшие с юга красавцы скворцы.

Середина весны – месяц апрель.
Не звучит уже больше нигде капель.
И опять в апреле летняя жара.
Даже ночью жарко, так, что не до сна.

И как в прошлом веке вешняя пора,
И как в прошлом веке сильная жара.
И как в прошлом веке я пишу стихи,
И как в прошлом веке люди к ним глухи.

Поэт остановился. А ведь сейчас идёт первая весна тысячелетия! Апрель заканчивается. Скоро май – соловьи! Надо продолжить! – решил он:

Часть 3. «Первая весна тысячелетия»

Ещё пройдёт весны декада,
Услышу трели соловья.
Пока же голосов аркада
Чуть успокоила меня.

Апрель я воспеваю часто.
Пожалуй, каждую весну.
О нём всегда пишу я страстно,
И много строчек, не одну.

Его воспринимаю утром года.
С шести часов утра и до восьми,
Какая в тот день не была б погода.
Готов за это даже лечь костыми.

Апрель всегда вселяет в нас отраду.
Как утро раннее – на целый день.
А он на год, на месяц, на декаду.
И мне об этом говорить не лень.

Вот первая весна тысячелетья.
Десятилетия – первая весна.
Минули ль годы века лихолетья?
Я Вас спросить хочу, мои друзья.

Хотя апрель и утро года.
Уже не раннее, поверь.
Его прекрасная погода
Нас умиляет каждый день.

Как производную, меняя с минуса на плюс,
Апрель вокруг себя природу изменяет.
В апреле слышится всегда весенний блюз.
Он много оптимизма порождает.

Мы снова в предвкушение лета.
Красивой, солнечной поры.
В апреле тоже много света,
Но он не дарит нам дары.

Апрель – чудесная погода.
Давно, уж много, много лет.
Апрель – золотое время года.
В апреле ничего плохого нет.

Когда дома Платон завершил стихотворение, то задумался:

Первый апрель тысячелетия, столетия и десятилетия! И что в эти годы будет? Минула ли нас всех пора лихолетья? Если говорить в масштабах страны, то наверно, в основном, да! А если подумать отдельно о каждом человеке, о его близких?

Совершенно ясно, что впереди смерти старшего поколения родных. Но только бы это было не скоро! Фу, даже не хочу об этом и думать! Сейчас весна! За нею – лето! Пора браться за дела!

Весна первого года столетия несла в сердца членов семьи Платона надежду на лучшее будущее, на успех и блага, на победы Иннокентия.

Он продолжал заниматься хоккеем и самбо. Выступая на нескольких соревнованиях в Москве и области в начале этого года, он одержал всего одну победу, остальные схватки проиграл. Не лучше обстояли дела и у его товарищей. Видимо их тренер где-то и что-то недоработал – решил Платон.

Чуть лучше были дела в хоккее. Иннокентия пробовали центровым уже и в третьей и даже во второй пятёрках. И везде он находил полное взаимопонимание со всеми игроками, ста-

новясь надёжным запасным. Но в одной, правда товарищеской, игре Иннокентия подвела его неаккуратность. Выйдя на эту игру центром нападения четвёртой пятёрки основного состава, он иногда по заданию тренера играл то на разных краях нападения, то в защите. И в один из ответственных моментов, при контратаке противника, сынок Платона на глазах всех присутствующих наехал коньком на свой же развязавшийся шнурок и упал, позволив противнику забросить единственную и победную шайбу. Это случай привёл потом к негативной реакции тренера, терпение которого всё же лопнуло.

Сколько раз Иннокентий проявлял на льду чудеса мастерства и отваги, демонстрируя свои нестандартные действия, забивая часто, а иногда даже забрасывая просто немыслимые шайбы.

Но примерно столько же раз он ошибался в самых простых и элементарных ситуациях, сводя на нет все предыдущие усилия свои и товарищей, подводя при том ещё и своего авторитетного отца.

Но уже в следующих двух тренировочных играх, Иннокентий, как всегда, с лихвой реабилитировал себя, привычно забивая единственные и победные шайбы своей пятёрки, причём оба раза при игре в меньшинстве. А во второй игре даже втроём против пятерых. Он всегда, как ни странно, считал, что чем меньше своих игроков на поле, тем легче играть. Ведь при этом резко уменьшается вероятность ошибок партнёров из-за взаимного непонимания, и резко повышается ответственность и самоотдача игрока. Да и надеется приходиться только на себя, на свои силы.

В феврале игра Иннокентия стабилизировалась. Пятёрки, в которых он играл, стали чаще выигрывать свои микро матчи, а её центральной забивать львиную долю голов. Однако в марте у Иннокентия вновь наступил некоторый спад, что тут же отразилось и на игре его партнёров. Но, как ни странно, в любых условиях и в любых ситуациях, независимо от игры и силы соперника, независимо от своей формы, Иннокентий продолжал с завидным постоянством забивать, в среднем, свои заколдованные около 40 % от общего числа голов пятёрки, причём независимо от того, кто были его партнёры.

В итоге, на конец сезона, в его активе в 15 проведённых официальных играх, не считая 19 товарищеских, оказалось 16 шайб из 41 заброшенной всей его пятёркой, и 7 результативных передач. Причём в одной игре, играя сразу в двух пятёрках, Иннокентий установил рекорд. Ему удалось забросить 7 шайб, включая 1 с буллита, и сделать 1 результативную передачу, при выигрыше его команды со счётом 9:2. А всего его пятёрки выиграли 7 игр, при 4 ничьих и 4 поражениях, с соотношением шайб 41:36.

Так, с одной стороны обыденно, а с другой стороны интересно проходила первая половина 2001 года.

Особых событий вроде бы и не намечалось. Платон опять окунулся в текущую повседневность.

Но неумолимый ход истории вскоре внёс свои негативные коррективы.

Словно стремясь доделать недоделанное, прибрать неприбранное, уже в этом году жизнь нанесла по семье Платона жесточайший удар.

В течение пяти летне-осенних месяцев Бог призвал к себе на небеса души тёщи, матери и тестя Платона.

Недаром говорить: Бог любит троицу! Или не любит, раз прибрал? – рассуждала в конце чёрного года вся пострадавшая семья – за что нам сразу все такие муки и переживания? А может, Бог решил нам дать сразу отмучиться: всем, скопом?

Конечно, наши родители стары, но вполне бы могли еще и пожить, и не мало.

Но ничего не поделаешь. Как говорить: человек предполагает, а Бог располагает.

Ну, ладно, бог с ним, с Богом!

Тёща Платона, Надежда Васильевна Гаврилова, умерла в больнице, так и не придя в сознание после операции на сердце, которую её сильно изношенный организм просто не вынес. Хотя операция и прошла успешно, после чего все с облегчением вздохнули, но вот выход из неё оказался трагическим.

Мать Платона, Алевтина Сергеевна, скончалась в начале сентября, также в больнице после второго инсульта и неизбежного в данном случае отёка лёгких и воспаления мозга.

И его тесть, отставной генерал-лейтенант Александр Васильевич Гаврилов, просто «сгорел» от этих трагических событий и также закончил свою жизнь на больничной койке, но на руках у младшей дочери Ксении в конце октября того же года.

На похороны Надежды Васильевны собрался довольно большой коллектив из её научно-исследовательского медицинского института.

От больницы многими любимую и глубокоуважаемую тещу Платона, в её последний путь, сопровождал длинный кортеж машин.

Вскоре траурная процессия, после отпевания покойной в церкви Успения Божьей Матери в Вешняках, прибыла на Николо-Архангельское кладбище и остановилась около свежeverытой могилы. Распрощались с усопшей, осыпав её могилу густым полем цветов, заставляя даже подходы к ней значительным количеством венков от родственников, друзей и сослуживцев.

Особенно среди всех выделялся большой и величественный венок из розовых роз, доставленный от мэра столицы Ю.М. Лужкова.

После похорон Надежды Васильевны вся её родня собралась на поминки в их отчем доме – высотке на Котельнической набережной.

Кроме семьи Платона от его родни присутствовали мать и младшая сестра – богомолка Настасья Петровна, которая, как большой специалист в церковных церемониях, приняла самое деятельное, даже руководящее участие в процессе отпевания души усопшей в церкви.

Надежда Васильевна родилась ровно за двадцать лет до начала войны, 22 июня 1921 года, а умерла 12 июня, в День независимости России от Советского Союза, не дожив до своего восьмидесятилетнего юбилея, к которому исподволь готовилась вся её большая семья, всего 10 дней.

Неожиданная трагическая весть застала Ксению врасплох, утром. Пресловутый праздник, который из их семьи никто так никогда и не отмечал, был окончательно сорван.

Платону стало очень жаль страдающую в плаче жену, но он не стал её сразу успокаивать, оставив наедине со своей болью, дав возможность выплакаться в одиночестве.

Поражённый неожиданной вестью, несправедливостью просто ошарашившего его происшедшего, Платон тут же излил свои чувства к давно, с детских лет его знавшей, любившей и уважавшей теще мемориальным стихотворением:

Весь день лил дождь в Москве и в Подмосковье.
Не так, как осенью, – сплошной стеной,
А вперемежку, с паузой, – весной не новье,
Как плачь жены по матери родной.

Беда случилась утром, в день ненастный.
Скончалась моя теща в этот день.
Такой уж видно рок судьбы злосчастный.
Лицо моё покрыла скорби тень.

От нас ушла не просто моя теща.
От нас ушёл прекрасный Человек.
С таким характером людей найти не проще,

Чем Землю обойти пешком за век.

В её рожденья день вдруг началась война.
И Бог потом, в порядке компенсации,
Её призвал к себе на небеса
В день годовщины русской активации.

Он словно этим говорил:
«Ты жизнь свою всю проживёшь в борьбе».
И лишь вчера он снова повторил:
«А вот теперь нужна ты очень мне».

Вот на таких всё держится в семье.
Они в себя вбирают негатив,
Служа громоотводом всем в беде,
Своим лишь оставляя позитив.

Была на редкость умной женщиной она.
Не только умной, а ещё разумной.
К победе многих в жизни привела.
Её потеря кажется безумной.

Стихи над гробом я её прочту,
Об этом сильном, славном Человеке.
И русской горькой чаркой помяну,
И в сердце память сохраню навеки!

Прочитав это стихотворение в середине застолья, с трудом сдерживая себя и глотая слёзы, Платон, не дожидаясь всех, залпом опустошил свою чарку водки. Все собравшиеся на поминки по достоинству оценили трепетные чувства младшего зятя.

Хотя Платона, по большому счёту, можно было одновременно считать и старшим и средним экс зятем.

А, вообще говоря, он был де-факто трёхкратным зятем четы Гавриловых, в доме которых с его периодическими появлениями всё смешалось и перепуталось.

В их огромной квартире теперь, кроме главы семьи – тестя Александра Васильевича, жили его старшая дочь Варвара со вторым мужем Егором и их совместным сыном, курсантом военного училища, Максимом.

Тот, всё время находясь под опекой и влиянием деда, сознательно выбрал нелёгкую, но почётную стезю защитника Отечества.

На похороны из заграницы срочно прилетела средняя дочь Клавдия, также со вторым мужем Майклом, но без детей – сдающих сессии, учеников колледжа и студента университета.

Пришли несколько очень пожилых давних друзей семьи Гавриловых, незнакомые люди из местного отделения Совета ветеранов войны, друзья-соседи по дому, потомки Жуковских и Заикиных, давняя дружба с которыми связывала и мать Платона, Алевтину Сергеевну, а также коллеги по последней работе Инна и Надежда.

Приехало и некоторое количество дальних родственников Гавриловых, которых Платон знал плохо, так как видел не часто.

Собравшиеся с большой теплотой, уважением и любовью вспоминали Надежду Васильевну, рассказывали примечательные случаи из её жизни.

А, еле сдерживавший себя, вдовец почти всё время, никого не стесняясь, плакал, при этом тихо причитая и медленно раскачиваясь.

Периодически до Платона доносились его жалобные стенания:

– «Надюшка, Надюшка! На кого ж ты меня покинула, ласточка моя? Как я без тебя буду? Я не смогу без тебя! Жить мне теперь незачем! Я долго не протяну!».

Платону было очень жаль тестя. Но успокоить его сейчас было уже невозможно.

Во время небольшой паузы, Клавдия как бы невзначай шепнула Платону:

– «Выйдем! Поговорить надо!».

Они вышли из квартиры в громадный холл и, разместившись подальше от посторонних глаз, принялись оживлённо беседовать. Бывшие любовники соскучились друг по другу, так как не виделись уже несколько лет.

– «Как ты живёшь с Ксюхой?» – начала допрос Клавдия.

– «Нормально! Как говорится, в любви и согласии!» – недоумённо ответил Платон на такой явно дежурный вопрос, тут же задавая свой:

– «А ты, как там в Америке?».

– «Отлично! Только не в Америке, а в Канаде! Кстати об Америке. Мы с Майклом не так давно были там, и у нас была очень интересная встреча! Ни за что не угадаешь с кем!».

Платон недоумённо пожал плечами.

– «Ты у нас, Тошик, оказывается ловелас международного масштаба! Тебя даже в Америке знают и помнят! И как помнят!».

От удивления Платон даже вытаращил глаза.

От какого-то страшного предчувствия и ожидания чего-то неведомого сердце его учащённо забилося.

Клавдия, насладившись прелюдией, продолжила удивлять своего бывшего возлюбленного:

– «А тебе знакома некая Мэрилин Стивенсон?».

– «Впервые слышу!».

– «А она тебя очень хорошо знает и ещё помнит! Даже о родинке у тебя на левой ягодице! Видно хорошо ты её натренировал?! Ты, поди, и её, как меня, небось, попирали всеми возможными способами?!».

Вконец смущённый и заинтригованный Платон слегка покраснел, невольно оправдываясь перед совсем развеселившейся Клавдией, которой сейчас явно нравилось его состояние:

– «Да я впервые слышу о такой!».

– «Конечно! Немудрено! Это теперь она Мэрилин Стивенсон, а раньше была просто Маша..., кажется, Кожмякина!».

Платон теперь уже покраснел густо. На его лбу даже выступила испарина. Но тут же буйный прилив радости от неожиданного сообщения резко поднял его настроение. Его Машуля нашлась! Жалко только, что время уже ушло, и жизнь вспять не повернуть, да и теперь незачем.

Он смахнул ладонью пот со лба, и с подобострастием попросил Клавдию продолжать дальше.

– «А что тут рассказывать. Женищина она состоятельная, очень красивая и в теле, в смысле ещё стройна! Миллионерша! Вдова, кстати, кажется внука Эдлая Стивенсона! Дети есть! Как и у меня – трое! Бог, как известно, троицу любит! Ну, в общем, она хорошо помнит ваши с ней киевские... кувыркания! Привет тебе передавала! Да! В гости приглашала! Всей семьёй, вместе с нами! Ха-ха! Представляю себе картину: российский племенной эсеребец Кочет в окружении покрытых им трёх тёлочек! Ха-ха-ха! Прямо Интернационал какой-то, наверно, пятый, или шестой?».

Клавдия не на шутку распалилась. Платон пытался её несколько успокоить. Но она, словно ревнивица, только огрызнулась на него:

– «Да отстань ты от меня..., со своей попиралочкой!».

Её смех вдруг неожиданно перешёл в рыдания, причину которых сразу было трудно понять. Хорошо, что именно в этот момент из дверей квартиры вышли их встревожившиеся супруги Ксения и Майкл. Плач и рыдания Клавдии они поняли по-своему, утешая её словами, что ничего, мол, не поделаешь, возраст и здоровье сделали своё.

Ксения обняла сестру, прижала к себе и, глядя её по каштаново-гнедым волосам с трудно уловимой проседью, принялась целовать в мокрые щёки, ласково, почти по-матерински, нащёптывая ей на ушко:

– «Ну, Клав, успокойся! Мамочку не вернёшь! Ничего тут теперь не поделаешь. Папулю теперь надо беречь. Вон он как страдает. Я даже представить себе не могла, как он её любит! И помни: я всегда с тобой! Я тебя люблю, сестрёнка! И, ни смотря, ни на что, буду всегда с тобой! Давай, давай, милая, успокаивайся!».

Эти тёплые слова Ксении неожиданно вызвали новый прилив слёз у Клавдии, но теперь только по другой причине.

Тут не выдержала и младшая. Мужчины тактично удалились. А две, давно не видевшиеся сестрёнки ещё долго стояли, обнявшись, вместе плача и утирая горько-солёные слёзы.

Постепенно их страсти поутихли, и они перешли к спокойной, душевной беседе, возвращаясь в квартиру, стремясь первым делом увидеть свою старшую – Варвару, и уже вместе с нею излить друг другу свои накопившиеся с годами эмоции.

На следующий день гости стали разъезжаться. Сначала ближние, потом, в последующие дни, и дальние.

Все эти скорбные дни сестры провели вместе, в отчем доме, нежно опекая отца, и друг друга.

Их мужья всё время находились поблизости, готовые в любой момент прийти жёнам и тестю на помощь.

Иннокентий и Максим, в это же время, старались ничем не досаждать своим родителям. Уединившись от взрослых в комнате, где старший поучал своего младшего, двоюродного, они вели себя скромно и предусмотрительно.

Мужчины: Егор и Платон, а также уже неплохо говоривший и понимавший по-русски Майкл, предались своим традиционно мужским разговорам, как обычно, начиная о спорте, переходя к политике, и заканчивая сексом. Их лёгкая, ироничная душевная беседа, разбавленная юмором Платона и сарказмом Егора, вызывала у слегка измученного алкоголем Майкла неподдельный восторг, хотя много из сказанного он и не мог понять в силу особенностей могучего русского языка. Часто он смеялся просто за компанию, одновременно заражённый неподдельно искренним, звонким смехом Егора и громогласным гоголем Платона.

Вечером, оставив женщин одних наедине со старым генералом, а отпрысков с компьютером, свояки-мужчины, для выяснения своих отношений и смысла жизни, уединились, по старой советской традиции, на кухне. Они выпивали, изредка закусывали и много говорили. Первую скрипку в беседе, как хозяин дома, играл Егор.

Его лёгкий, добродушный нрав позволял быстро найти общий язык с любым собеседником. Платон очень соскучился по общению с ним.

– «У нас всегда, исторически, выпивают на троих!» – информировал Егор своего зарубежного свояка Майкла.

– «У нас, в России, вообще, бог троиху любит!» – уточнил Платон слова Егора, являвшимся практически единственным человеком, с которым он мог расслабиться, не играть какую-то роль, а быть естественным, самим собой.

Траурные дни закончились.

Сёстры занимались оформлением юридических дел, связанных со смертью матери.

В этот период Клавдия отказалась от всего своего российского наследства и переоформила его на своих сестёр. Остальное время они гуляли и ездили по Москве и Подмосковию, по памятным местам семьи Гавриловых.

После девятого дня Клавдию с Майклом, в сопровождении Варвары и Ксении, уже несколько оправившийся от горя генерал, лично отвёз на своей Волге в международный аэропорт «Шереметьево-2».

Прощаясь со средней дочерью, он чуть было не расплакался:

– *«Доченька! Клавушка! Прощай, родная! Чтоб у тебя и твоей семьи всё было хорошо! Счастья Вам! Ведь мы больше не увидимся! Я долго не протяну!».*

Клавдия бросилась к отцу на шею, обнимая и обсыпая его поцелуями, и тоже сквозь слёзы, прощаясь, уже дрожащим голосом прошептала:

– *«Папка! Не надо так говорить! Я тебя люблю! И хочу, чтобы ты жил долго! Крепись! Возьми себя в руки! Мы поможем тебе! До свидания!».*

Супруги поднялись по трапу, повернулись, на прощание махнув руками, и послав воздушные поцелуи, и скрылись в дверном проёме огромного самолёта. Провожавшие дождались взлёта «Боинга 747» авиакомпании «Эйр Канада», взявшего курс на север, уносящего от старого генерала его родную кровиночку, частичку его души и сердца. От фактической потери дочери Александру Васильевичу стало плохо. И, если бы не сопровождавшие его дочери, неизвестно, как бы они добрались обратно до дома.

Поначалу ехали молча. Каждый думал о своём. Старый генерал вёл машину уверенно, но осторожно.

Вскоре сёстры начали оживлённую беседу о своих текущих проблемах, дав возможность отцу хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей.

Все последующие дни они обе очень внимательно и заботливо следили за ним и его самочувствием. Ксения стала чаще навещать его, иногда прихватывая с собой Платона и Кешу.

Набравший силу летний сезон первого года тысячелетия вновь отвлёк Платона на его дачные заботы. Как всегда, в самом начале июля, он вывез на дачу и свою матушку, Алевтину Сергеевну. Тут же, 9 июля, отпраздновали и её 79-летие. По дороге со станции Платон собрал маме букет её любимых полевых цветов.

На это раз сын решил одарить маму сладкими подарками. Он вдруг вспомнил, как в детстве они с сестрой Настей с нетерпением ждали её прихода домой с чем-нибудь вкусненьким. И он решил отплатить ей тем же, закупив значительное количество сладостей в большом ассортименте. Какова же была радость Платона от созерцания того удовольствия, с которым его престарелая матушка приняла этот давно ею позабытый подарок. Ему было приятно видеть, как, усадив 10-летнего внука, теперь уже не на колени, а рядом, бабушка в меру угощала того различными сладостями, из педагогических соображений подсказывая ему не забывать и про маму с папой. В результате вся семья вкусила элементы, буквально, сладкой жизни.

Они прожили вчетвером почти полтора месяца. После чего Ксения заторопилась в Москву. Она не привыкла долго жить со свекровью, да и состояние здоровья отца требовало более частого его посещения.

Последние три недели августа особым образом врезались в память Платона.

В эти, очень похожие друг на друга дни он, возвращаясь с работы и ужина из заботливых рук матери, слушал её ежевечерние рассказы о жизни, взглядах, переживаниях, о радостях и невзгодах, о несбывшихся мечтах.

По всему было видно, что Алевтина Сергеевна, таким образом, прощается с сыном.

Да она этого и не скрывала, периодически повторяя ему об этом:

– «Сынок! Ты только пойми меня правильно, и не сердись, и не расстраивайся! Я уже прожила большую и нелёгкую жизнь. Вас с Настей вырастила и дала образование. У Вас теперь есть своё потомство. Я очень рада, что у тебя много детей, которых ты любишь и привечаешь! Тебя, как всегда, тоже все уважают и любят! Надеюсь, что всё у Вас и Ваших детей сложится хорошо! А я, сынок, просто устала жить! Мне моя жизнь уже не в радость, а даже в тягость! Здоровье никуда не годное! Мне уже пора умирать! Да, сынок, не возмущайся, это так! Так что готовься, мой мальчик, к такому финалу!».

Платон еле сдержался, чтобы не прослезиться. Он давно это чувствовал.

Мать даже внешне вела себя как-то странно. Как будто со всеми и всем прощалась. Но при этом она была в очень хорошем, каком-то приподнятом настроении и умиротворённом состоянии.

Единственное, что её угнетало больше всего, это неуравновешенный, а иногда просто взрывной, характер её младшего внука Иннокентия.

– «Сын! Не уппусти парня! За ним нужен глаз, да глаз! А то он таких наворочает дел, сам не расхлебает!».

Платон всегда прислушивался к материнским советам в части воспитания детей, анализа поведения и характеров других людей – советам бывшего и весьма успешного педагога.

Но всё его подсознание жило предчувствием неумолимо надвигающейся беды. Он гнал от себя назойливые мысли, но они настойчиво, раз за разом всё же лезли в его голову, частично парализуя его волю и даже наводя на него некоторый страх, а то и почти животный ужас.

Насмотревшись на терзания Ксении, ему, особенно теперь, никак не хотелось терять свою мать.

Но холодный рассудок всё же подсказывал близость развязки.

Чтобы как-то отвлечь матушку от пораженческих мыслей, Платон, больше интуитивно, чем осознанно, вовлёк её, помимо приготовления пищи и мытья посуды, ещё и в некоторые новые домашние дела.

Сославшись на неумение и нежелание Ксении вязать, он попросил мать заштопать его тёплые носки.

Та с удовольствием согласилась. И хотя её зрение уже потеряло остатки остроты, она всё же очень старалась доставить своему любимому сыночку хоть такую пользу и радость.

Чуть позже Платон начал достраивать забор между ними и соседями. И Алевтина Сергеевна была вынуждена ему в этом немного помочь.

Забор, в виде сетки «рабицы», закреплённой на асбоцементных столбах, предстояло натянуть лишь по линии от уровня дома до угла участка, где стояла её любимая берёза-талисман, то есть практически до металлических ворот, закрыв их участок автомобильной стоянки.

Мать, сидя на стуле и одновременно, иногда помогая себе тростью, как могла, держала рулон сетки, периодически с укоризной поглядывая на должников-соседей.

Вскоре забор был готов, и Платон торжественно объявил об этом матери:

– *«Мам! Наша с тобой давняя мечта наконец-то сбылась! Посмотри, как стало уютно и красиво!».*

На фоне забора и берёзы он даже сделал фотографию Алевтины Сергеевны, якобы сидящей в Волгу. Тогда сын ещё не знал, что эта фотография матери станет её прижизненно последней.

Вскоре, 28 августа, во вторник, они отбыли в Москву.

По пути его старая, 24-ая, бывшая генеральская Волга с № 00-41 часто барахлила. Платону приходилось несколько раз останавливаться и поправлять свечи, а потом вообще ехать только на второй передаче.

В Москву прибыли поздно и мать, похвалив сына за аккуратную езду, оставила его у себя на ночёвку, так как к тому же, возвращаться поздно ночью в гараж на неисправной машине было бы безумием.

Уже потом Платон подумал, что Бог тогда, как будто бы с неохотой, отпускал их с дачи в Москву, а потом дал ему ещё один шанс побыть последний раз дома со своей матушкой.

С одной стороны Платон был доволен, что на даче всё обошлось. Он выполнил свой сыновний долг, дал возможность маме хорошо отдохнуть и физически и морально, поднабраться сил для длительной зимовки в городе.

С другой стороны его волновала жизнь матери после летнего сезона. Теперь на неё вновь обрушатся домашние заботы, хлопоты и вечные споры-ссоры со, совместно с ней постоянно проживавшим старшим внуком от дочери, – Василием.

Да, так оно и получилось. Не успела бабушка как следует освоиться после возвращения домой, как уже на следующий день, в среду, внук ошарашил её сообщением о скорой женитьбе и приводе в дом своей второй половины.

Такая информация привела старушку в душевный трепет и тревогу, вылившиеся во вторую, спустя почти семь лет, инсульт с параличом всей правой стороны тела. И уже в четверг сестра Платона, Настасья, обнаружила, с утра лежащую, почти обездвиженную мать, лишь во второй половине дня, к счастью для всех придя в этот день её навестить. Почти через час мать увезли в больницу, из которой она уже не вышла.

За исключением тут же внезапно заболевшей Настасьи, Платон и Василий дважды в день поочерёдно навещали Алевтину Сергеевну. Лечащий врач сразу объяснил родственникам, что дело серьёзное. Всё решит первая неделя. Если к её концу больная хоть немного оправится, то будет, хоть сколько-нибудь и как-нибудь, жить. А если нет, то конец безысходен, и медицина тут бессильна.

Окружив мать и бабушку возможной заботой, мужчины делали всё, что могли сами. Для ухода за лежачей больной Василий раскошелился на наём медсестры.

Однако по их общему мнению та не очень-то себя утруждала выполнением возложенных на неё обязанностей. Пришлось нанять ещё и другую.

Дни шли. Самочувствие Алевтины Сергеевны поначалу несколько улучшилось. Хоть и с трудом, еле шевеля непослушным языком, она ещё могла вести недолгие беседы со своими старшими мальчишками. Но на седьмой день, в среду, началось ухудшение её состояния.

Последующие три дня Алевтина Сергеевна уже не могла говорить сама, понимая всё, что говорили ей.

В короткие перерывы сна, в который её ввергали сильнодействующие лекарства, сыну и внуку приходилось угадывать её желания, правильное исполнение которых она подтверждала невнятными звуками, веками глаз, или слабым пожатием руки.

Василий сообщил обстановку уже несколько выздоравливающей матери, а Платон попросил её хотя бы в субботу и воскресенье навестить их матушку, дав ему возможность перевести дух и съездить на дачу поработать.

Но на девятый день, в пятницу вечером, после последнего визита сына, наступило уже резкое ухудшение состояния её здоровья.

Ещё находясь в сознании и понимая свою перспективу, Алевтина Сергеевна попросила верующего внука обеспечить её соборование, что и было им быстро организовано.

После священнодействия, днём в субботу, её состояние несколько улучшилась, она успокоилась, готовясь уйти в мир иной. По мобильнику внук обеспечил связь матери с бабушкой, и та услышала наконец-таки давно ожидаемый голос доченьки и её обещание приехать завтра. Когда же Настасья вместе с подругой матери утром в воскресенье приехали в больницу, их ждала уже остывшая постель. Алевтина Сергеевна ушла из жизни спокойно, с верой, с чувством исполненного долга.

Платон узнал об этом от жены вечером в воскресенье. Поражённый страшной новостью, он не мог вымолвить ни слова. Даже слёз у него в этот момент не было от изумления.

Ведь вчера и сегодня всё на даче говорило о смерти матери. Только он этого не понял, или не хотел обращать на явные, странные признаки никакого внимания.

Но именно в момент смерти матери в субботу, с шести до семи часов вечера, рабочие на даче распиливали на чурбачки остатки, укороченной ещё неделю назад на одну треть, её любимой берёзы.

А в воскресенье, вообще, уже уезжая с дачи, при попытке отпереть изнутри новый, недавно вставленный в калитку замок, Платон нечаянно сломал его и вынужден был перелезть через ворота. И только вечером всё стало на свои места, вернее навсегда сместилось с привычных мест.

Утром в понедельник, первым делом позвонив в ритуальное бюро и обговорив всё необходимое, Платон с Василием, который стал теперь правопреемником своей бабушки, занялись получением разрешения на её захоронение в землю на уже закрытом для этого Николо-Архангельском кладбище, альтернативой которому было бы Богородское кладбище у чёрта на куличках.

И хотя шансы на получение разрешения были минимальны, им всё же этот важнейший вопрос удалось решить положительно.

Платон, как мастер слова, составил письменное прошение, и они с племянником подъехали в разрешительную инстанцию. Как ещё помнящий свои производственные, совместные с коллегами, визиты к генералам и министрам, он проинструктировал Василия, как надо вести себя с ответственным чиновником в данной ситуации.

Он распределил роли и разработал сценарий разговора со всеми возможными его коллизиями.

После вручения главному по этому вопросу чиновнику их прошения, Платон устно от себя огласил главные его моменты:

– *«Мы хотим захоронить мою мать на том же кладбище, где был кремирован и похоронен мой отец. Но она, как верующая, завещала её захоронить по старому обычаю, в землю!».*

– *«Но это кладбище уже закрыто для таких похорон!».*

– *«Да, мы знаем! И только Вы можете этот вопрос решить положительно для нас! Потому к Вам и обращаемся!».*

– *«Но для этого нужны веские основания!».*

– *«А они у нас есть! Моя мать ветеран трудового фронта! Во время войны по заданию партии была директором школы! После войны доработалась до начальника отдела Министерства. Почётный ветеран труда, имеет несколько правительственных наград. Для нас важно, чтобы наши родители были захоронены на одном кладбище. Ведь на нём похоронены и все другие наши родственники! Сейчас дополнительно готовятся ещё и ходатайства из её Министерства и Совета ветеранов войны и труда! Но нам их ждать некогда! Так, что очень просим Вас сейчас помочь нам! Только Вы один можете решить этот вопрос положительно!».*

Ответственный чиновник, к счастью для всех, оказался человеком отзывчивым и порядочным. Впечатлённый прочитанным и убедительно доложенным, а может и солидным, интеллигентным видом Платона и его огромного племянника, угрюмой тучей своих ста двадцати пяти килограммов нависавшего над его столом, он тут же наложил положительную резолюцию.

Радостные, но не счастливые, от выполненной сложной и главной задачи, они с головой окунулись в необходимые в таких случаях хлопоты.

Сначала поехали на кладбище для выбора для могилы места из двух предлагавшихся. Выбор остановили на сосновом бору – небольшой котловине с песчаным дном, под сенью множества любимых матерью берёз.

Другой вариант явно не подходил, так как могила предлагалась в топком месте у самой дороги. На утро следующего дня Платон, его самый старший племянник Григорий, и Василий забрали из больницы гроб с телом Алевтины Сергеевны и сопроводили его в церковь Рождества Иоанна Предтечи в Ивановском. Там их уже ждали все собравшиеся родственники. Для чтения молитв над телом усопшей гроб оставили на целые сутки.

Платон, ранее никогда специально не посещавший церквей, на этот раз был вынужден подчиниться принятому ритуалу. Больше всего в церкви его поразило не роскошное убранство и наличие большого количества икон, а необыкновенно живое и умиротворённое лицо матери.

На похороны Алевтины Сергеевны приехали все три её брата: Юрий со своим сыном Сергеем, Виталий и Евгений. Собрались и все, на тот момент здравствовавшие и находившиеся в Москве, её московские родственники: сын Платон с невесткой Ксенией и внуками Иннокентием и Даниилом; дочь Настасья с внуком Василием и его молодой женой Дарьей; сын падчерицы Григорий.

Пришли также ещё оставшиеся в живых её старые подруги, и соседи дочери по дому, помогавшие в организации поминок, а также друг Василия – «Касимовский отец Андрей».

На следующий день, в среду, 12 сентября 2001 года с рождества Христова, состоялось отпевание в церкви души усопшей, а затем и захоронение её тела на Николо-Архангельском кладбище.

После прощания с покойной её братьев и других провожавших её в последний путь, к гробу подошёл Платон.

В слезах он наклонился над головой матери, целуя её через закрывавший лоб холодный венчик с молитвами, и шепча сквозь стиснутые зубы:

– *«Мамуля, прощай! Прости меня! Я сделаю всё, как ты просила!».*

Самой последней подошла Настасья. Она тоже также простилась с матушкой, шепча что-то своё.

Отец Андрей накрыл тело саваном, крестя и крестообразно осыпая его песком из церкви. И только когда крышка гроба навсегда скрыла от глаз Платона лицо его любимой матушки, Платон залился слезами.

Три дядьки Платона, он сам, и два его племянника понесли тяжёлый гроб на место его постоянного пристанища вниз, в ложбинку. По пути приходилось перехватывать руки, чтобы с трудом протискиваться между оград других могил. Платон невольно разглядывал такие же заплаканные, сильно постаревшие лица, с детства любимых им, своих единственных по материнской линии дядей. Видя, с каким трудом несут они дорогую им тяжесть, сердце его наполнялось необыкновенно нежной жалостью к ним.

Перед самым погребением братья сказали ещё по несколько слов в адрес своей старшей сестрёнки, фактически выучившей и воспитавшей двух самых младших из них. Вскоре всё было закончено.

Возложены цветы и один большой венок от всех, металлический крест, свечи у ног и головы.

Старший из братьев, Юрий, привёз с их общей родины и возложил на могилу сестры горсть отеческой земли и густую веточку терновника со спелыми плодами. На месте помянули Алевтину Сергеевну, выпив залпом по чарке водки и сфотографировавшись на память.

Братья положительно оценили выбранное для могилы место: теперь постоянное и законное для их семьи, – заметил старший из них, – и символично, что кладбище находится не только вблизи Москвы, но и вблизи Реутова, где долго жила Алевтина.

На её поминках, проходивших на, находящейся вблизи упомянутой церкви, квартире дочери и ею же руководимых, ведущее место заняли религиозные ритуалы. Настасья Петровна наконец-то, что называется, дорвалась. Платону казалось, что здесь разыгрывается хорошо и заранее с режиссированный религиозный спектакль. Но делать было нечего. Как говорить, в чужой монастырь со своим уставом не суются. Платон, как мог, на сколько позволяло его мировоззрение, почитая традиции, но в разумных пределах участвовал в церемониях. Если поведение его сестры и, находящихся под её религиозным влиянием, племянников не вызывало у него какого-либо удивления, то активное участие в этом его некогда идейных и партийных дядюшек поначалу несколько шокировало.

Он видел, как с каким-то наслаждением, даже упиваясь, сестра вела поминальную церемонию. Но присутствующие были не против, и полностью подчинялись её требованиям.

Ну, бог с ней, с истово верующей сестрой. Ведь их мама ведь тоже в последние годы своей жизни стала веровать, хотя не так фанатично, как её дочь.

Постепенно церемония перешла в простое общение между давно не видевшимися родственниками.

Засидевшись допоздна, дяди остались ночевать у племянницы. Почти до самого утра братья оживлённо беседовали, ибо им, давно не видевшимся, было, что поведать друг другу.

Наутро Платон, но уже без своих домочадцев, вновь приехал к сестре, где после совместного долгого завтрака, поехал провожать своих трёх дядей. Надо же! Их осталось трое! Опять Бог любит лишь троицу! – невольно, но как-то смутно, пронеслось в его сознании.

На прощание все вместе, трое дядей и два самых старших племянника, Платон и Сергей, сфотографировались на память.

Удастся ли ещё когда-нибудь свидеться? Наверно, да! И опять по печальному поводу? – посетила Платона навязчивая мысль.

В последующие дни он многое передумал о событиях, предшествовавших и сопутствовавших смерти своей любимой матушки, и сочинил целую поэму, посвящённую ей:

Друзья! Я знаю..., иногда случается...
Не дай бог потерять Вам свою мать!
Поскольку мы от них всегда рождаемся,
Природы нам почти не перегнать.

А, если перегоним, – то трагедия!
Для матерей, отцов, и всех родных.
Считай по крупному, – то трагикомедия:
«Зачем Вы перегнали пожилых?!».

Меня, тут летом, как-то упрекнули:
«О матери не пишешь ты совсем!»
И возмущенье тем в душе раздули:
«Но ведь она жива! Ну, Вы совсем...!».

Меж тем вся череда событий

Настроила меня на грустный лад.
Цепочку странных, маленьких открытий
В сознании я мысленно кручу назад.

Когда людьми неведомая сила
Незримое нарушила табу...
И мать моя ведь, Алевтина,
Почила... в голубом гробу...

Любимой матушке моей,
«Сергевне», просто Алевтине,
Я напишу стихи скорей,
Пока слова не засосало в «тине».

Я с матерью всегда был откровенным.
О чём бы ни беседовали мы.
А собеседником она была отменным,
И подмечала все мои черты.

Ни с кем другим нет у меня ведь понимания.
Всё потому, что я совсем другой.
Родители не оставляли без внимания:
Я сын отца и матери родной.

Я чувствовал всегда её поддержку,
Так, как в семье желанным был рождён.
И, если замечал за ней издержку,
Её любовью был я поглощён.

Я помню, как мы с мамой уезжали
Из дома – дачи, где уж слишком сорок лет
Бок обок вместе мы дела свершали,
Чрез множество, пройдя проблем и бед.

Она оставила свой посох у крыльца,
Сойдя с его последнего венца.
И из машины дом перекрестила,
И, как бы, в памяти своей весь сохранила:

В надежде вновь сюда вернуться,
Природе дачной мило улыбнуться,
В тепло вновь лета сразу окунуться,
И от мирских забот совсем очнуться.

Я строил планы уж на будущий сезон.
Она сказала, что дожить бы надо.
В словах её, конечно, был резон.
Теперь она уж не увидит сада,

Который так лелеяла она,
Но больше прокопавшись в огороде,
Ничем существенным не жалуя себя, –
Дитя, воспитанное жизнью на природе.

Моя душа с ней рядом отдыхала.
Моим словам она всегда внимала.
И, как никто другой, всё понимала.
Какой я есть, таким и принимала.

Советовала мне недавно мать,
Чтоб я пораньше спать ложился,
От жизни чтоб не утомился,
И утром свежим смог бы встать.

Меня она всегда ведь понимала.
И понимала, как никто другой.
И пониманьем этим вдохновляла
На трудные житейские дела порой.

Два полных месяца прожив на даче,
Вела хозяйство чётко, не спеша.
И не могло ведь быть иначе.
Нам жизнь казалась, просто хороша!

Забор мне летом помогала ставить.
Стихи мои читала каждый день.
Меня пыталась ведь на верный путь наставить,
На нужный в жизни лад, хоть я давно не пень.

Мне много летом помогала.
Одна частенько там дневала.
От одиночества, тоски
Все перештопала носки.

Мы с ней беседовали много
На даче, в августе, в конце.
Меня напутствовала строго
Улыбка на её лице.

И верен я её заветам,
Как жизнь оставшуюся жить.
И внемлю я её советам,
Как негатив в себе изжить:

«Жену и сына воспитать,
Всем детям мудрость передать,
И чашу полную добра
Испить всю полную до дна.

А после смерти, в час поминок,
Собрать всех братьев и детинок,
И горькой чаркой помянуть
Сестру и мать! И не забудь:

Для многих бабушкой была,
Да и прабабушкой слыла.
И прочую родню, гостей...
Ты тоже им вина налей,

Пока не вышли «за бугор».
Церковное вино – Кагор
Ты в чарки им налей полней.
Наполни все ты их скорей,

Чтобы меня им помянули,
И помнили все обо мне,
Под образом свечу задули,
Оставив образ мой в себе!».

Её пророческим рассказом,
И материнским я наказом
Направлен был на верный путь,
С которого мне не свернуть.

Стихи мои она любила,
И за ошибки не корила.
А, что не так, так мило пожурит.
При этом мне ничем не навредит.

И нету больше у меня опоры!
К кому с советом обратиться мне?
Ответственности тяжкие оковы
Теперь добавлены к моей судьбе.

Одна практически жила
Последних две декады.
И увлечение нашла,
Презревши все расклады.

Со многими прощалась ведь она,
По толстому письму всем написав из братьев.
Как будто подытожить тем смогла
Свою и жизнь ближайших из собратьев.

Всю жизнь прожившая в борьбе,
И жертвуя собой отменно,
Она ведь закалялась вся в труде,

Здоровье тратя постепенно.

«Берёзу, что растёт в углу, Вы не рубите!» –
Частенько повторяла мне и всем, –
«И тем меня не погубите.
Её не будет, я умру совсем».

К ней мама часто подходила,
И руки клала на кору.
Берёзоньку свою любила,
Держа в объятьях, как в плену.

Берёзу эту не спилили,
А лишь на треть укоротили.
И спиленные два ствола лежали,
И никому ведь не мешали.

Однако их всё ж распилили
На чурбачки. И в тот же чёрный час
В больнице простынёй её накрыли.
Покинула она навеки нас.

Себе я не могу никак простить,
Что согласился всё ж спилить берёзу,
И этим я создал для матери угрозу.
Назад содеянного мне не возратить...

Уехали, забыв снять занавески,
Которые повесили с тобой.
Дала ты повод этим для невестки
Сорвать другие и убрать долой.

Во гневе, стиснув пальцы в хруст,
Я крикнул: «Что ты натворила!?»
И чуть не вырвалось из уст:
«Ведь ты её сейчас убила!».

И я считаю, что мне посчастливилось:
Осуществлял за матерью в больнице я уход,
Хотя нутро моё тому противилось.
Но радовал её ведь каждый мой приход.

Я альбуцид закапывал в глаза.
И, чистой марлей веки протирая,
Не знал тогда, что пел ей Ю.Лоза,
По радио заявку выполняя.

Ухаживал за ней, как за грудным младенцем.
И пеленал её..., и просто убирал.

Лицо ей вытирал я влажным полотенцем,
И руки гладил, в щёку целовал.

Губами, еле шевеля,
Всё повторяла тихо, тихо:
«Водички», или «Поверни меня».
И мне казалось это дико.

И мать меня сыночком назвала,
Шепча мне на ухо, чуть шевеля губами.
«Меня б к себе с собой не позвала!» –
Подумал я, в слезах скрипя зубами.

И руку стиснула мою
Своею левою рукою,
Энергию мне передав свою,
И напоследок зарядившись мною.

Тепло её слабеющей руки
Своей я буду долго ощущать,
Когда заплачу я с тоски,
Придя могилу навещать.

В гробу прекрасною была:
Моложе и красивой.
Во мне сомненье родила...
Её поднять бы силой.

Но воскресить её не мог.
Я не волшебник, и не бог.
«Я только... этому учусь».
Не научившись..., утомлюсь.

Мелки способности людей.
Всё мог бы только иудей,
Которого зовут Христом,
Распятый издавна крестом.

Её мы в церкви отпевали.
Звалась Ивановской она.
И ей возможность создавали
Легко уйти на небеса.

Святой же, Серафим Саровский,
Землячку в ней свою признал,
И, покровитель земли окской,
Ей путь на небо указал.

Ведь на Земле была «святой».

Над ней, как будто, нимб светился...
И нету больше дорогой,
И дух покорно удалился,

Оставив лишь на память мне
Свои заботливые руки,
Ночные телефона звуки,
И голос в полной тишине.

Когда ж икона Серафима Саровского
Мироточила мерно за моей спиной,
То в этом было много богословского,
Отгороженного от меня глухой стеной.

Благоуханьем этой мирры
Сошла вдруг божья благодать
Сюжетом для молитв и Лиры.
Сие в словах не передать.

Она лежит в гробу, как будто бы живая.
И мне хотелось ей сказать: «Вставай!»,
На мой души надрыв, не отвечая,
Как над собой ты руки не ломай.

И что ж на деле оказалось?
И что же, всё-таки, тому виной?
И никого уж больше не осталось
Из предков за моей спиной.

Касимовский отец Андрей,
С божественным, красивым ликом,
Над гробом таинство свершил.
И сочным басом, иерей,

Обласканный весь Солнца бликом,
Об этом всем нам сообщил.
И с иереем, А.Коврижных,
Племянник мой на пару пел.
И сочный бас двоих их, нежных,
Всех нас оставил не у дел.

На кладбище растёт лесок.
И где-то, верно в середине.
Там, где на дне почти один песок,
В красивой, плоской котловине,

Под сенью сосен, елей и берёз,
В зелёном, мирном леса окружении,
Сам Бог могилу маме преподнёс.

Во всяком случае, все мы сошлись во мнении.

От всей семьи венок один,
Гвоздик охапка красных, –
Восьмой десяток ведь годин
Прожит был не напрасных.

И крест с распятием золотым,
Табличка у ног бранных, –
Напоминанье молодым
От пожилых и тленных.

А три свечи у ног стояли.
Пятёрка у колен была.
По-разному все догорали.
Совсем оплавилась одна.

Та, что стояла посредине,
И в окруженье четырёх.
Как будто утонула в тине,
Подальше от стоявших трёх.

А старший брат её, Ю.С.,
Повеса в детстве из повес.
Был раньше форменный бутуз.
Теперь хранитель братских уз.

Он на могилу сестры старшей
«Венок» терновый положил.
И, с Родины приветом ставший,
Навеки он на ней застыл.

А удивительные с виду совпадения,
Как думал я – то божества творения,
Сестра мне объяснила чертовщиной,
И прочей ерундой и бесовщиной.

Я дал им шанс меня склонить бы к вере.
И мне, казалось, мать сигнал дала.
Я был уверен в этом в полной мере,
И думал, что сестра мне солгала.

Когда покинул дачу в воскресенье,
Не знал ещё, что мамы больше нет.
Но новый, сломанный замок, поверь мне,
Калиткой запертой нам наложил запрет

На посещение неостывшей дачи,
Где мама столько силы отдала,

Работая всегда, не требуя отдачи.
Меня своим примером увлекла.

Спустя неделю я туда вернулся.
Под спиленной берёзой, в уголке
Грибами я ни мало удивился,
Расположеньем их, количеством в траве.

И, словно антиподы жёлтых свечек,
Три точно в ряд, а пять растут «письмом».
И восемь малых шляпок, – чёрных вешек,
Стоят на тонких ножках кверху дном...

А средний брат её, Виталий,
В застолье речь всем произнёс.
Владелец многих он регалий,
До нас простую мысль донёс:
«На финише земных баталий
Бог душу бы её вознёс!».

А младший брат её, Евгений,
Слезу скупую проронил, –
Он труд создал свой, словно гений, –
За всё её благодарил.

Её министры уважали,
Сотрудники любили все.
За труд частенько награждали,
И почитали все, везде.

И мамы верная подруга
Держала перед нами речь...
По поводу..., её недуга...,
И слёзы начинали течь.

По всей России бесконечной,
И с благодарностью сердечной,
Живут её ученики...
Те годы были нележки,

Когда война кругом косила,
Мужские жизни уносила...
Нехватка кадров ведь была...
Восполнить их должна она.

Ученики её чрез годы
К ней уваженье пронесли,
Преодолея все невзгоды,
Привет до мамы донесли.

Средь них и двое братьев были.
Они о том не позабыли,
И помнили всегда, везде,
Что выручало их в беде.

Восьмого марта, в день весенний,
По радио прошёл концерт.
О том узнал лишь в день осенний,
Когда я заглянул в конверт.

Где ученик её, да за глаза,
Для мамы эту песню заказал.
Про «...плот», что исполнял Лоза.
Тем уваженье маме выражал...

Лишился всё ж моральной я опоры.
Кто мне теперь опорой может стать?
И больше у меня не будет форы,
Которую родители могли мне дать.

И что же делать мне теперь?
И что ответить мне на это?
Хоть верь в приметы, хоть не верь,
Но наступило бабье лето.

Сестра моя, – апологетка веры, –
Из похорон устроив балаган,
Немало потрепала людям нервы,
Чуть было мне не закатив скандал.

Но я смирился. Бог ей ведь судья!
И мама моя тоже верующей была.
А что касается людей обмана,
Так это не из моего кармана.

Так берегите всех живущих!
От жизни к смерти только миг!
И богохулами слывущих,
И любящих всех божий лик.

И слёзы льются каждый раз,
Когда на даче я бываю,
И за столом я вспоминаю,
Где с ней сидели много раз.

Никто не назовёт меня сынком,
И не погладит нежно по головке,
Не поцелует в темя вечерком,

Ко мне склонившись тихо, в изголовке.

Никто не поцелует в щёку,
Пытаясь нежно торс обнять.
Не скажет мне, к какому сроку
Приехать должен я опять,

И навестить свою родную,
Всегда заботливую мать...
Посылку внуку, небольшую,
Попросит, скромно, передать.

Закончу этим грустное своё сказание.
Потомкам я своим скажу лишь в назидание:
«О чём я точно знаю наперёд.
Придёт когда-нибудь и мой черёд!».

И некуда деваться простому человеку.
Как ни старайтесь, вечно нам не жить.
Как дважды не зайти в одну и ту же реку.
Но каждый Человеком в жизни должен быть.

Я четыреста выстрадал строчек.
Из груди своей, сердца отдал.
Кое-где не закончил..., из точек.
То, что я не сумел, не сказал.

Пусть навечно останется память
О мамане моей, об А.С.
Её образу в нас не растаять.
Пусть глядит на нас с дальних небес.

О матери я написал своё творение.
И многое вместил в сие стихотворение.
Всё, что хотел, друзья, Вам рассказать.
И ни о чём я больше не хочу писать!

В бору сосновом, на песчаном дне,
За металлической, простой оградой,
Её могила в полной тишине.
То место станет для меня отрадой!

Тяжёлые дни прошли, и Платон снова окунулся в повседневную, спокойную обыденность. Но ненадолго. Через полтора месяца скончался и тесть.

Да, теперь я вижу, что Бог действительно троичен и любит! И как? До смерти! – недоумённо и возмущённо подытожил Платон просто трагические события последних пяти месяцев.

Но эта смерть, в отличие от женских, всё же ожидалась. Александру Васильевичу пошёл уже 85-ый год. Он даже прожил почти на два месяца больше, чем умерший тринадцатью годами ранее отец Платона Пётр Петрович.

Его здоровье было ни к чёрту. Совсем переставали функционировать лёгкие. Да и сердце уже работало на пределе своих оставшихся возможностей. И только постоянная забота горячо и давно любимой и любящей жены Надежды Васильевны, с которой они прошли и огонь и воды и медные трубы, до этих пор держали старика на плаву.

Последние часы жизни старый генерал провёл в объятиях младшей дочери Ксении. Поэтому именно она услышала его последние слова и предсмертный хрип, закрыв навеки глаза своему любимому папуле.

В эту ночь была её очередь находиться вместе с отцом.

Ещё сутки назад лечащий врач и заведующий отделением предупредили её сестрёнку, что больному осталось жить буквально несколько часов.

Поэтому по звонку Варвары Ксения, тут же сделав международный звонок Клавдии, раньше срока сорвалась в больницу, боясь опоздать на прощание с отцом.

Но тот, увидев вместе своих любимых девчонок, напоследок даже несколько воспрянул духом, прожив дополнительные часы в их объятиях и окружении.

Тестя хоронили по уже отлаженному жизнью печальному сценарию.

Прощание в траурном зале больницы – отпевание в Ивановской церкви – предание земле на Николо-Архангельское кладбище – поминки в их квартире в высотке на Котельнической набережной.

Платона поразило значительное количество присутствовавших однополчан тестя – ветеранов войны, да и просто пожилых военных, видимо совместно служивших с ним.

При подъезде к Ивановской церкви траурный кортеж ожидало оцепление и наряды милиции.

Стало ясно, что ожидается приезд друга их семьи, самого Ю.М.Лужкова. В этот день в церкви отпевали двенадцать покойников. Народу было много. Видимо это обстоятельство и сорвало визит мэра. Его заменил старший сын от первого брака Михаил – тоже бывший военный. Своей удачной начальной военной карьерой он во многом был лично обязан Александру Васильевичу.

От Ивановской церкви кортеж направился на Николо-Архангельское кладбище по маршруту, ставшему уже привычным. Там останки старого генерала навечно упокоились рядом с останками его верной подруги жизни.

Как и в июне, Клавдия прилетела вовремя, но на этот раз всей семьёй, захватив всех троих своих детей.

На поминках Александра Васильевича народу собралось даже больше, чем прошлый раз. Отдавая дань уважения всей семье Гавриловых, пришли и те, кто не смог прийти на похороны Надежды Васильевны.

Многие лица показались Платону знакомыми, но узнал он лишь одну артистку Ладынину. Надежда Васильевна долгое время дружила с Тамарой Логиновой и была знакома с проживавшей в их доме Мариной Ладыниной.

Уже поздним вечером, после того, как в квартире остались лишь члены семьи усопшего, трое свояков опять привычно уединились, но теперь не на кухне, где три сестры мыли посуду, а в гостиной. А их пятеро детей тем временем оккупировали кабинет своего деда.

Беседа началась дежурным североамериканским вопросом Майкла:

– *«Как дела!»*.

На что последовал не дежурный, находчивый, диссидентский ответ бывшего гегемона:

– *«КэГэБычно!»*.

Разобравший слова, но не понявший отечественного юмора, Майкл, немного поразмыслив, недоумённо спросил:

– *«А что, за тобой ФСБ шпионит!»* – чем вызвал неподдельный гогот подельников.

На такой же вопрос, обращённый к Платону, тот ответил вполне серьёзно и искренне:

– *«А я, наверно, один из последних поколения комиссаров, капитанов, старост и прочих красных командиров. А уж после меня пошло, в основном, поколение куркулей, рвачей и хапуг!»*.

Но сейчас начавшаяся беседа из политической быстро переросла в обыденно-бытовую.

В этот раз количество ими выпитого превзошло их потенциальные возможности. Егор, как самый старший, формально став теперь главой большой семьи, совместно с Варварой фактическим хозяином этой квартиры, подсознательно совсем расслабился.

Он давно так много не пил, и уже потерял прежнюю квалификацию.

Егор, Платон и Майкл, на этот раз уже как старые, закадычные друзья, более разоткровенничались, чем в начале лета. Егор, отпустив свои тормоза, даже перестал себя контролировать.

Его речь стала менее связанной, но более развязанной.

Постепенно их пьяная беседа перешла на личности жён.

Каждый из них был женат на сёстрах не первым браком.

Как часто бывает с пьяными людьми, в их поведении стали проявляться негативные моменты, скрывавшиеся ранее внешним лоском и наносной культурой поведения.

Как говорится, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Вспоминая своих прежних жён, первым начал ностальгическое нытьё Егор:

– *«Первая моя жена даже бельё постельное гладила! А вторая – указал он крючковатым пальцем на закрытую дверь, за которой недавно скрылась Варвара, – не гладит – и, икнув, продолжил – даже меня!».*

Опечалившийся Егор взял в руки гитару, на которой когда-то играл весьма прилично, и затянул вульгарные песни из своей далёкой, буйной, хулиганской юности, невольно переходя на скабрёзность:

– *«Стоит статуя глазами вниз! А вместо хрена – лавровый лист!».*

Некстати в этот момент вошедшая сильно уставшая Варвара для прекращения пьяного излияния мужа не нашла ничего лучшего, как в пику ему заметить убийственное для любого мужчины:

– *«У тебя может и лавровый? А мне и кленового с дубовым мало!».*

Губы открывшегося от удивления рта Егора тут же мелко затряслись от обиды, а двое других собутыльников, не сдержавшись, приснули от смеха, ещё больше вгоняя в краску своего старшего свояка.

Но тут же Платон, как всегда, сразу прочувствовав ситуацию, быстро нашёлся, как её разрядить.

Он обратил внимание собратьев по возлиянию и излиянию на, мелькавшую на экране с приглушённым звуком телевизора, запись какого-то концерта с участием Лаймы Вайкуле:

– *«А она вот так бы не сказала!»* – спасительно отвлёк всех Платон, прибавляя звук.

И друзья по несчастью слышали исполняемую ею известную песню.

Благодарный Егор сразу же воспользовался ситуацией и, находясь ещё в обиде и эмоциональном раздражении на бестактность Варвары, тут же подхватил знакомый припев, внося в него свой пародийный мотив:

– *«По улице Чахохбили иду я, как первый раз. Там морду мне чуть не набили, как раньше бывало не раз!».*

В этот момент в комнату вернулась Варвара, подошла к мужу и, ласково глядя его по темени, целуя в лоб, извинилась перед ним и присутствующими:

– *«Извини! Чего баба спьяна и сдуру не скажет?!».*

Немного успокоенный женой и телевизором Егор неожиданно вдруг поменял тему разговора:

– *«А помните, раньше по телевизору выступала врач? Ну, как её? Буханчикова, кажется?».*

Засмеявшаяся Варвара, выходя из комнаты, тут же поправила мужа:

– *«Это ты у нас буханчиков! А она Белянчикова!».*

Постепенно разговор перешёл на личность Клавдии.

На вопрос Платона Майклу, как тот познакомился с нею, тот засмеялся и ответил:

– *«Очень забавно! Когда я был в составе делегации наших бизнесменов с деловым визитом здесь, в Москве, Клавдия переводила наши переговоры. Я сразу же влюбился в неё. С первого взгляда. После изрядной выпивки в ресторане я осмелел и во время танцев знаете, что я сделал?».*

Я ей тогда сказал: А Вы знаете, что я сейчас подумал? Ваш роскошный экстерьер будет очень гармонировать с великолепным интерьером моей спальни! А знаете, что она мне тогда ответила? И я долго не мог понять, что? Майкл, А Вы настоящий секстерьер!».

– *«Да, Клава очень красивая женщина! Сколько же мужиков было в неё влюблено! Сколько из-за неё голову теряло!»* – добавил успокоившийся Егор, с лёгкой ехидной улыбочкой поглядывая на одну из её бывших жертв.

Платон, смутившись, тут же ударился в пространные рассуждения:

– *«А, вообще говоря, женщины тормоз прогресса! Стоит тебе только сильно влюбиться, как сразу останавливаются все твои дела. Всё время и все мысли посвящены только*

ей! Любовь отупляет ум. Правда она, зато, обостряет остроту восприятия. И это особенно хорошо для людей творческих: поэтов, художников!».

– «Да, Иногда, когда я вижу проходящую мимо меня Варвару, мне хочется её трахнуть... – неожиданно перебил Платона Егор.

Он хитро выждал паузу, видя, как его свояки понимающе поддакивают ему головами, и победоносно неожиданно продолжил – *...палкой по жопе!».*

От такого внезапного поворота собутыльники заржали, как дикие ослы.

– «Опять Егор надо мной изгаляется!» – простонала из кухни Варвара.

– «Да, Егор – это Варварино горе!» – специально уточнила для Клавдии Ксения.

– «Да, нет! Счастье он моё!» – тихо и страстно возразила Варвара.

Действительно, Егор с Варварой жили счастливо и в согласии.

Варвара недаром остановила свой выбор на Егоре, так как чувствовала, что в нём таятся необыкновенная сила, доброта, великодушие и любовь, лишь на поверхности, прикрытые его неподражаемым народным юмором и сарказмом, слегка припудренные немного развязным поведением простолюдина, но всегда корректируемые его нравственной силой глубоко высококультурного человека.

К тому же Варвара сразу почувствовала, что в сексе с этим человеком она будет просто опущена им до обыкновенной шлюхи. Ощущение и ожидание этого не раз сводило эту сильную женщину просто с ума.

Их любовь была страстной и долгой. Несмотря на все их кажущиеся внешние несоответствия друг другу, они в постели брали реванш, доходя до экстаза, до полной взаимной гармонии. И это оказалось главным в жизни состоявшейся и независимой женщины.

Простые рабоче-крестьянские замашки Егора вносили в их отношения дополнительный шарм. К тому же Егор, несмотря на свой часто убийственный сарказм, от природы был весьма тактичен. Когда он чувствовал, что попал в чуждую ему среду общения, то он тогда полностью полагался на, всегда уверенно себя чувствующую в любой среде, Варвару.

– «Да! Бог создал женщину, чтобы разнообразить жизнь мужчины!» – попытожил Егор.

На этом мудрецы и порешили, закончив свою, допоздна затянувшуюся, дискуссию – беседу «святой» троицы свояков.

Наутро, раньше других вставший, Платон, улучшив момент, наметнул Клавдии захватить его с собой в магазин. Та тоже была не против с ним уединиться.

После завтрака она при всех попросила Платона помочь ей с покупками и вместе спуститься в магазин. Её выбор был вполне закономерен, так как Егор – хозяин, а муж Майкл – дорогой гость.

Перед выходом из квартиры Клавдия, потянувшись к пакетам с мусором, спросила Платона:

– «А куда девать пустые бутылки?».

Тот, перехватывая один из увесистых грузов, неожиданно для заморской гостьи ответил:

– «Да брось их в мусоропровод!».

– «Как это? Разве Вы их вниз не сносите?».

– «Зачем?».

– «Чтобы не гремели!».

– «Да нет! Бросим прям в мусоропровод!».

Видя удивление на лице растерявшейся женщины, Платон поучил отвыкшую от нашей действительности свояченицу:

– «Клав! Расслабься! Ты же дома, в России!».

– «А в Канаде все выполняют закон, и культура потому лучше!».

– «А может они просто боятся друг друга из-за взаимного и повсеместного стукачества и больших истрафов, а вовсе не из-за культуры?!».

– *«Может и так. Но со временем это становится привычкой, а затем и образом жизни!»* – победоносно заключила, очевидно, опиравшаяся на собственный опыт, бывшая соотечественница.

– *«Может быть»* – протянул Платон, как-то неуверенно на этот раз опуская в мусоропровод пакет с бутылками и закрывая скрипучую крышку.

Раздавшийся тут же грохот и скрежет вернул Клавдию к грустному ощущению, что она действительно дома, в России.

После короткой, несколько конфузной паузы, вызванной ожиданием лифта, родственники вновь, как ни в чём не бывало, зашебетали.

Разговор теперь, в основном, зашёл о Маше.

Клавдия сообщила Платону, что, беседуя с ней по телефону, передала от него привет и сожаление о потере им при возвращении из Киева бумажки с её адресом. Тут же Клавдия добавила, что позже, воспользовавшись прошлым её приглашением, вдоволь пообщалась с Марией наедине.

Из рассказа свояченицы Платон понял, что у них с Машей не было никакой перспективы. В 1990 году Первое Главное Управление КГБ внедрило старшего лейтенанта Марию Александровну Кожемякину в окружение, подававшего большие надежды, известного бизнесмена из военно-промышленного комплекса США и перспективного политика Алена Стивенсона, названного в честь Даллеса, внучатого племянника давно умершего, ранее широко известного в мире, Эдлая Стивенсона. Постепенно они сблизились. Маша там натурализовалась. Она добилась того, что вышла замуж за Алена, продолжая шпионить за ним. Но через год не стало СССР, а затем и КГБ.

К тому же Алена не стал видным политиком, ограничившись лишь весьма значительными успехами в бизнесе.

По-настоящему влюбившись в мужа, потенциальный агент влияния «Нефертити» перестала передавать о нём информацию, надобность в которой уже и так отпала. У них родилось трое детей. Но летом 1999 года Алена неожиданно трагически погиб в авиационной катастрофе.

Намного раньше Маша сама явилась в ФБР и честно покаялась. Поскольку у них на неё ничего не было, преступлений она не совершала, то и заведённому на неё делу не дали дальнейшего хода.

Однако они попросили выдать всю информацию о её работе в КГБ. Пришлось ей расколоться.

– *«Передала, стало быть?!»* – невольно вырвалось у Платона.

– *«Кого? СССР, которого уже тогда не было?! Или теперешнее ФСБ, в котором она никогда не служила?! Она ведь присягала на верность Союзу, а не России! Её и уволили из органов, когда поняли, что её муж им больше не интересен, а она там слишком крепко увязла и такая им самим теперь не нужна. Причём они расстались, как я поняла из её рассказа, без каких-либо взаимных претензий и обид. Так что её никому и не за что винить!».*

– *«Да, пожалуй ты права! Ну, счастья ей, Машуле нашей! Та к ей и передай от меня!».*

Закончив рассказ, Клавдия переключилась на французский. Они вообще вдвоём старались говорить больше на нём – языке друзей и влюблённых, ранее на практике реализуя принцип: *Bonjour, l'amour, toujours, par jours.*

Платон вдруг вспомнил, что их дружба с Клавдией была чистой и романтической, почти платонической...

Они дружили довольно долго, почти год, практически каждый день, и даже бывало, что и по несколько раз на дню.

На следующее утро, уже хорошенько оправившись от возлияний, мужчины решили хорошенько размять свои засидевшиеся косточки. Егор и Платон были бывшими футболистами и

с удовольствием откликнулись на предложение Максима сыграть в футбол: старики на молодёжь.

Максим, Кеша, два их двоюродных брата Кен и Морис, соответственно 10 и 18 лет, и двенадцатилетняя сестра Надин в воротах – против Егора, Платона и Майкла, имевшего отдалённое понятие о футболе, потому тоже вставшего в ворота.

Их спортплощадка во дворе дома на Котельнической набережной представляла собой аккуратно обнесённый высокой сеткой, ровно асфальтированный корт с воротами для ручного мяча.

Рубились они недолго, но отчаянно. Никто не хотел уступать. Однако опыт, мастерство, профессионализм, удивительная сыгранность и взаимопонимание мастеров, всё же взяли верх над молодостью и азартом 7:4.

Егор отличился дважды. Платон забил всё остальное, дав один раз отличиться и Майклу, выведенному партнёрами один на один с пустыми воротами.

У молодёжи дважды отличился вездесущий и мобильный Кеша; по одному разу курсант Максим и студент Морис, старший из детей Клавдии и Майкла.

– *«А Вы здорово играете в футбол, дядя Платон! Даже лучше моего папы!»* – удивлялся после игры Максим.

– *«Да, нет! Твой папа посильнее будет. Просто он несколько растерял свою форму, а я её всё ещё поддерживаю – играю в футбол на даче, в том числе и против молодёжи!»*.

– *«Да, папка мой их целыми пачками обыгрывает! Мы у себя во дворе вдвоём с ним запросто пятерых 14-15 летних делаем! Они даже сами всё время удивляются!»* – гордо добавил Иннокентий.

– *«Мастерство не пропьёшь!»* – вмешался Егор.

– *«Как раньше ты говаривал? Винца – для финтища, водочки – для обводочки, а пивка – для рывка! И на поле?!»* – уточнил Платон.

Всё это соревнование поколений происходило под наблюдением всех трёх сестёр, естественно болевших только за детей.

Через день Егор и Платон на двух Волгах, в сопровождении Варвары, Ксении и Иннокентия, вновь проводили своих дорогих гостей в Аэропорт Шереметьево-2 для новой разлуки.

Возвратившиеся трудовые будни снова развели семьи сестёр Гавриловых по своим домам и проблемам.

Через несколько дней Платон уволился из телефонной компании, в связи с нарушением её руководством договора о взаимном сотрудничестве.

С декабря его, как предпринимателя, пригласили на месяц поработать в ООО «Де-ка», где ранее трудилась его тёща.

Платона попросили помочь организовать чёткую работу складского хозяйства и провести кое-какие ремонтные работы.

А Иннокентий, не смотря на тяжёлые психологические травмы этого года, продолжил более-менее успешную учёбу в школе, но практически бросил спорт.

Ещё в конце августа, после окончания летних каникул, задержавшись из-за травмы на неделю, он как обычно приступил к ледовым тренировкам.

Ранее летом, как всегда поддержанный своими родителями, Иннокентий не захотел съездить с командой в спортивный лагерь.

И это самым пагубным образом отразилось на его дальнейшей спортивной карьере.

Поначалу всё шло нормально. Кеша быстро втянулся в тренировочный процесс, практически ни в чем, не уступая своим товарищам.

На некоторые тренировки он уже ходил один, без отца. Начались товарищеские игры.

В первой, центральной Кеша сыграл неплохо, но не забил ни одного гола из шести, ограничившись всего одним результативным пасом.

Было явно видно, что парень не в себе. Это было конечно связано со смертью второй его бабушки – матери Платона.

Однако уже через десять дней Кеша, снова тренируясь без отца, совершил маленькое хоккейное чудо.

Играя центральным нападающим за пятую пятёрку запасных игроков, он умудрился забить все семь шайб, и выиграть у всех четырёх пятёрок основного состава с общим счётом 7:2. Все родители просто рукоплескали такому его успеху.

Но триумфа своего сына Платон, к сожалению, или к счастью, не увидел.

Было уже поздно.

Тренер теперь полностью сформировал основной состав, в котором остальным игрокам, включая Иннокентия, места не нашлось, и все они были отчислены.

Кеша пришёл домой злой.

Чуть ли не расплакавшись, рассказал отцу всё, что он думает о тренере и о хоккее вообще.

На следующий день Платон зашёл на стадион за формой и спортивным инвентарём, и заодно разузнать причины такого неожиданного поворота в судьбе сына.

Тренер вполне спокойно и доброжелательно поведал, что Кеша очень способный и одарённый парень, но что ему нужна управляемая, как одно целое, команда, где каждый бы выполнял его установки, а не порол бы отсебятину, нарушая коллективную дисциплину.

– *«К тому же Вы нерегулярно ходите, и часто подводите команду. То у Вас травмы, то домашние проблемы, то ещё что-нибудь!»* – завершил он свою мысль.

На вопрос удивлённого Платона, что же делать? последовал твёрдый и убеждённый ответ:

– *«Идите в другую команду. Вас возьмут!»*.

По дороге домой Платон недоумевал. Ведь во времена его детства и молодости, наоборот, старались найти талантливых мальчишек, учить их и развивать их способности, не убивая в них уникальность и самобытность! А сейчас? Всех ровняют под одну гребёнку! Команда винтиков и шпунтиков? Во, дела! К чему мы идём! Ну, ладно, раз Вам не нужны таланты, ну и чёрт с Вами! Пойдём другим путём, к другому тренеру, или в другой вид спорта!

И только через несколько лет Платон, к радости своей и сына, узнал, что этого тренера-самодура, которого не любили и не уважали ни дети, ни их родители, команды которого, как правило, терпели поражения, наконец-таки отстранили от работы с детьми и подростками, и перевели на административную работу.

А пока, несколько успокоившийся Платон, поведал об этом разговоре сыну.

Но Иннокентий больше не захотел слышать ни о каком хоккее:

– *«Раз меня отчислили, значит я плохо играю. И никуда я больше не пойду. Ты же мне много раз обещал, что я сам решу, когда бросить хоккей. Вот я и решил!»*.

Решение сына, льва по гороскопу, оказалось твёрдым и бесповоротным. В течение последующих пяти лет он ни разу даже не надевал коньков, в том числе и роликовых. А в ледовом дворце спорта, как отметина о занятиях Иннокентия хоккеем, осталась, – до сих пор лежащая на уровне третьего этажа, на металлической балке, поддерживающего крышу перекрытия, – шайба, брошенная им почти вертикально кистевым броском с обычного пола с наружной стороны борта хоккейной площадки.

Одновременно Иннокентий бросил и занятия самбо.

Но об этом Платон не тужил, так как видел, что борьба не его вид спорта.

Однако отец так дело не оставил и быстренько переориентировал сына на футбол, в который и сам играл долго и неплохо.

Уже через неделю Кеша приступил к тренировкам.

В этой команде, к его удовольствию, оказалось и несколько ранее отчисленных его товарищей-хоккеистов, которые в силу своей тренированности и сплочённости быстро составили

костяк команды, а Иннокентия сразу и безоговорочно, но больше по привычке, признали своим лидером.

И он вскоре подтвердил выданные ему авансы.

Уступая многим футболистам в технике владения мячом и в некоторых других азах футбола, он с лихвой выделялся своей смелостью, работоспособностью и, как всегда, отменной результативностью.

Даже тренер его вскоре похвалил и отметил:

– «Вот у нас Кеша пришёл недавно, ещё многого не умеет. Но зато много забивает, и как? Любой частью тела, из любой позиции. Ничего парень не боится! Вот так бы всем!».

Иннокентий прозанимался футболом в школьной секции до конца года и в 54 играх забил 36 голов из 82 забитых всей его командой. Кроме того, он ещё и отдал 18 результативных пасов своим партнёрам.

Однако после нового года Кеша бросил и школьный футбол.

И это был уже третий вид спорта, которым Иннокентию удалось позаниматься и бросить.

Опять бог троицу любит?

Платон считал, что всё это произошло всего лишь из-за одного, очень существенного, Кешиногo недостатка.

Он не любил и не умел работать. Особенно, когда было тяжело, когда надо было терпеть, стиснув зубы.

Он привык всё брать и достигать сходу, наскоком, легко и играючи, а часто возникающие трудности просто обходить.

Он не имел силы воли, трудолюбия и аккуратности своего отца.

Как и всем Иннокентиям – обладателям этого древнего Византийского имени, означавшего «Невинный», – Кеше, унаследовавшем, в основном, материнские черты характера, были присущи при большой чувствительности, впечатлительности и эмоциональности, вспыльчивости и импульсивности, также и некоторая замкнутость, доброта, искренность и ранимость, а также брезгливость по отношению к нечистоплотным людям.

Одновременно с этим он часто бывал раздражительным и упрямым, гордым, не принимающим чужого мнения на веру.

Со временем у Иннокентия, при полном отсутствии мелочности и занудства, проявилась и широта натуры, подкреплённая настойчивостью и уже сейчас открывшейся отвагой, граничащей с риском.

Так и закончился этот самый трудный год в жизни Платона и его семьи: первый год десятилетия, века и тысячелетия; год, в котором Бог любил троицу; год, начавшийся с понедельника.

А Платон сделал вывод, что этот, 2001-й год троицу любит!

Глава 2. Година лихолетья

Начался новый, 2002-ой год. Платон и его ближайшие родные хотели поскорее забыть прошедший тяжёлый, мрачный для них период. И лучшим лекарством, особенно для него, мог быть только труд. Ещё поздней осенью прошлого года Платон, имея после увольнения из телефонной компании свободное время, приступил к капитальной модернизации лоджии своей новой и ещё не совсем обжитой квартиры. Он решил сделать стенной шкаф и обить все стены вагонкой. Почти пять лет тому назад их лоджия была застеклена мастерами. Платон, в принципе, и сам мог бы это сделать, но боялся высоты, да и Ксения не советовала.

Разобрав обилие строительного материала на лоджии, и подготовив, таким образом, себе фронт работ, доморощенный мастер начал с того, что сначала заранее собранными кусками отделочного кирпича и цементным раствором закрыл все технологические отверстия у пола лоджии, предназначавшиеся для удаления дождевой воды. Затем, остатками того же раствора, он дополнительно замазал косую щель под подоконником, заделанную ранее мастерами с помощью строительной пены, а образовавшуюся после застекления лоджии из-за перепада высот между парапетом и подоконником на один кирпич, вследствие наклонно положенной при строительстве дома бетонной плиты пола лоджии.

Добившись относительной герметичности, Платон приступил к строительству стенного шкафа в левом, узком торце своей огромной лоджии, которая по длине простиралась на всю ширину комнаты и кухни, а перед кухней была ещё и заглублённой дополнительно почти на полтора метра, но с боковым окном в широком, правом торце.

Таким образом, перед кухней фактически находилась почти квадратная терраса со стороной около 2,5 метра.

Изобретательный столяр-любитель решил в основание стенного шкафа установить обыкновенный одно тумбовый письменный стол, что позволяло оставшуюся высоту перекрыть стандартными дверями от типовых стенных шкафов, широко использовавшимися в их доме, и выброшенными многими жильцами при модернизации своих квартир.

Ещё перед массовым заселением дома Платон не поленился по этажам и набрать лишний, выброшенный в коридоры строителями и жильцами, стройматериал, в основном бруски, а также полки и боковые панели стенных шкафов. Образовался весьма солидный запас, гарантирующий полное выполнение намеченной цели и дополнительное использование собранного стройматериала ещё и на даче.

Тщательно вымерив и немного обрезав крышку стола, Платон с большим трудом втиснул, или почти вбил его в торец лоджии, оставив там накрепко и навеки.

Начало было положено. Остальное, как говорится, было делом техники, вернее мастерства Платона.

В первую очередь он утеплил и ещё раз обил дополнительным слоем.

Затем он сделал из добротного бруса обрешётку передней стенки шкафа и навесил на боковые стойки готовые двери, при закрывании которых, уже создавалась видимость готового шкафа.

Затем к кирпичным стенам и боковой деревянной Платон прикрепил бруски и положил на них по месту вырезанные полки из цельных плит ДСП. Появилось множество мест, куда можно было сразу убрать всю мелочёвку, что он немедленно и сделал. Расправившись вчерне со шкафом, Платон принялся для разминки и набора опыта за более лёгкую обшивку парапета лоджии. К тому же, при взгляде из комнаты и кухни, сразу был бы виден уже некоторый результат его труда. А этот факт, для получения дальнейшего вдохновения им и успокоения его семьи, был немаловажным.

Всё это Платон проделал ещё в конце трудно пережитого старого года. А теперь, в самом начале нового года, ему предстояло приступить к обшивке остальных, теперь уже высоких стен и ниш вокруг трёх окон и двери.

Перед началом 2002 года – Года Лошади – года Иннокентия, Платон купил всем членам своей семьи календари с соответствующими знаками зодиака, и по этому поводу сочинил стихотворный комментарий:

Под Новый год купил календари.
И все они со знаком Зодиака.
Себе сказал я просто: «Подари!
А то за них потом ведь будет драка!»

Льва лизнула лошадь в щёку,
Чтобы больше было проку.
Это звёздная лошадка,
Что на ласку всегда падка.

Козерог предстал поэтом.
С лошадью поёт дуэтом.
Нет! Скорей с конём Пегасом
Он поёт козлиным басом.

А для знака Водолея
Эта лошадь, год лелея,
Подняла копытце,
Чтоб воды напиться.

Жена и сын оценили внимание, юмор и самокритику мужа – отца. Зимние каникулы проходили, в основном, в пассивном отдыхе, быстро и как-то незаметно.

Проснувшись раньше всех в Рождество, Платон, через слегка отёрнутую штору, хотел, было, с радостью посмотреть на белеющую, обитую свежими досками вагонки, фронтальную стену лоджии. Но тут же проснулась и Ксения, разбуженная шорохом раздвигаемых гардин и обеспокоившись внезапным интересом мужа:

– «Ты, чего это? Что случилось?».

Платон, желая обрадовать жену, теперь уже настезь распахнул шторы, впуская в комнату, с трудом пробивающийся сквозь замороженные стёкла окон, довольно яркий солнечный свет.

Несколько дней стоявшие холода сделали своё дело. Мороз проник и на их лоджию, живописно поработав на больших стёклах окна комнаты. Неожиданно, показывая рукой на стекло, Ксения вскричала:

– «Смотри! Какая красота!».

Платон поначалу подумал, что этот восторженный возглас жены относится к его труду.

Но тут же он обратил внимание, что сквозь замороженные стёкла совсем не видно противоположной стены лоджии, а лучи Солнца, проходя сквозь неоднородные ледяные узоры на стекле, преломлялись и одаривали невольных зрителей целой радугой необыкновенных мерцаний, включавших в себя практически всю цветовую гамму. Они с женой, а потом и с, вскочившим с постели на их изумлённые возгласы, Кешей ещё долго и под разными ракурсами вглядывались в своё волшебное оконце, наслаждаясь россыпью изумрудов, сапфиров, рубинов и алмазов; бирюзы, опала и аквамарина; топаза, аметиста и турмалина.

Восторгу семьи не было предела. Такого они в жизни не видели никогда ранее. Природа словно одаривала их новыми, сильными, положительными эмоциями, как платой за их мучения в прошлом году.

Вдохновлённый этой картиной, глава семьи тут же сел за стол, взял в руки уже изрядно засохшее перо, и записал:

Моя жена, увидев Солнце,
Проснувшись утром в Рождество,
Вдруг вскрикнула, взглянув в оконце:
«Смотри, как светится оно!»

Зелёным, синим, красным, белым.
А кое-где и золотым.
Мороз таким решением смелым,
Решительным и не простым,

Окно раскрасил яркой блёсткой,
Стекло на Солнце серебрил.
И изумрудов малой горсткой
Его осыпал, как облил.

«Смотри! Узоры на стекле!»
Мороз нарисовал на диво.
«И радуга у нас в окне!»...
Дисперсией я объяснил ретиво.

Да! Бывает же такое! – искренне восхищался Платон.

Воодушевлённый, он вновь рьяно принялся за своё столярное дело, и так увлёкся им, что пропустил множество возможностей походить на лыжах. Всё дело было в том, что по выходным дням ему приходилось регулярно ездить на строительный рынок, и каждый раз закупать там пачки вагонки, по десятку, и на себе, в автобусе, привозить их домой.

Платон сначала закрепил на стенах, во всю их длину, по пять горизонтальных планок. Для этого он дрелью легко проделал достаточно глубокие отверстия в кирпичной стене, вбив

туда, самодельно выточенные стержни, к которым потом и прибивал эти планки. Там, где стена имела неровность, он, с помощью прокладок различной толщины, выравнивал её.

Перед обшивкой вагонкой, он проложил провода между планками для последующей установки настенных светильников, выключателей и розеток.

А затем, понемногу, стал делать самое приятное в этой работе – подгонять доски вагонки одну к другой.

Иногда, но редко, их семья навещала семью Варвары и Егора в высотке на Котельнической.

Но неожиданное событие вновь прервало радужный настрой, уже несколько отошедшего от моральных тягот прошедшего года, Платона.

Внезапно скончался, младший его на год, давний друг Платона Юрий Васильевич Максимов.

Платона и Юрия связывала давняя дружба. Они вместе учились в одной институтской группе, при этом параллельно почти четыре года работали в одной технологической бригаде.

А после службы в армии они почти пять лет проработали в одном конструкторском отделе, но уже в разных секторах.

Ещё много лет назад, с момента вступительных экзаменов в МВТУ Юрию очень понравился уверенный в себе, умный, независимый и симпатичный Платон, которого, как старшего брата его одноклассницы Насти, он знал ещё по старшим классам их школы.

Один раз десятикласснику Платону даже поручили провести урок географии в девятом классе его сестры.

Он тогда просто ошарашил всех учеников, нарисовав по памяти на школьной доске довольно точные очертания материков. С тех пор Юрий и проникся к нему неограниченным уважением, подкреплённым также и уважением и симпатией к их неизменной старосте класса Насте, младшей сестре Платона.

Платон никогда не стремился сам к дружбе с кем-либо. Однако всегда был открыт для любого, кто хотел бы дружить с ним. Так получилось и с Юрием. Тот был несколько замкнут и застенчив. Его воспитывала малограмотная мать-одиночка, вдова. И поэтому Юре приходилось всегда рассчитывать только на свои силы. Он всегда жил скромно, даже аскетически, и особо, во всяком случае, внешне, ничем не блистал. Знания он получал исключительно за счёт усердия и своей довольно крепкой механической памяти. Ему приходилось часто просто зубрить школьную программу. А таких в школе, как правило, не уважают.

Однако у Юрия было великое преимущество перед всеми остальными из его окружения. Он был необыкновенно порядочным и честным человеком, всегда точно держащим своё слово и не забывающим своих обещаний. Более того, он помнил очень многое из жизни, поведения, крылатых и точных изречений Платона в различных ситуациях, что тот сам уже забыл, как давно прошедшее и не существенное.

Платону всегда было приятно, когда Юрий вспоминал что-то из его прошлого, и с интересом слушал рассказ того, как бы со стороны взглядывая на себя прежнего. Юрий же ценил Платона за небывало живой, ищущий ум, лёгкое и культурное владение словом, постоянный, просто неистовый оптимизм, и излучаемую им его окружающим людям добрую энергию. Подсознательно, как мальчишка, лишённый в семье мужского влияния, он тянулся к Платону, как тянутся к отцу или старшему брату. Они часто общались на работе, обсуждая практически любые проблемы. Юрий с интересом узнавал от Платона много нового, но, в то же время, был критическим слушателем своего слишком впечатлительного и гораздого на выдумки товарища. Всегда стремящийся к знаниям Юрий являлся для Платона своего рода оселком, на котором можно было проверить истинность и твёрдость своих знаний, который никогда не будет лицемерно поддакивать на любую информацию, а всегда задаст вопрос, если что не ясно,

аргументировано и тактично поспорит, если с чем не согласен. Они гармонично дополняли друг друга и вместе были способны на многое.

Платон со временем даже приобщил товарища к спорту, с которым тот никогда не был в ладах. Юра стал бегать по утрам. Да так увлёкся, что перешеголял друга и по регулярности занятий, и по их длительности.

Ещё несколько обстоятельств неожиданным образом связывали их.

Когда-то мать Юрия, Анна Ивановна, была домработницей в доме генерала Гаврилова и нянчилась с его младшей дочерью Ксенией – будущей женой друга своего сына. Да и проживали они одно время в относительной близости друг от друга.

Более того, рано погибший отец Юрия, Василий Иванович, долгое время служил под началом генерала Гаврилова.

Платон давно пытался поженить друга со своей разведённой сестрой Анастасией. Но тот, как убеждённый холостяк, не хотел и всячески избегал этого. Со временем Платон пришлось бросить курирование этого вопроса.

Он смирился и перестал навязывать Юре свою сестру, которая, впрочем, была не против сближения, но, как воспитанная по старинке и верующая женщина, не могла проявить инициативу первой.

Однако спустя довольно значительный промежуток времени, когда Юрия и Платона развели врозь разные работы и разные места проживания, процесс его сближения с Настасьей, как говорится, неожиданно пошёл. И началось это с поминок генерала Гаврилова, после которых Юрий провожал Настасью домой, благо ехать им нужно было в одну сторону.

Таким образом, уже в зрелом возрасте они вдруг проявили взаимный интерес друг к другу. Речь о любви конечно теперь не шла. Но каждый из них, возможно даже в подсознании, понимал, что надёжней и выгодней друга на зрелости лет уже не найти.

Всё это стало происходить только в последние месяцы. Они начали перезваниваться, изредка встречаться и обмениваться книгами. Всё шло к естественно желаемому результату. И вдруг, такой неожиданный финал!?

Ещё накануне происшедшей трагедии, в субботу, когда Настасья вечером гостила у Платона и Ксении, ничто не предвещало беды. Сестра сообщила, что договорилась подъехать к Юре за своей книгой в воскресенье, после его субботнего, полуденного, уточняющего звонка ей домой.

Однако время шло уже к вечеру, а звонка всё не было. Поэтому, не дождавшись его, Настасья выехала к брату. Такое было явно не характерно для Юры, который даже не отвечал на звонки и поздно вечером в субботу. Платон невольно сделал странный вывод, что раз он сам не звонит и не отвечает на звонки, значит, он умер! Но дальше этого нелепого вывода дело не пошло.

А в воскресенье Настасья, периодически позванивая Юрию, всё-таки не отважилась сама заехать к нему без подтверждения приглашения с его стороны.

В понедельник неожиданный полуденный звонок на работу просто ошарашил Платона своей безысходно-трагичной новостью. Звонила жена его бывшего сослуживца, работавшая с Юрием Васильевичем и знавшая об их дружбе с Платоном.

Утром первого дня недели сотрудники не дождались Юриного прихода на работу. Не отвечал также и его домашний телефон.

Всем стало ясно, что произошла какая-то беда. Ибо, в противном случае, Юрий Васильевич, как человек обязательный, безусловно, дал бы о себе знать.

Поэтому в обеденный перерыв к нему домой была направлена делегация коллег по работе.

Одновременно об этом было заранее сообщено самому закадычному Юриному другу Геннадию, который вскоре и сам прибыл к запертой двери, где его, имевшего запасной ключ, уже ожидали Юрины сослуживцы.

Со страхом и внутренним душевным трепетом отперли дверь.

Вошли и сразу всё поняли. В комнате на тахте лежал уже слегка раздувшийся труп их друга и товарища. Вызвали милицию. Прибывший одновременно врач констатировал почти более чем суточную смерть хозяина квартиры, происшедшую в результате острой сердечной недостаточности при гипертоническом кризе и сильном отёке вследствие резкого повышения артериального давления.

Все мероприятия по похоронам были чётко организованы коллегами по работе. Администрация и профсоюз предприятия выделили необходимые для похорон деньги и средства.

В новой Реутовской церкви Казанской иконы Божьей матери, при очень большом стечении друзей, товарищей и коллег по работе, состоялось отпевание тела усопшего. По состоянию здоровья Анастасия не смогла приехать в церковь, хотя и очень хотела.

На панихиде неожиданно для многих и Платона выступил атаман московских казаков с пламенной речью в честь усопшего. Он сообщил собравшимся, что оказывается Юрий, потомок уральских казаков, долгое время безвозмездно работал на восстановлении московских храмов и был награждён патриархом специальным церковным орденом.

Хоронили Юру на кладбище за Новой деревней около могилы матери, умершей много ранее. Остановившись на дороге и выйдя из автобуса, все поначалу опешили.

Дорогу к могиле перекрывал глубокий, полуметровый слой снега. Лопат не было. Поэтому большая группа мужчин, среди которых был и Платон, начала с трудом протаптывать узкую тропку к могиле и вытаптывать площадку около неё. Хорошо, что в процессии было много сильных, молодых людей, которые несли гроб, передавая его с рук на руки.

Так по заснеженному кладбищу, на руках товарищей и друзей, гроб с телом Юры проследовал к усыпальнице своей матери на вечное свидание.

Поминки состоялись в банкетном зале Дворца культуры «Мир». Там Платон близко увидел многих из своих уже изрядно постаревших бывших сослуживцев и знакомых.

К своему немалому удивлению, он подметил, что те из них, кто занимался своим любимым делом, был фанатом работы, у кого хобби счастливым образом совпадало с основной деятельностью, словно бы не старели. Вот что значит увлечение любимым делом, получение положительных эмоций от него!

Платону также удалось немного пообщаться и со своими друзьями и товарищами. И они опять расстались, как в последнее время, надолго.

Юрий Васильевич Максимов был в большой компании его друзей как бы связующим, коренным звеном.

Как человек свободный, не обременённый семьёй, детьми и семейными заботами, он имел возможность распоряжаться своим свободным временем единолично, по собственному усмотрению.

Поэтому именно он всегда был инициатором встреч старых друзей в различных составах, в зависимости от ситуации и необходимости.

Так уж получилось, что встреча Платона с Юрием на поминках тестя Александра Васильевича оказалась последней.

Платон, убедившись, что теперь его сестра Настасья решительно взялась за их общего друга, ответившего ей взаимностью, не стал больше вмешиваться в их отношения, успокоившись по поводу этой проблемы.

Он как бы передал теперь Юру Анастасии.

Но не судьба.

Потеря такого товарища была просто невозполнима.

Платон вскоре сочинил поминальное стихотворение о друге, и подарил его всем их общим друзьям.

Бывают слёзы разные, друг мой!
Когда идёшь ты с непокрытой головой
За гробом друга детства своего.
Или глядишь в потухшее окно,
Ничто вокруг себя не замечая,
Скупую лишь слезу глотая.

И ты скорбишь теперь по другу,
И в мыслях ходишь ты по кругу:
Ну, как же так произошло?
До Юры смертью снизошло!
О том ты думаешь, всё каюсь.
И, в чём-то, даже зарекаюсь.

Неисповедим господний путь.
Ты, Юру лучше не забудь.
И жизни сумрачной порой
Ты не иди к себе домой,
Могилу друга навести,
Заставь цветы на ней цвести.

И, поклонясь своим челом,
Оставь, как память, ты о нём
Воспоминаний цельных ряд,
И что-то из его наград.
И, если Юру не забудешь,
Себя ты точно не осудишь.

Только эта печаль несколько утихла, как почти через два месяца после потери друга, новая беда вновь обрушилась на Платона.

Скончался самый старший его дядя по матери – Юрий Сергеевич.

Траурный, 2001-ый год будто бы и не кончался вовсе, словно продолжая годину лихолетья, «любя» теперь уже не только троицу.

Действительно, казалось, что Новый век старался освободиться от долгов века прошедшего и прибрать на небеса ещё им не прибранное.

Платон прекрасно понимал, чтобы прервать любую чёрную полосу в жизни, надо очень постараться и поработать. Но это могло относиться только к его личным делам и невзгодам.

Однако ни он, ни кто-либо другой, не могли никак повлиять и ничего поделать со смертями ему близких людей.

Оставалось только напрячься и терпеливо ждать, пока что-то, где-то успокоится, уляжется, а чёрная, траурная полоса прервётся или закончится.

Получилось так, что сообщение по междугородному телефону о смерти дяди Юры Платон получил слишком поздно, когда похороны уже состоялись.

Старшие дети Юрия Сергеевича почему-то не сообщили об этом напрямую в Москву, а сообщили только следующему по старшинству дяде Виталию в Санкт-Петербург, прося того

позвонить в Москву, а по дороге в Нижегородскую область захватить родственников-москвичей Платона и Анастасию, а может быть и её сына Василия.

Но дядя, видимо, так расстроился со смертью своего старшего брата, что в приступе склероза, или ещё по какой-либо причине, проезжая Москву, совершенно позабыл про своих московских племянников, не позвонив им по телефону даже с вокзала.

Конечно, Платон с Анастасией поначалу просто обиделись на родственников за такое к ним невнимание.

Ведь старшие дети Юрия Сергеевича Тамара и Сергей, постоянно более-менее поддерживавшие отношения со своими московскими родственниками – двоюродным братом и сестрой, вполне могли или позвонить, или дать телеграмму.

Видимо что-то, где-то не срослось.

Ну, бог с ними! Что произошло, то произошло!

Кстати, самый младший из братьев, Евгений Сергеевич, живший во Владимире, тоже, в принципе, мог бы позвонить в Москву детям старшей сестры, но, видимо, слишком понадеялся на старшенького Виталия.

В «искупление своей вины», двоюродный брат Платона Сергей Юрьевич вскоре прислал тому фотографии с похорон своего отца.

А Платон, в свою очередь, на этот повод, конечно, отреагировал стихотворением, отослав его всем детям и братьям усопшего.

Трагедия опять вошла в наш дом.
На этот раз скончался старший дядя.
Сейчас сижу и думаю о нём,
На фотографии его я глядя.

Соперничал с сестрой своей всегда он.
Ни в чём пытался ей не уступать.
Какая-то закономерность всё же в том.
Нигде и никогда не мог он отступать.

Почти синхронно в жизни шли они.
Почти «ноздря в ноздю», как скачут кони.
И большего добиться не смогли,
Устав в пути от жизненной погони.

Давно остыл их пыл, не шли они вперёд.
И планы их завязли в паутине.
Ушла она. Пришёл его черёд.
Вот и сейчас сестру настиг в могиле.
И что же нам, друзья, всем остаётся?
Их помнить вечно будем наперёд!
И, как в известной песне пропоётся,
«Придёт, когда-нибудь, и твой черёд!».

Платона вновь захватили мысли о смысле и продолжительности жизни людей, об их отношениях друг к другу, уважении, любви и почёте ещё при жизни, об очередности смертей близких людей, и о необычных совпадениях, например, смерти двух бабушек Кеши и двух Юриев подряд!? Да, жизнь идёт уверенно вперёд! Безысходно идёт к концу одного и оптимистично – к началу другого! Очередность на уход в загробный мир неумолимо приближается! В жизни

надо торопиться сделать то, что тебе, возможно, предначертано судьбой! И не терять попусту уходящее, драгоценное время! – взволнованно размышлял Платон, на этот раз судорожно хватаясь за перо:

Поэт всегда у нас в России
Немного больше, чем поэт.
На лобной части знак мессии,
И прочих прелестей букет.

При жизни он не признаётся.
Пророка нет в своей стране.
А после смерти... слеза льётся,
Признание, слава в кутерьме.

Так дорожите все поэтом.
От жизни к смерти только шаг.
И наслаждайтесь Вы куплетом.
Для нас ведь пишет этот маг.

К 9 марта текущего года прошли те самые полгода, отводимые до начала вступления в наследство Алевтины Сергеевны. Но проблем по поводу этого не предполагалось.

Ещё задолго до смерти мать Платона и Анастасии предусмотрительно полностью и окончательно распорядилась своим наследством, часть его, передав, а другую – завещав.

Распределение наследства получилось, по мнению Платона, хоть и несправедливым, но вполне естественным.

Сыну досталась дача, на которой он постоянно жил летом, работал и отдыхал, в том числе со своей семьёй, вкладывая в её содержание и модернизацию свои силы и средства.

Анастасия же на ней бывала редко, не вкладывая ни сил, ни средств.

Оставшуюся двухкомнатную квартиру в Кузьминках Алевтине Сергеевне пришлось отдать дочери, прописав к себе внука Василия и завещав ему, совместно теперь с нею проживающему, свою долю этой квартиры.

Платон, с одной стороны, был не согласен с таким несправедливым дележом наследства, но с другой стороны, понимал трудное и зависимое положение матери от своего внука Василия, длительное время проживавшего с нею совместно и хоть как-то помогавшего и присматривавшего за ней.

После давних очередных жалоб матери на невозможность её дальнейшего совместного проживания с грубым внуком, Платон не раз предлагал ей разменять двухкомнатную квартиру на комнату для внука и однокомнатную – для неё, с последующей передачей этой квартиры одному из нескольких оставшихся других внуков – сынов и дочери Платона.

Но каждый раз вопрос упирался тогда в помощь одиноко проживающей бабушке со стороны сына и внуков.

Так что вопрос наследства был решён по необходимости.

У нотариуса Платон ознакомился с завещанием матери, и узнал, что если бы он своевременно оформил себе инвалидность, то тогда бы, независимо от завещания, имел бы право на свою долю наследства, то есть на часть двухкомнатной квартиры в Кузьминках. Но, правда, было непонятно, как бы этой своей долей Платон или его дети смогли бы реально воспользоваться, не поссорившись с сестрой и племянником.

И вообще, всегда и везде в жизни лучше находиться не в положении должника, а в положении кредитора – тогда чувство вины и совесть не замучат, а с жабой жадности и зависти всё-

таки, во всяком случае, для меня, проще бороться. Пусть теперь над Василием висит и всегда довлеет над ним хотя бы моральный долг перед своими двоюродными братьями и сестрой – моими детьми! – успокаивал себя Платон.

Постепенно зима лихолетья сменилась затяжной, тёплой весной оптимизма, смывающей с земной поверхности вместе с чёрной полосой и остатки зимней грязи. Впереди его ждало долгожданное красное лето с любимыми дачными заботами.

В ожидании лучшей поры, конца годины лихолетья, Платон ударился в воспоминания.

Сейчас, волею судьбы, он работал вблизи своего бывшего детского сада, куда родители возили их с сестрой почти полвека назад.

Он вспомнил, как один раз отец устроил им съёмки в журнал «Огонёк» для передачи через него приветов далёкой бабушке.

Проезжая на трамвае от Воронцова поля до Чистых прудов Платон по этому поводу сочинил очередное своё стихотворение:

И снега нет, но на пруду ледок,
Хотя прилично он уже подтаял.
Просох бульвара дальний уголок.
Недавно там большой сугроб растаял.

Сухие буро-серые газоны
Слегка зазеленели кое-где.
Большие тёмные деревья сонно
Маячат молча в неба синеве.

Уже убрали зимний мусор.
Дорожки скоро подметут.
И всем знакомым прежним курсом
Прохожие гуляют тут.

В Москве весенняя погода,
И Солнце в небе, в вышине.
Люблю я это время года.
И детство вспомнилось вдруг мне.

Как на трамвае нас возили,
На «Аннушке», что по кольцу,
И в детский сад нас привозили
От Сретенке к его крыльцу.

В Тессинском старом переулке,
Где Воронцово поле тут,
Чуть с горки, к Яузе, в проулке...
Здесь дети больше не живут.

А мы с сестрой там долго были.
Нас в «Огонёк» снимали раз.
Детьми хорошими мы слыли.
Родители любили нас.

Полсотни лет прошло – не мало,
Но в памяти они яркие.
Родителей уже не стало,
И мы уж скоро старики.

Весной Платон окончательно завершил отделку своей лоджии, на этот раз чистовую. Красивыми, изящными уголками, плинтусами и раскладками, а также штапиком, он обил стыки и углы, закрыл щели. До этого он вскрыл и зацементировал порог и подоконники, установив на них новые столешницы. Из остатков сделал под боковым окном двух ярусный стол и нишу для сейфа. А над окнами комнаты и кухни рациональный мастер умудрился смастерить опускающиеся выдвижные панели, открывающие дополнительные пространства для хранения чего-либо. Потолок обклеил подобранными в тон стен пенопластовыми панелями под дерево. Получилось здорово!

Постепенно Платон втянулся и в свою новую основную работу.

Как иногда бывает в истории разных людей, всё, или многое, часто «возвращается на круги своя».

Так случилось в этот момент и с Платоном.

Его новое место работы оказалось рядом с его бывшим детским садом, в котором он, после нового вида лечения от скарлатины под парами йода, получил осложнение в виде ревматической атаки на сердце.

После чего в его детских воспоминаниях осталось видение себя утром сидящего на кровати, не в силах встать на ноги и передвигаться.

Запомнил он так же, как на старом «Москвиче» его везли по бульварному кольцу домой на Сретенку, в Печатников переулок, где его тогда никто не ждал, и больницу около площади Борьбы, в которой он долго лечился от внезапного недуга.

Теперь он работал в Медицинском центре, где раньше на своём последнем месте работала его тёща, Надежда Васильевна Гаврилова, проживавшая почти рядом в высотке, всего в семи минутах ходьбы по Астаховскому мосту через Яузу.

Тут же, через Устьинский проезд, размещался и Институт Питания РАМН, занимавший одну из трёх вершин образовавшегося треугольника.

В нём также ещё ранее работала тёща, а теперь – старшим научным сотрудником – правда уже вышедшая на пенсию, Варвара, и куда по работе периодически навещался и сам Платон. Варвара изредка тоже заходила на работу к Платону за биодобавками.

Старшей свояченице и подавно хватало пяти минут, чтобы, перейдя через Яуз, добраться от дома до работы.

Здесь же, на Серебрянической набережной находился и суд, разводивший Платона с его первой официальной женой Элеонорой.

Да и его прежняя квартира в доме 33 по той же Котельнической набережной была всего в каких-нибудь пятнадцати минутах ходьбы от его теперешнего места работы.

Семь минут, разделявшие рабочее место Платона от Родины и отчего дома Ксении, от жилища Варвары и Егора, были неплохим поводом для периодического навещивания к ним в гости супружеской четы Кочет.

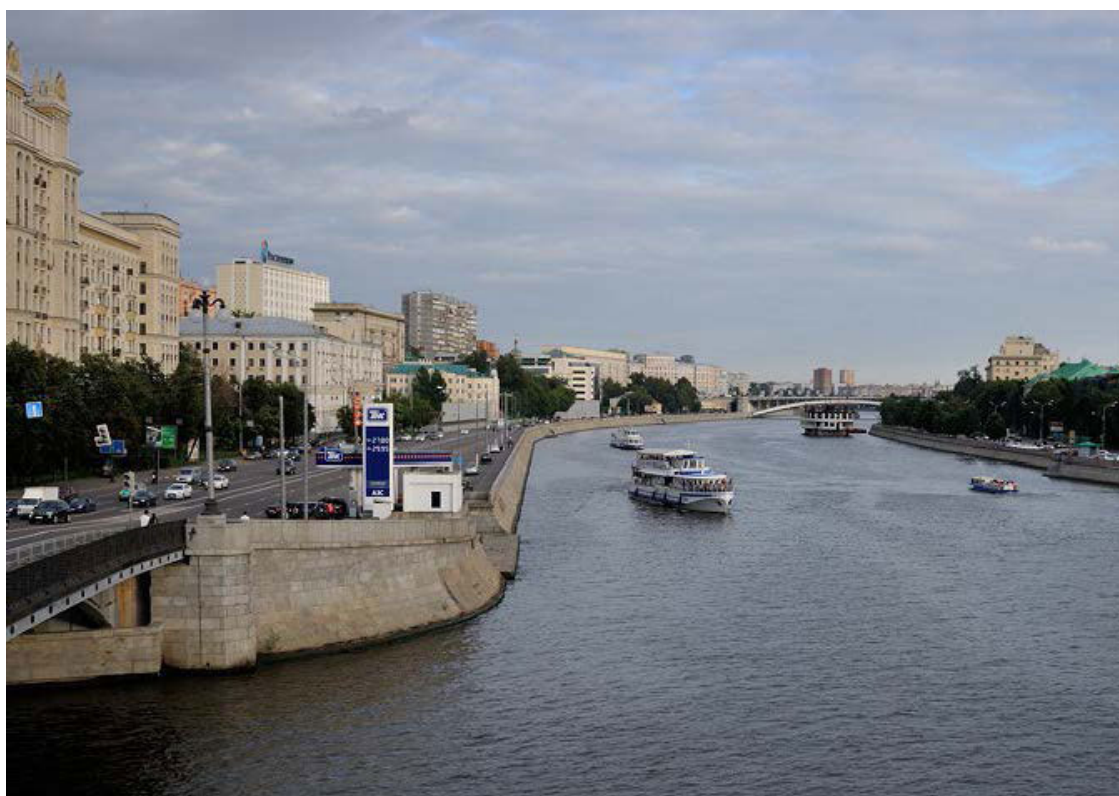
Да к тому же, и сама Ксения периодически пользовалась своей поликлиникой РАМН по Воронцову полю, дом 14, в свою очередь, находящуюся в пяти минутах ходьбы от работы Платона.

Надо же, какое странное совпадение! Во всей большой Москве многое, дорогое для меня, сосредоточилось почти в одном небольшом районе вокруг знаменитой высотки на Котельнической! К чему бы это? – поначалу рассуждал Платон.

Ему такое совпадение нравилось.

Он считал его вполне обоснованным и мудро начертанным своей судьбой.

В хорошем расположении духа Платон часто шагал на работу пешком от станции метро «Новокузнецкая» через Большой Устьинский мост, любуясь слева относительно далёким Кремлём, гостиницей «Россия», военно-инженерной академией имени Ф.Э. Дзержинского, а справа – высоткой и маячившим далее по левому берегу Москвы-реки, своим бывшим домом 33.

По весне его путь, справа по ходу, частенько озаряло ласковое утреннее Солнце, создававшее просто праздничное настроение, со временем излившееся стихотворными строчками:

Люблю по утру прогуляться
Я до работы от метро.
Поможет вдохновенью взяться,
И осветить моё чело

На небе Солнце золотое.
Навстречу светит мне в лицо.
Горячее оно, какое,
И улыбается оно.

Глаза поднявши кверху, к небу,
Увидев голубую ширь,
В нирвану ты впадаешь, в негу.
На веках, словно сотня гирь.

От Солнца жмурясь, под лучами,
Ты улыбаешься ему,
Счастливыми сверкнув очами.
И быть, наверно, по сему.

Весною утром на работу
В апреле солнечном иду.
И, проявив о всех заботу,
Об этом я стихи пишу.

Весны пьянящий воздух нежный,
Её свежайший аромат,
Как света океан безбрежный,
Куда не бросишь острый взгляд.

Сверкают золотом от Солнца
Церквей московских купола.
Лучи от них летят в оконца,
Открытые уже с утра.

Москва от дрёмы просыпалась,
И, что ты там не говори,
Своей красою любовалась.
Готов я заключить пари.

Вот так стоишь на перекрёстке,
Любуясь Солнцем и весной.
Куда ни глянешь, в яркой блёстке
Москвы наряды, дорогой.

Её красой всегда люблюсь.

Особенно когда весна.
И больше ей интересуюсь.
И мне Москва всегда красна.

После проведённого, согласно устной договорённости, одного месяца работы на территории медицинского центра в ООО «Де-ка», его руководство попросило Платона остаться у них на постоянную работу.

Не имея в то время каких-либо заказов по своей основной предпринимательской деятельности, Платон решил пока, временно, согласиться с этим предложением.

На безрыбье и рак – рыба. Да и коллектив понравился.

И он остался. Работа была, как говорится, не пыльная. Рабочий день, в основном, хотя и без обеденного перерыва, продолжался с 10 до 17, с наличием свободного времени и возможности, по взаимной договорённости, отлучиться по своим личным, коммерческим и домашним делам.

По должности Платон стал теперь называться менеджером по продажам биологически активных добавок к пище. А на деле его работа поначалу включала в себя разгрузку и погрузку коробок с товаром, содержание склада со всеми вытекающими и сопутствующими работами, набор всех заказов, подвозка небольших заказов оптовым потребителям за наличные деньги.

Иногда, но редко, он занимался приёмом заказов по телефону. Но самая главная работа Платона, из-за чего он долгое время считался незаменимым, стала фасовка в банки некоторых сыпучих биодобавок на фасовочном станке с последующей закаткой крышек этих банок на закаточном станке. Для него, инженера-механика, имевшего опыт работы на станках, такая работа была просто элементарной. Более того, Платон, как человек ищущий и анализирующий, постепенно смог модернизировать производственный процесс и повысить отдачу, т. е. производительность труда.

Зарплата была небольшая, но на данном этапе для Платона приемлемая. Иногда получали премиальные, особенно за ударный и сверхурочный труд.

Даже пересчёт получаемых денег на обычный рабочий день и налоги демонстрировал относительную их достаточность и сравнимость.

Но, пожалуй, самое главное, над Платоном был всего лишь один начальник.

И у него совсем не было подчинённых, за которых пришлось бы краснеть и получать нагоняи, выслушивая нарекания сверху.

У него не было постоянно треплющих нервы подчинённых, за которыми всё время нужно было бы смотреть, которых пришлось бы всё время воспитывать и учить работать, с коими пришлось бы непременно иногда ссориться, невольно ощущая их недовольство и даже наживая себе врагов.

Конечно, эта работа была не для интеллигентного интеллектуала с высшим техническим образованием, имевшего громадный опыт практической работы в оборонке.

Но на данном этапе развития нашего общества любая мало-мальски оплачиваемая работа вполне заслуживала внимания к себе.

Такая работа, однако, также предвещала душевное спокойствие и возможность теперь вплотную заняться своим любимым творчеством.

Коллектив сразу принял умного, трудолюбивого, деятельного, общительного, весёлого и доброго Платона.

Да и его новые коллеги были во многом под стать ему.

Это особенно проявлялось в общении сослуживцев.

– «Платон! Платон Петрович!» – привычно, призывно заголосила Надежда Сергеевна.

– «А он сейчас штаны снимает!» – по простоте душевной вскричала ей в ответ из соседней комнаты Марфа Ивановна, подразумевая, что Платон переодевается.

– *«Ну, как снимет, пусть подойдёт ко мне!»* – попросила начальница, не задумываясь о смысле своих слов.

Через мгновение обе прыснули от смеха, постепенно всё больше им заливаясь. Платон, не ведая причины того, появился в дверях кабинета, с удивлением поочерёдно слушая эмоциональный и сбивчивый рассказ женщин о только что происшедшем, невольно думая, что ему всё-таки уже удалось постепенно привить чувство юмора своим, поначалу не в меру серьёзным, сотрудницам, и высказывая своё профессиональное резюме:

– *«Да, весьма забавно!»* – и тут же, вспоминая другой очередной разговорный ляпсус сотрудниц, он прокомментировал:

– *«На днях наша Инна дала ценное указание, пришедшей к нам передать факс, Ноне, не смогшей сразу правильно вставить в него бумагу! Показывая рукой на факс, она изрекла весьма ценное замечание: «Нон, вставлять надо, когда вся головка вылезет!», так-то!».*

– *«Фу, да ну, тебя!»* – замахала руками, словно отбиваясь от насильника, Надежда:

– *«Вечно ты со своими сексуальными приколычиками!».*

– *«Так это не я, а Инна!»* – невольно оправдывался, удивившийся её непониманию, Платон.

Коллеги, продолжая ржачку, не успели остановить Платона от воспоминания недавно происшедшего диалога между Инной Иосифовной и, часто к ним заходившим, старым академиком от медицины, Александром Яковлевичем. Тот, показывая на свою клюку, без которой он уже не мог ходить, неожиданно изрёк:

– *«И когда же я брошу палку?!».*

Но, к счастью Инна, не вдумавшись, или сделав вид, что не поняла иносказательности его слов, совершенно не прореагировала на его перл.

Через некоторое время, невольно слушавший их диалог, и с трудом сдерживавший смех, Платон, услышал неожиданное продолжение их душевной беседы.

Александр Яковлевич отвечая на вопрос Инны по поводу сбоев в работе её желудка, поучительно произнёс:

– *«Тебе надо наладить свою флору!».*

Та, часто любившая перечить по поводу и без, как всегда эмоционально парировала:

– *«Да она у меня давно налажена!».*

Академик, не любящий возражений, видимо раздражённо, но, в то же время, как-то задумчиво, почти тут же засыпая, пробормотал весьма тихо, невнятно, но вполне понятно:

– *«Ну, да! Ты же давно дефлорирована!».*

Так как Инна привыкла слушать, в основном, только себя, без умолку что-то сбивчиво и взхлёб рассказывая, сказанное услышал только Платон, который, еле сдерживаясь от смеха, тут же вынужден был почти пулей выскочить из кабинета. Пройдя в другую комнату он, к своему дальнейшему сожалению, невольно поделился услышанным с Марфой Ивановной.

Та, видимо не понимая диковинных слов, перевела неожиданно разговор на себя, задумчиво и чуть с грустью жалуясь на свою женскую долю:

– *«Да! Я теперь и никому не нужна!».*

И, немного подумав, по-своему философски, неожиданно многозначительно, и даже со злостью, заключила:

– *«Даже... на фиг!».*

Хотя Платона и покоробили слова Марфы, он, однако про себя отметил, что в данный момент они имели весьма чёткий двусмысленный смысл.

Марфе Ивановне Мышкиной часто были непонятны и чужды разговоры о высоких материях.

Она от них была чрезвычайно далека. Её начальное четырехклассное образование, кое-как полученное в тяжёлое военное время, не позволяло понять многое элементарное и очевидное.

По странному стечению обстоятельств через её военное детство в 1941 году также прошли танки немецкого генерала Гота, чьи траки позже, в 1942 году, утюжили донские степи, пытаясь погубить, беременную будущим Иваном, мать Гудина.

В ООО «Де-ка», кроме Платона Петровича Кочета, Ивана Гавриловича Гудина и Марфы Ивановны Мышкиной (урождённой Рыбкиной) – маленькой пожилой женщины, потерявшей годы, но не работоспособность, – работали ещё две сотрудницы: уже упомянутые Инна Иосифовна Торопова (урождённая Швальбман) и Надежда Сергеевна Павлова, сохранившая свою девичью фамилию, как уже известную в научном мире, – всех их непосредственный начальник.

Кроме того, в коллективе работал и Алексей Валентинович Ляпунов, являвшийся основной его опорой и надеждой. Он был самым молодым из них, приближаясь к возрасту Иисуса Христа.

Это был небольшой, но, в общем-то, дружный коллектив, спаянный общими делами, интересами и идеями.

Его члены очень гармонично дополняли друг друга, как своими способностями, так и некоторыми чертами своих характеров, что иногда усиливало их действия, быстро и надёжно приводило к успеху.

В их коллективе всегда царили, как правило, доброта, доброжелательность друг к другу, открытость, терпимость, юмор и шутки, тон которым сначала задавал, в основном, только Платон.

Поначалу он шутил всегда с серьёзным лицом и над такими же очень серьёзными лицами сослуживцев.

Ибо нет ничего смешнее человека со слишком серьёзным лицом.

Позже он понял, что не все сотрудники и не всегда понимают его, иногда слишком заумные, шутки и несколько снизил планку возможности их понимания, даже сочинив по этому поводу весьма поучительное стихотворение:

Плоскость шутки если видишь,
С выводом не торопись.
Тем себя ты не обидишь.
Слушать ты сейчас учись!

С выводом ты не позорься.
Интеллектом не срамись.
Глупым выглядеть не бойся.
Мысли в шутке удивись.

Всему этому положительному в коллективе в огромной степени очень способствовала весьма общительная, как поначалу показалось Платону – добрая, честная и принципиальная их начальница – Надежда Сергеевна.

Она, как и Платон, была рождена под знаком Козерога, и была, к тому же, почти ровесницей и хорошей знакомой жены Платона Ксении.

Именно через их знакомство Платон в своё время и устроился на эту работу, на место умершей тётки, но с другими, поставленными уже непосредственно перед ним, задачами.

И всё было бы хорошо.

Однако, поначалу, Платона очень коробило обращение к нему всех без исключения сослуживцев по имени и на «ты».

Он вынужден был ответить им тем же. Ибо, как известно, в чужой монастырь со своим уставом не суются.

Скорее всего, во многом, это произошло с лёгкой руки, вернее языка, его тёщи Надежды Васильевны.

Издавна привыкшая звать Платона по имени, всегда всем с любовью рассказывавшая о нём, она и не предполагала, что когда-нибудь её любимый зять займёт её рабочее место в этом коллективе.

И теперь его новые сослуживцы, с большим интересом и даже любопытством, встретившие Платона, сразу стали с ним за пани-брата, как с хорошим старым знакомым.

Платон, всегда привыкший работать в интеллигентных и культурных коллективах или с их представителями, будь то отделы министерств и ведомств, военное и партийное руководство, научно-техническое или конструкторское подразделение, технологический отдел или даже цех, советская общественная или иная организация, а также и коллективы ООО новой экономической формации, всегда, независимо от своего возраста и заслуг, ощущал уважительное отношение к себе, прежде всего, как к человеку, личности.

А тут? Видимо причиной того явилась личность их начальницы Надежды Сергеевны Павловой, невольно задавшей неправильный тон отношениям с руководимыми ею сотрудниками.

И если такое обращение к нему самой пожилой в их коллективе, недалёкой и малограмотной Марфы Ивановны, привыкшей, что её все без разбора звали, как девочку, просто Марфой, для Платона было как-то объяснимо, то от других сотрудников, в связи с наличием у них высшего образования, он ждал всё-таки большего.

Обращение на ты со стороны Гудина привело к тому, что Платон стал единственным, обращавшимся к пожилому доценту также, что, впрочем, не вызвало у того никакого протеста. Такое обращение также ещё как-то можно было объяснить со стороны почти его ровесницы Инны и со стороны ровесницы его жены Надежды, хотя в ответ они и получили именное тыканье со стороны Платона, невольно присоединившегося в этом к Гудину.

Но вот обращение на ты и по имени со стороны Алексея, которому Платон буквально годился в отцы, так как был ровесником его же отца, было непонятно.

При этом Алексей обращался на Вы и по имени отчеству ко всем, кроме Платона и Марфы Ивановны. Здесь явно «торчали уши» недостатка воспитания молодого дарования, или результата комплексования в попытке не быть последним.

И это можно было в равной степени отнести не только к самому малому, но и к самому старому.

Редко случающиеся в их коллективе небольшие неприятности, мелкие обиды, ненужные споры, незначительные склоки в подавляющем большинстве случаев были вызваны Иваном Гавриловичем Гудиным.

Он, пытаясь хоть как-то поднять свою значимость, компенсировать свою малую полезность, обычно был их инициатором, виновником, подстрекателем, или непосредственным участником.

Поэтому он негласно и считался в коллективе «козлом отпущения», хотя всячески противился этому, пытаясь такую свою общественную обязанность повесить на кого-то другого: Марфу или Платона.

При этом он побаивался остальных двух женщин – его начальниц, и невольно уважал главную ударную силу коллектива – незаменимого Алексея.

Причину этого Платон видел в комплексе переоценности, коим страдал их старший товарищ. В остальном всё было вполне прилично и позитивно.

Большинство из постоянно или часто общающихся с Платоном людей обычно становились умнее, грамотнее, чище в своих планах и помыслах, культурнее в общении, отзывчивее и просто веселее. Они становились даже внешне симпатичнее за счёт доброго, оптимистически

весёлого выражения лица. Он заражал их своим юмором, оптимизмом и энергией, придавая им спокойствие, рассудительность и большую уверенность в своих силах.

Пиком дружеского общения в коллективе были регулярно отмечаемые дни рождения сотрудников.

Застолье, как правило, начиналось ближе к завершению рабочего дня, так как по обыкновению все ждали приезда, чрезвычайно загруженного работой Алексея.

Из-за этого с трудом ожидавших начала трапезы сотрудников часто подтачивал червячок голода, толкавший их на тайное дефлорирование заранее подготовленных блюд.

Особенно этим грешили чревоугодницы Инна и Надежда, а также всегда рационально мыслящий и никогда себя беспричинно не обделяющий Платон.

В этом плане положительно от них отличались Иван Гаврилович и Марфа Ивановна. Они, всегда выдержанные, закалённые пережитым военным голодом и по старинке воспитанные к уважению общего стола, терпели до последнего.

Долго державшего себя в рамках разумного приличия Платона на кусочничество, в конце концов, подбила Марфа:

– *«Возьми, закуси! Ты, мужик здоровый! Тебе есть хочется! Да и время уже позднее. Что ты скромничаешь и вообще так мало ешь, как дед!»* – заботливо смущала она коллегу.

Как правило, застолье происходило в одном из рабочих помещений, приспособленных под столовую. Вдоль стены стоял длинный стол, за которым по дуге с трудом располагались все шестеро.

Они обычно садились в одном и том же порядке, по часовой стрелке: Марфа Ивановна Мышкина, Платон Петрович Кочет, Иван Гаврилович Гудин, Алексей Валентинович Ляпунов, Надежда Сергеевна Павлова, Инна Иосифовна Торопова. Причём с торцов садились по одной женщине, а по длинной стороне – трое мужчин и их начальница. Мужчины, как водится, раскупоривали, разливали и раскладывали.

Стол обычно сервировали хозяева помещения: Марфа или Платон. Но они никогда не могли найти общего языка по этому вопросу.

Поднаторевший на этом деле ещё во времена далёкой молодости, даже детства, Платон, почти с пелёнок вобравший в себя интеллигентный, советский этикет, совершенно не соглашался с сервировкой стола «А ля Марфа», заключающейся фактически в навале на стол всяческих, без разбору, яств и закусок, без учёта их количества и совместимости. Особенно Платона поражало, когда Марфа ставила приборы для сотрудников как-то косо, без учёта посадочных мест, габаритов сотрудников, часто не в комплекте.

Он переставлял приборы, как считал нужным, вызывая у Марфы Ивановны явное раздражение:

– *«Ну, всё время ты хочешь всё сделать по-своему!»* – обиженно ворчала она, как бы этими действиями Платона уличённая в отсутствии вкуса.

Однако со временем, все поняли, что Платон просто необыкновенный мастер не только в сервировке стола, а вообще по любой компоновке.

Имея опыт, любовь и способность к этому, он ещё вдобавок обладал и отменным глазомером, на расстоянии чётко определяя, влезет ли какой-либо предмет в планируемое для него место.

И каково же бывало удивление сослуживцев, когда какая-нибудь коробка, хоть и с небольшим трением, но тютелька в тютельку входила в отведённое ей Платоном место.

Его мнение по размещению предметов и вещей стало почти беспрекословным.

Постепенно и многие сослуживцы стали замечать в себе возникшую, но пока ещё только теплившуюся, способность и даже потребность к оптимальному и со вкусом размещению различных вещей.

В коллективе, как поначалу показалось Платону, исподволь началось даже негласное соревнование в этой сфере.

Оно невольно дополнительно спланивало сослуживцев, что очень нравилось Платону, как главному инициатору и первому участнику этого, вдохновляя его.

На очередной микро пирушке Платон озвучил своё стихотворение, посвящённое всему коллективу:

В офисе народ гуляет.
Ну и что Вам из того?
С днём рожденья поздравляет
Он коллегу своего!

Вот вначале приз вручают:
То подарок от друзей.
Да на счастье наставляют,
И за стол все поскорей.

Здесь вначале тост поднимут.
Да, за здоровье его.
Друг у друга не отнимут.
Каждый скажет тут своё.

Все его здесь поздравляют.
За успехи пьют его.
Счастья в жизни все желают.
Нет желанней ничего!

Коллектив наш дружный, спитый,
В своих стремлениях един.
Ладно, по науке сбитый.
В своём труде все, как один.

Здесь звучат за тостом тосты,
А вино течёт рекой.
И закуски здесь не просты.
На десерт есть торт большой.

Мы картиной этой красной
Любовались бы всегда.
Я в потуге ненепрасной
Написал стих Вам, друзья!

За Вас, коллеги, поднимаю
Налитый до краёв бокал.
И на этом стих кончаю,
И пью, пока не расплескал.

Первый день рождения года символично начинался с Надежды Сергеевны. Но, придуманные демократами себе и олигархам в угоду, чрезвычайно длительные зимние каникулы

для взрослых со временем не стали позволять справлять годовщину её рождения день в день. Праздник приходилось теперь переносить на первый рабочий день нового года.

Встретившиеся после невольно длительной новогодней спячки коллеги с видимым удовольствием оживлённо общались друг с другом, пытались поделиться своими эмоциями и обменяться забавной информацией.

Это придавало дополнительную праздничность вроде бы будничному мероприятию, позволяя всему коллективу как бы размяться перед новым трудовым годом.

Согласно столовому и производственному этикету первый тост на днях рождения в трудовых коллективах должен был произносить начальник. А здесь как быть? День рождения у начальника, а зама нет. В таких случаях, согласно этикету, первый тост должен оглашать старейшина коллектива.

Но пока старики Марфа Ивановна и Иван Гаврилович маялись в раздумьях, набивая себе цену, всегда тонко чувствовавший ситуацию Платон взял инициативу в свои руки. Ибо он видел, как по лицу Надежды Сергеевны уже пробегала, видимая только его опытному взгляду психолога, лёгкая тень растерянности: кто же, наконец, и когда скажет первый тост при уже налитом спиртном и разложенной закуске?

И только после первой рюмки и хорошего закусона, крепко замачивающих червячка, тосты начинались произноситься один за другим.

Очередь доходила до каждого сотрудника, число коих легко сочеталось не только с количеством естественных, не вымученных тостов, но и с оптимальным количеством выпитых доз алкоголя.

Как правило, Надежда Сергеевна и Инна Иосифовна пили мало и не всё, что было выставлено на столе, оставляя недопитое после предыдущего тоста.

Платон Петрович и Алексей Валентинович пили всё подряд и в любых сочетаниях, но в разумных количествах. Марфа Ивановна и Иван Гаврилович тоже от них не отставали, но, в силу своих возрастных возможностей и массовых характеристик, пьянели быстрее. По этой причине Иван Гаврилович, всегда старавшийся при любом удобном случае выставить себя героем бутылки, старался оттянуть следующий тост медленным поеданием закуски и сопутствующими застолью разговорами. И чем дальше, тем он становился говорливее.

Заплетающимся за вставные зубы языком он начинал острить, иногда к месту, а иногда и нет, невпопад, пытаясь задеть Платона или Марфу.

Платона – чтобы опередить его возможные остроты. А Марфу – как свой антипод.

Поэтому Платону приходилось невольно часто отвечать Гудину тем же, парируя его нападки на себя.

Не отставала от него и Марфа Ивановна, чей тихий голосок становился всё громче, мысли свободнее, а язык развязнее:

– *«Гаврилыч! А Вы, какого рода будете? Какое у Вас гинекологическое дерево?»* – искренне как-то раз поинтересовалась она.

– *«Да он такого рода, у которого не бывает гинекологического дерева!»* – глубокомысленно вмешался Платон.

– *«Как это он без роду, без племени? Сирота что ли?»* – не поняв объяснения, уточнила Марфа.

Под всеобщий хохоток над непонятливой Марфой, которая не отставала от всех, искренне считая, что они смеются над Гаврилычем, тот начинал ёрничать по поводу её простодушных шуточек.

Однако если у Марфы и было мало знаний, зато народного юмора – предостаточно.

И, как всегда, шарма в их полупьяные взаимные пикировки вносил Платон. На чьё-то высказывание о горькости вина и ответа, что оно сухое, незамедлительно последовала его ремарка:

– *«Странно! А пьётся как мокрое!».*

Пытаясь не отстать от коллег, иногда острела и Марфа Ивановна.

На заметку знатока Алексея, что в каком-то ресторане пиво живое, незамедлительно последовал уточняющий вопрос захмелевшей Марфы:

– *«В нём раки плавают?».*

В отличие от всех, Иван Гаврилович Гудин пытался везде и всегда быть, по-возможности, в центре всеобщего внимания, в гуще разговора. Поэтому он говорил громко, чуть ли не кричал. Его крикливо-громкий голос иногда было слышно даже на улице.

Боясь Платона, он обычно перечил ему и бесцеремонно перебивал его.

Но при этом всегда подпевал своим авторитетам, коими считал, естественно, начальницу Надежду Сергеевну, невольно её помощницу Инну Иосифовну, и молодого, тянущего основной воз работ коллектива, Алексея.

Когда разошедшийся Алексей поведал коллегам о значении внутренней энергии человека «Ци» на его самочувствие, Платон решил очередной раз проверить всегда поддакивающего Гаврилыча на вшивость:

– *«Да! Даже слово суицид произошёл от него!».*

Пока коллеги думали о сказанном, перебирая в своей памяти что-либо об этом, или делая вид, что согласны, невыдержанный имитатор своих обширных знаний, Гудин тут же громко и позорно затараторил:

– *«Да, да! Конечно, все об этом знают, Платон! И не надо об этом даже говорить!».*

Платон с Алексеем переглянулись, ехидно заулыбавшись знатоку всего и вся, но разубеждать старца и своих, в пол-уха их слушавших, коллег-женщин не стали.

Старички Марфа и Гудин ели мало и, с прицелом на долголетие, поддерживали отличную физическую форму.

Они были поджары, но не сухи. Всегда загорелые, что говорило о должном контакте с природой. Не чурались физического труда, в том числе не по годам тяжёлого.

Но, в отличие от Марфы Ивановны, Иван Гаврилович брезговал пролетарской, или, как он считал, плебейской работой.

По внешним показателям здоровья к ним, но с разной скоростью и желанием, приближались Платон и Алексей.

Остальные две женщины: Инна и Надежда, постепенно окончательно утрачивали остатки своей сексуальной привлекательности в угоду другим плотским удовольствиям, главным из которых стала еда.

Первый свой день рождения на работе, в январе 2002 года, Платон из-за скромности не стал афишировать.

Однако через некоторое время, уже в начале лета, это вскрылось при отмечании последнего дня рождения, теперь Марфы Ивановны, пришедшегося, как ни странно, на день смерти тёщи Платона – 12 июня, и отмечавшегося позже этого нового российского праздника и выходного дня.

Именно тогда Платону было сделано внушение о необходимости поддерживать традиции коллектива, на что тот ответил о своём незнакомстве с этими традициями в то время, в январе и обещанием исправиться.

Летом, с интервалом менее месяца, с Платоном, по его вине, произошли два похожих, неприятно-забавных происшествия на транспорте.

Первый раз, утром рабочего дня, по пути с дачи на работу, опаздывающий Платон, попав в человеческую пробку на станции «Выхино», и не имевший возможность тут же, относительно быстро, купить билет на метро, решил ускорить процесс. Он, не продумав последствия такого своего шага, решил воспользоваться пенсионным удостоверением своего тестя, которое вместе с некоторыми другими его документами временно ещё находились у Платона в дипломате.

Уже проходя через турникет, Платон увидел испытующий взгляд стоящего поблизости, и не сразу замеченного им, милиционера.

Было уже поздно. Платон сразу всё понял и оценил. Отпираться было бесполезно.

Козыряя, милиционер сразу протянул руку к удостоверению Платона, представляясь ему и тут же задавая свой вопрос:

– *«Это Ваше удостоверение?».*

– *«Нет, тестя! Его недавно похоронили. Я опаздываю на работу, а народу, видите сколько!? Вот и решил поскорее пройти. Виноват!».*

– *«Пройдёмте со мной!».*

И сержант милиции сопроводил злостного нарушителя порядка в своё отделение под платформой станции.

Платону тут же невольно вспомнилась нашумевшая в своё время, почти двадцать лет назад, история убийства на «Ждановской» сотрудника КГБ местными милиционерами.

По дороге он обдумал свою позицию и поведение при предстоящем дознании, думая, как вернуть обратно пенсионное удостоверение тестя.

Спустившись с платформы вниз по ступеням, они прошли в длинный коридор с многочисленными боковыми помещениями по левой стороне.

Не успел Платон сесть на предложенный ему стул у стола дознавателя в одном из этих помещений, как одновременно с этим в комнату, имевшую у дальней стены зарешеченный «обезьянник», видимо по обыкновению, для оказания морального воздействия на очередного задержанного, тут же привели квази арестованного, якобы не имевшего с собой паспорта.

Сержант, предъявив удостоверение на Нахапенко Николау Григорьевича, попросил у Платона паспорт, списал его данные в протокол. Тут же он попросил, заглянувшего в дверь коллегу, убрать ненужного теперь арестанта из помещения.

Достав весьма затёртую и замусоленную брошюру с УПК РФ, уже привычно показал очередному нарушителю закона подходящую для него статью. По ней Платону, после судебного разбирательства, грозили или недолгие административные работы, или штраф в 10.000 рублей.

Пожутив солидного пожилого мужчину за нарушение правил проезда в метрополитене, сержант сразу же недвусмысленно сделал упор на то, что суд неизбежен и сейчас суды назначают только штрафы. Платон сразу смекнул, что ему выгоднее и на что намекает блюститель закона:

– *«Понимаете? Я конечно виноват! Чёрт меня попутал с этой спешкой! Боялся на работу опоздать! Мне конечно стыдно. Но я не злостный нарушитель закона! Может, удастся как-то вопрос решить, чтобы не позорить мои седины?».*

– *«Вы можете штраф заплатить здесь!».*

– *«С удовольствием! А сколько?».*

– *«Десять тысяч!».*

– *«Да ну, Вы что? У меня столько денег никогда не было! Тогда уж пусть... через суд!».*

– *«А сколько у Вас есть?».*

Имея сейчас всего чуть более двух тысяч рублей, и понимая, что его могут в худшем случае и обыскать, Платон, копаясь в кошельке, быстренько сориентировался:

– *«Могу дать только пятьсот. Остальные не мои!».*

– *«Да Вы, что!? За такое нарушение...».*

– *«Ну, давайте, я потом ещё подвезу!».*

Видя кривую гримасу на лице нахального мздоимца, понимая, что хохол москвичу не уступит, тем более коренному, Платон пошёл на попятную:

– *«Но у меня здесь всего две тысячи! Большие просто нет! Остальные надо будет где-то занимать!».*

Поняв, что с этого пожилого, почти нищего, интеллигентшики больше ничего не дерётся, Никола пошёл, якобы, навстречу злостному нарушителю российской капиталистической законности, протягивая к Платону свою, давно привыкшую к ассигнациям, скромно худую ладошку, при этом ещё стыдя и отчитывая провинившегося:

– *«Ну, ладно! Что с Вами поделаешь? Давайте две! И больше не нарушайте! В Ваши годы это должно быть стыдно!».*

Получив паспорт, а к радости ещё и пенсионное удостоверение тестя, Платон быстро вышел из милицейской клоаки, почти кожей спины ощущая её мерзость.

С одной стороны неплохо отделался. С другой стороны потерял почти двухнедельную зарплату. Ну и попал! Во, гад, этот мусор, хохол Микола! Понабрали лимитчиков в Москву, теперь они нас и доят! Хотя и сам хорош! Не ловчи, не ездите без билета! Теперь же эти деньги придётся невольно отыгрывать на транспорте! Да-а! – оправдываясь, размышлял он про себя.

И новый случай вскоре вернул Платона к новым реалиям окружающей его суровой, но справедливой действительности.

Продолжая компенсировать финансовые потери, он решил, как всегда, бесплатно проехать на трамвае от Чистых прудов до Воронцова поля. Однако уже на следующей остановке в вагон вошли контролёры. По привычке, показав тёмно-малиновую корочку пенсионного удостоверения тестя, Платон сначала почувствовал, а тут же и услышал просьбу раскрыть его полностью.

Молодой, около тридцати лет, красивый, розовощёкий молдаванин тут же громко заметил:

– *«Так это не Ваше удостоверение! Неужели Вы хотите сказать, что Вам уже более восьмидесяти лет!?».*

– *«А это не моё, а тестя!».*

– *«Так за это не только штраф полагается, а вообще – в милицию! Проходите на выход!».*

Платон, в принципе, этот вопрос мог решить силовым путём в трамвае и не подчиниться. Но быстро всё просчитав, решил не искушать себя и не испытывать судьбу, а выйти на улицу, где не было бы столько свидетелей, и было бы больше вариантов действий.

Сойдя с контролёрами через остановку, Платон начал интенсивно соображать, что делать.

До Воронцова поля было рукой подать. В принципе, можно было бы, и убежать от них. Его хотя и не молодое, но весьма тренированное тело вполне позволило бы это сделать.

Но это было бы как-то не солидно. Он работал поблизости. И убежать на виду у всех, которые могли бы, потом его многократно лицезреть, было просто стыдно. И Платон решил не прибегать к крайним мерам.

Контролёры тем временем грозились вызвать наряд милиции для препровождения задержанного в отделение с целью выяснения личности и наложения более солидного штрафа. Они явно намекали на решение вопроса здесь, на месте. И Платон решился:

– *«Давайте я лучше здесь заплачу, а то мне некогда! Сколько?».*

– *«Тысяча!»* – не моргнув глазом, сказал один из них.

По внешнему виду Платона они видимо решили, что такие деньги для него видимо ничто.

– *«Да, Вы, что!? У меня всего пятьсот! Да и то я триста должен сейчас отдать! Для этого и еду!».*

– *«Хорошо! Давайте двести! Но тогда без квитанции!».*

– *«Естественно! Но тогда дайте сдачу! Есть триста?».*

Получив сдачу, Платон перешёл на бульвар, чтобы, пройдясь по нему, немного успокоиться.

Да! Опять попался! Надо теперь сменить тактику и не лезть на рожон! А то так никогда и не отыграешь потери! – окончательно решил он.

В последующее время он больше никогда не попадался контролёрам и милиции, медленно и верно приближая полученный ущерб к нулю, что, с учётом электрички, удалось сделать почти за год, невольно в течение этого времени, ощущая себя сереньким и беленьким, но не пушистым.

Однажды поздней осенью, отъезжая на трамвае от метро «Новокузнецкая», Платон вовремя заметил тех же контролёров, и, купив билет, немного поиздевался над своим уже знакомым молдаванином. Когда тот, не узнав Платона, попросил показать билет, Платон, чувствуя за собой силу и справедливость, попросил того сначала показать своё. На ходу, в потёртом удостоверении контролёра, он успел только бегло прочесть неотчётливую фамилию – Мосейбук.

Надо же? Опять наверняка пришлый до Москвы! Ну и развелось их здесь, халявщиков! – подытожил довольный Платон.

Время шло, залечивая душевные травмы. Особенно этому способствовала новая работа и эмоции получаемые на ней.

На очередных дневных производственных вечеринках, проходивших с небольшим временным интервалом всего в несколько дней, виновниками торжества оказались Иван Гаврилович Гудин и Инна Иосифовна Торопова.

И если на дне рождения начальницы накрывать стол помогали Марфа и Платон, то теперь, в основном, это делали сами составители стола.

Платона сразу покорило отсутствие у них какого-либо вкуса в сервировке. Пришлось вмешаться самым решительным образом, что было сразу оценено присутствующими, особенно любительницей и почитательницей красоты и изысканности Инной, публично высказавшей Платону подобающие комплименты.

На шестидесятилетний юбилей Ивана Гавриловича Гудина коллектив собрался в расширенном составе. Пришли ещё и сотрудники-коллеги из основного здания института.

Для празднования юбилея Гудина выделили специальный кабинет для руководства – своего рода малый банкетный зал на втором этаже здания.

С этих пор, периодически в их коллектив и стала как-то незаметно и естественно вливаться комендант здания Нона Петровна Барсукова (до замужества Приходько).

Это была уроженка казачьего края – брюнетка лет пятидесяти, которые ей было затруднительно и дать-то.

Когда-то она была очень красива, фигуриста, шикарна и даже фундаментальна. Но с годами она несколько растеряла былые формы и форму, но всё ещё сохраняя сексуальную привлекательность.

Недаром многие мужчины, особенно крупного и крепкого телосложения, посещавшие здание медицинского центра и общавшиеся с, внешне немного похожей на Мэрилин Монро, Ноной, мечтали с удовольствием и наслаждением предаться с нею любовным утехам.

Но и не только они, а и более сублильные мужчины также были бы не прочь окунуться в её заманчивые формы и ощутить все её прелести.

Из всего коллектива ООО «Де-ка» Нона Петровна поначалу больше дружила с Инной Иосифовной.

Они дружили не так, как дружат красивые, зрелые, интеллигентные женщины средних лет, не обременённые взаимными обязательствами и личными интересами. Они дружили, как дружат красивая женщина, не знающая, что она королева, с некрасивой, как раз считающей себя оной.

Но совершенно по-другому дружили Надежда Сергеевна и Инна Иосифовна.

Платону часто приходилось слышать, поначалу шокирующее не только его, но и изредка приходящих к ним посетителей, слишком панибратское, дружеское и даже излишне любовное, если только не лицемерное, их взаимное обращение друг к другу, как «Инусик» и «Надусик».

Внешне можно было подумать, что здесь царят мир, дружба, порядок, взаимоуважение и любовь.

Однако на деле всё было не так просто. Оказывается ещё до прихода Платона, внутри этого коллектива медленно и верно зрел конфликт между Инной и остальными сотрудниками.

Первые, слабозаметные признаки этого начали тускло проявляться ещё со дня рождения Инны, а затем и других.

Во время таких мероприятий Платона больше всего поражали довольно дорогие ежегодные подарки, которые в советское время дарили работникам только на большие юбилеи или при уходе на пенсию.

Очевидно, изменились времена, нравы и возможности.

Но изменились не только они, а и культура поведения и общения, приняв в себя больше пошлости и развязности.

Именно почувствовав это во время празднования дня рождения Инны, Платон, чтобы несколько разрядить обстановку был вынужден выйти из-за стола, якобы, по нужде.

Этим он предоставил возможность Инне, задавшей уже изрядно выпившим коллегам вопрос о вышедшем на минутку из комнаты Платоне, перевести разговор на его персону:

– *«И почему ему всегда удаётся уговорить эженицин? По всем вопросам! Почему он пользуется неизменным успехом у них?»*.

Марфа, совершенно без задней мысли, желая показать свою мудрость и осведомлённость, непринуждённо ответила:

– *«А потому, что у него есть волшебная палочка!»*.

– *«А! попиралочка!»* – уточнила всегда догадливая Инна, переводя разговор во фривольную плоскость.

– *«Щаз!»* – почему-то раздражённо отреагировала Марфа.

Тут же эту половую тему подхватил Иван Гаврилович, предложив соответствующий давно затёртый тост.

Поддатая Марфа, в ответ на этот похабный призыв уже сильно захмелевшего Гудина: «Выпьем за счастье тех ворот, откуда вышел весь народ!», не злобно, но с ехидцей, спросила, невольно повторяясь:

– *«Гаврилыч! А ты сам-то, из каких ворот вышел? Какое всё-таки твоё гинекологическое дерево?»*.

Уже вернувшийся на место Платон, удивившийся повтору, тут же органично подключился к общей теме:

– *«Марф! Память у тебя прям девичья! Как у той, которая после дефлорации спросила: «Я девушка?»*.

Марфа задумалась непонятно на что, тут же не стесняясь вопрошая:

– *«А что такое дефлорация?»*.

Платон, теперь уже смеясь, разъяснил старухе:

– *«Ну, это, когда девственности лишают!»*.

Понятливая Марфа тут же поправила слишком заумного коллегу:

– *«Ну, да! Это когда целку ломают!»*.

Платону, опешившему от такой её откровенной бесцеремонности, осталось только поддакнуть Марфе.

Вообще говоря, Марфа Ивановна, в той или иной мере, никого по работе не любила и не уважала. И было, за что. И каждого – за своё.

Поэтому общение с Платоном, их совместное зубоскаление, было для неё своего рода психотерапией.

Одно время у Марфы и с Платоном тоже сложились сложные, натянутые отношения.

Видя в нём конкурента, опасаясь его, она невольно ревновала коллегу к безусловным успехам в работе, к быстро заработанному авторитету среди сотрудников и посетителей, была недовольна его советами и, в конце концов, сорвалась на нудное его подкалывание, граничащее с простым хамством.

Когда Платону надоели Марфины наскоки, он возвёл своё отношение к ней в матерную степень.

Не ожидая такого от, как она считала, паршивого интеллигентшишки, Марфа поначалу даже потеряла дар речи, а потом уже и вовсе прослезилась от обиды. Старуха поплакала над своим разбитым хамством, но постепенно успокоилась, затихнув, как мышка, спрятавшись в свою психологическую норку.

Это, в итоге, надолго выбило Марфу Ивановну из седла её любимого, старого, матерщинного конька.

Как-то раз Гудин в присутствии Платона поругался с Марфой.

Он орал на неё, при этом невольно тужился, став красным, как рак.

Язвительная Марфа, тут же стараясь остудить оппонента, просто ошарашила его:

– *«Ты чего это воздух испортил? Старый пердун!»*.

Вмешавшийся в разговор Платон вместо сглаживания конфликта невольно подлил масла в огонь, неожиданно для себя прокомментировав:

– *«А это он свой адреналин выпустил со злости!»*.

Обиженный и опозоренный Гаврилыч срочно был вынужден выбежать покурить.

К счастью для Платона, да и для всех сотрудников, других куряк в их коллективе не было.

После дней рождения Гудина и Тороповой в празднованиях наступал перерыв аж до декабря – до дня рождения Алексея.

В конце этого лета неожиданно в больницу попала Ксения.

Ей сделали срочную операцию по поводу женских болезней.

Причины этого были исключительно возрастные и ни как не связывались с Платоном. Воспользовавшись пребыванием в больнице, Ксения заодно сознательно и навсегда лишила себя способности беременеть, тем самым, получив возможность больше не думать о предохранении.

Этот тривиальный вопрос постоянно осложняет отношения между женщинами и мужчинами, кроме всего прочего, вызывая необходимость всё время высчитывать, выкраивать, подстраиваться, сдерживаться, переживать.

Однако, как не редко бывает, полученная полная свобода действий в сексуальных отношениях с мужем, поначалу никак не сказалась на их количестве и качестве. По-прежнему в этих отношениях ещё некоторое время действовали стереотип поведения и сила привычки.

Ксения невольно вспомнила своих старших сестёр Варвару и Клавдию, поочерёдно бывших возлюбленными Платона.

Они не могли в своё время так свободно вести себя с ним, за что во времена своего девичества Варвара и поплатилась своей первой, ранней и незапланированной беременностью.

Периодические рассказы сестёр о качествах Платона надолго и надёжно засели в мозгу их младшей сестрёнки, уже с детских лет мечтавшей о нём, и настойчиво, годами, шедшей к своей заветной цели.

Таким образом, получалось, что её сёстры, Варвара и Клавдия, в своё время оказались для Ксении надёжными пробир-дамами.

Поначалу, не на шутку испугавшийся Платон, ощутив отсутствие жены, впервые понял, что явно любит и жалеет её.

Он часто навещал Ксению в Боткинской больнице, надёжно обеспечивая семейные тылы – необходимый уход и воспитание двенадцатилетнего сына Иннокентия.

Особенно проявившаяся в эти дни нежность и заботливость по отношению к Ксении трансформировалось у него в стихотворение о любимых глазах жены:

Да они всегда, везде со мною.
В них могу взглянуть я сотни раз.
Дорожу возможностью такою:
Видеть блеск родных, любимых глаз.

Не глаза мы любим, любим очи.
Ценим же открытые глаза.
Мы о них мечтаем дни и ночи.
Бережём их в жизни лишь... раза.

Любим мы, когда из глаз струится ласка.
А стеклянный взгляд, прикрыв рукой,
Мы не любим – это только маска.
Ближе нам лишь облик дорогой.

И скажу, в порядке заключения.
И скажу, пожалуй, без прикрас:
Вы всегда, везде, и без сомнения
Берегите блеск родных Вам глаз!

Вскоре Ксения вернулась домой и быстро окунулась в обычный жизненный ритм. На этот раз беда прошла стороной. Однако ненадолго.

Осенью на Platона обрушились совершенно новые, неожиданно страшные заботы и проблемы. И принёс их ему его четвёртый ребёнок, первый от официального брака с Элеонорой, третий из сыновей – Даниил.

До этого бывшая жена несколько лет не давала их общему сыну общаться с отцом. И это пришлось на самый трудный период в формировании личности и гражданственности молодого человека – отрочество и юношество.

Но теперь его сын Даниил, недаром в детстве звавшийся «папин хвостик», став относительно взрослым – двадцатилетним парнем, соответственно ершистым, непреклонным, напористым максималистом, берущим для себя всё от родителей и общества, эдаким молодым волчком, – требовал к себе повышенного внимания. Особенно сейчас, в связи со случившейся с ним бедой.

Теперь, когда в своей жизни он совершил грубые, непростительные ошибки, и оказался просто на краю пропасти, между жизнью и смертью, он обратился за помощью к отцу, как к последней надежде, невольно вспомнив о его существовании. А произошло с Даниилом следующее.

После окончания школы мать убедила его поступить на кулинарные курсы для быстрого получения востребованной специальности и заработка.

Даниил, всегда делавший всё основательно, с отличием окончил училище, получив квалификацию повара, а по просьбе руководства ещё и повара-кулинара, после чего ему предложили остаться на научную и преподавательскую работу.

Но планы у Даниила были другие. Немного поработав по распределению, он перешёл на, в финансовом отношении более выгодную, работу официантом в ресторан.

Попутно Данила занялся культуризмом в спортивной секции.

Именно там его и приглядели лихие люди, видя его успехи в силовых занятиях, его упорство и силу воли.

Как одиноко блуждающего волчонка, его завлекли в стаю.

Они предложили молодому человеку заняться ещё и боксом. Бывший самбист Даниил и в новом виде спорта также преуспел. Его успехи в первом же соревновании, быстрота реакции и воля к победе, вскоре привели его и в борьбу без правил.

Новоявленные тренеры-самозванцы опекали подающего надежды парня, формируя из него настоящего бойца.

И, в конце концов, выставили его на бой против 35-летнего чемпиона Москвы в боях без правил, предварительно детально обучив Данилу верному способу быстрой и безусловной победы над фаворитом, сделав на него большие ставки в тотализаторе.

Хотя Данила по природе был немного трусоват, но в то же время он мог в нужный момент найти в себе силы и волю для преодоления страха и трудностей. А, скорее всего у него был просто хорошо развит инстинкт самосохранения.

Даниил проявил смелость и вышел на ринг против чемпиона, дав уговорить себя на опасную авантюру.

Бой длился всего несколько секунд. Поначалу, уверенный в быстрой победе, чемпион решил немного покуражиться над новичком.

Вальсируя по рингу, не вкладываясь в удары, он пытался малой кровью, особо не напрягаясь, относительно быстро закончить бой в свою пользу.

Новичок, как мог, поначалу ловко уворачивался. Тогда чемпион, разозлившись, стал удары наносить резче и жёстче. И это вскоре дало результат.

Как его и учили, против удара противника с правой, Данила сделал резкий нырок вниз и влево, пропуская бьющую руку мимо своей головы. Тут же, будучи вдобавок ещё и левшой, он нанёс противнику мощнейший удар с левой в район печени, с разворотом всего своего тела.

Как и предсказывали учителя Данилы, от такого удара противник, испытав болевой шок, просто задохнулся, потеряв всякую ориентацию в пространстве и контроль над ситуацией.

Тут же он получил от Даниила ещё и завершающий нокаутирующий боковой удар с правой в челюсть.

Бой был выигран, а «тренеры» Данилы сорвали на тотализаторе солидный куш, частично одарив и новичка.

«Умные люди» посоветовали Даниилу немедленно уйти с ринга, пока его не подставили одни и не убили другие, предложив ему заняться новым, более прибыльным и, якобы, менее опасным делом.

Тут же объявились и старые друзья по спорту, которые его в своё время нашли, обучили и воспитали, вовлекая в итоге в свои дела.

Так ненавязчиво молодой человек попал в сети и был завлечён в бандитское сообщество.

Его стали персонально обучать экстремальной езде на автомобиле, готовя, якобы, в автогонщики. Впоследствии оказалось, что учителем Данилы был сам главарь банды.

И началось!

Банда специализировалась на угоне дорогих иномарок, часто по заказу.

В обязанности Даниила входило перегон автомобиля с места угона до отстойника.

Быстрые, лёгкие, непривычно большие, шальные деньги вскружили парню голову.

Получив как-то раз сразу 50.000 \$, он принёс их домой и в эйфории подбросил все вверх. Наслаждаясь зелёным листопадом, накрывающим его самого, мебель и пол, Данила был безмерно счастлив. В этот момент он не мог ни о чём больше и мечтать.

Этим платежом Данилу совсем привязали к банде. За этими угонами последовали другие.

Но иногда случались и срывы. Один раз ночью, после неудачной попытки угона, банде пришлось спасаться бегством от преследовавших их оперативников.

Под свистом пуль они, как бешеные псы, врассыпную разбежались от гаражей. Убегая, перепрыгивали через рельсы, шпалы и канавы, скрываясь в придорожном леске.

После этого Данила стал опасаться, ожидая самого печального исхода своей новой деятельности.

И вскоре ещё два события привели его на край пропасти.

Один раз ему пришлось вести автомобиль, в котором его подельники увезли в лес, убили и закопали одного из своих проштрафившихся сообщников, своего же бывшего товарища.

Другой раз, при неудачной попытке угона, один из бандитов вынужден был стрелять в сторожа, к счастью лишь только ранив его.

Последняя ходка банды была сорвана системой спутниковой навигации и обнаружения, установленной на одной из дорогих угнанных иномарок.

Милиция устроила засаду на шоссе в ближнем пригороде Москвы и спокойно взяла так ничего и не понявших угонщиков.

Завели уголовное дело. Всем участникам грозили приличные сроки. Но они откупились от следователей.

Сначала, после передачи первых взяток друзьями и родственниками, для сбора дальнейших откупных, подследственные получили подписки о невыезде.

Кое-что для начала набрали.

Даниилу пришлось срочно продать только что купленную дачу и две иномарки, чтобы отдать следователю и его коллегам.

Всем оставшимся членам банды, после гибели их главаря, оставалось внести ещё по 30 – 50 тысяч \$ для выплаты компенсаций пострадавшим и полного прекращения уголовно дела.

Поэтому, для сбора оставшейся относительно уже небольшой суммы, он обратился к родственникам, в том числе давно им забытым. Очередь дошла и до отца.

К тому времени Данила уже серьёзно рассорился со своей матерью и больше не посвящал её в свои дела.

Платон, конечно, помог сыну, чем мог. Также помогли старший брат Владимир и другие ближайшие родственники, оказавшие Даниилу в его тяжёлую минуту свою посильную помощь.

Для психологического воздействия на отца Даниил даже озвучил ему свою позицию:

– *«Я в тюрьме сидеть не буду! Лучшие смерть!».*

Зная твёрдый и волевой характер сына, учитывая его возрастные особенности, его импульсивность, и критичность создавшейся ситуации, Платон решил не искушать судьбу и, пока не поздно, решительно вмешаться в ход дела, взяв ещё дополнительно в долг суммы у своих друзей, знакомых и коллег. Но при этом отец оговорил с сыном обязательное и неременное условие этих кредитов. Даниил навсегда порывает с уголовщиной, независимо от каких-либо последствий, условий и обстоятельств.

До самого конца года вопрос о привлечении Даниила к уголовной ответственности всё ещё висел дамокловым мечом над всей семьёй.

Это постоянно вызывало у его родственников тревогу и переживания.

Однако перед самым Новым годом вопрос решился положительно.

После этого Данила полностью окунулся в учёбу в платном институте, по иронии судьбы изучая экономику и право. Для этого он использовал часть набранных им средств, оплатив учёбу за несколько лет вперёд.

Первые курсы, пытавшийся себя реабилитировать, Даниил учился просто отлично. Парень явно брался за ум. По учёбе он даже получил временную отсрочку от призыва в армию.

Поздней осенью, после окончания дачного сезона и переживаний, связанных с судьбой Даниила, Платону пришлось как-то раз в выходной день немного помастерить на окончательно им доделанной лоджии.

Поначалу он полюбовался блеском её стен, особенно остановив свой взгляд на блестящих под лаком поверхностях подоконников.

С чувством удовлетворения, и даже самодовольства, он открыл створки торцевого шкафа на лоджии, присев на специальный табурет около него, как за стол, и включив внутренний локальный свет, принялся слесарить на плоскости стола, периодически вставая и обтачивая напильником деталь в небольших тисочках, закреплённых рядом на нижней полке.

Рядом, справа от него, на том же столе, размещалась изящная, узкая, небольшая, деревянная тумбочка с оригинальной раздвижной дверкой, по типу гаражной ракушки.

Там Платон держал свой столярный и слесарный инструмент.

А расходимые материалы, в основном различные железяки, он разместил ниже, под шкафом, в тумбе этого же стола.

Под этой же тумбой он оборудовал и один из тайников. Выше получившегося верстачка, на полках, размещались разно размерные коробки со всякой всячиной и временным барахлом.

Получилось весьма уютное и оригинально скомпонованное рабочее место, за которым можно было осуществлять мелкие домашние ремонты и различные поделки. Однако пользоваться этим Платону приходилось редко.

Вскоре подкатил и конец года. Невольно подводя итоги прошедшего периода, Платон вновь не удержался от стихосложения:

Назад невольно взгляд бросаю:
Всех дел, событий череда.
Людей, почивших, вспоминаю.
Всё остальное – не беда.

В труде и творчестве прошёл весь год.
Он тем помог забыться от невзгод,
Которые обрушил год прошедший,
Почти, как год, от нас давно ушедший.

Так постоянно голову и руки нагружая,
Вертеться можно в жизни бесконечно,
О лучшей доле для себя мечтая,
Прожить так можно долго и беспечно.

А впереди другие цели.
Другие дали и дела.
И новые стихи осели
Уже на кончике пера.

В этот год никто из родственников, друзей и знакомых Платона больше не умирал.

Невольно повзрослевший за годину лихолетья Иннокентий серьёзнее стал относиться к учёбе и своим обязанностям.

Видимо чёрная полоса, затронувшая семью Платона, всё же миновала. И он не мог этого не заметить, радуясь и надеясь на лучшее:

Мне не хватает междометья,

И затрудняюсь в этом я.
Прошла година лихолетья.
Прошла, надеюсь, навсегда!

Година лихолетья, растянувшаяся почти на два первых года столетия, завершалась. Для Платона заканчивался и первый год его работы в ООО «Дека», первый год зарабатывания авторитета на новом месте.

Он продолжал, в основном, работать на складе, занимаясь приёмом товара, его сортировкой, подготовкой и отправкой.

Иногда ему приходилось фасовать и закатывать банки, реже ездить с товаром и за деньгами, ещё реже общаться с клиентами по телефону.

Однако у Платона продолжали болеть руки, особенно кисти, но и не только они. Его ревматоидный полиартрит не давал покоя.

Платон уже длительное время принимал Сульфасалазин, и самочувствие его потому давно стабилизировалось.

Однако его всё чаще и чаще стал одолевать непонятный кашель, возможно аллергического характера.

Теперь предстояло через Московский городской ортологический центр заменить лекарство на другое.

Но жизнь его всё-таки стала стабильней и спокойней.

На очередном дне рождения, теперь уже Алексея, в первой половине декабря, коллектив собрался, как обычно, в полном составе.

Годовой план был выполнен. В преддверие Нового года настроение у всех было особенно приподнятое.

Как всегда празднование началось с вручения подарка.

Алексей получил красивую коробку с каким-то электроприбором.

Довольный, он раскрыл её, мельком взглянул вовнутрь, и поблагодарил Надежду Сергеевну. Все подарки и большая часть трат на застолье в их коллективе осуществлялась из общих средств их ООО, которыми распорядилась только она.

Стоявший рядом с Алексеем Гудин, бесцеремонно попытался залезть в его коробку и разглядеть подарок.

Ивана Гавриловича больше интересовал не сам прибор, а чек с его стоимостью. А более всего, не подарили ли Алексею более дорогой подарок, нежели ему самому четырьмя месяцами ранее? Платону чужда была эта мышиная возня своего коллеги вокруг плёвого вопроса.

Единственное, что имело в данный момент смысл и ценность, так это, пожалуй, только гарантийный талон. Иначе, зачем тогда дарить, надеюсь, надолго?

Во многом, скорее из-за зависти, не удовлетворив своё бабское любопытство, возмущавшаяся простотой и назойливостью Гудина, справедливая Марфа Ивановна не удержалась от вывода:

– *«Гаврилыч! Ты любопытный, как навозный жук!»*.

Смутившись и пытаясь хоть как-то оправдаться и скрасить ситуацию, Иван Гаврилович тут же приступил к рассказу о своих «крутых» домашних электроприборах. Он очень любил рассказывать сослуживцам о своих успехах, достижениях и богатствах, часто надоедая всем излишними подробностями.

На этот раз, первым не выдержал очередного такого излияния потерявший терпение Платон, невольно одёрнувший зарвавшегося коллегу:

– *«Ну, что ты всё время бисер мечешь! Биссектриса ты наша!»*.

– *«Давайте за стол!»* – твёрдо распорядилась начальница, пытаясь сразу, ещё в зародыше, погасить намечающийся конфликт.

За первым поздравительным тостом последовали другие.

Алексею, как обычно, желали здоровья, успехов в работе и в его многочисленных занятиях и хобби, семейного счастья и достатка.

Компания коллег пила, закусывала, шутила и медленно пьянела. Постепенно перешли к сладкому.

Обычно покупали низкокалорийный фруктовый торт, который практически сразу же и съедали. Самым большим сладкоежкой в их компании был самый молодой Алексей.

За ним, но с большим отрывом, тянулся Платон, затем Надежда.

Завершив празднество, все стали расходиться, по привычке оставив уборку со стола и мытьё посуды на Марфу, как будто она должна была всем. Платону невольно пришлось помочь ей.

Ему было немного жаль эту маленькую женщину без образования, всю жизнь, фактически проработавшую уборщицей в различных организациях.

Лицо Марфы хотя и было уже староватое, но выглядела она вполне симпатично и интеллигентно. В лице просматривались даже дородные и благородные признаки её генеалогического дерева.

Лишь голодное, холодное, суровое, военное детство отложило свои неизгладимые отпечатки. Оно не позволило её детскому тельцу в своё время развиваться должным образом. Но нехватка питания и воспитания компенсировались у неё неумённой жадой жизни и приспособлением к окружающей действительности.

Если бы не прикорм таких же, как она сама, детей при штабах нашей армии под Москвой, не обогрев их в лютую подмосковную стужу 1941 года, не было бы сейчас на свете Марфы Ивановны Мышкиной (Рыбкиной) и её единственного любимого сыночка Андрея, которого она одна вырастила, выпестовала и помогла получить образование. Она обеспечила сыну получение не только обязательного среднего, но также помогла получить музыкальное и высшее, что помогло ему устроиться на хорошую работу.

Первый её муж, Михаил, оказался горьким пьяницей. Поэтому после долгих лет мучений, многочисленных, бесплодных попыток наладить нормальную, семейную жизнь, Марфа Ивановна рассталась с ним, окончательно отпустив его в лапы зелёного змия.

И сделала она это, в основном, именно ради их сына Андрея. Она вырастила его добрым, честным, порядочным, справедливым, ласковым и отзывчивым.

Она уже давно мечтала о внуках от своего возрастного женатого сына, но как за какое-то наказание тот был женат на бесплодной женщине, с которой жил, как оказалось, в большой любви.

И этот крест пришлось теперь нести этой симпатичной, весёлой и мудрой старушке, надеясь в тайне лишь на какое-то чудо, которое всё не происходило, и не происходило.

Даже неоднократные попытки молодой пары обзавестись приёмным ребёнком из детского дома упирались в чиновничьи отказы, мотивировавшиеся недостаточным материальным положением и неудовлетворительными жилищными условиями семьи, а также плохим здоровьем будущей приёмной матери.

В советское время часто бывало так, что в борьбе за счастье всего абстрактного советского народа невольно обижался, унижался и даже втаптывался в грязь конкретный Человек.

И занималась этим целая государственная машина в лице чиновников различных рангов и мастей.

А теперь, после распада Советского Союза, а также значительной потери ума, чести и совести, множество чиновников вообще перестали смотреть на обычного человека, как на такового, пока его лицо не покраснеет от возмущения и стыда, или руки не позеленеют от заморского идола.

Поэтому так и осталась с годами Марфа Ивановна одна со своим горем – несбывшейся мечтой о внуках. Платона искренне возмущала такая позиция её сына. Он, как многодетный отец, считающий даже, что основной смысл всей жизни лишь в детях, просто не мог этого понять.

Он не раз предлагал Марфе Ивановне убедить своего сына завести ребёнка хотя бы на стороне. Такого же мнения был и её второй муж – сожитель Марфы – Борис. Но нет!

С Борисом Марфа жила уже в зрелом возрасте без юридической регистрации отношений. Но позже, практически по той же, известной, причине, рассталась и с ним, сконцентрировавшись только на семье сына.

И жила Марфа Ивановна теперь одна с озорным котом Тихоном, своими неожиданными выходками несколько скрашивавшим её одиночество.

Совместно с сёстрами Марфа Ивановна владела родовым домом в деревне под Яхромой, около памятника солдатам Красной армии, погибшим в битве за Москву, где практически полностью парализованной доживала свой век старшая из трёх сестёр.

Ранее Марфа Ивановна работала в институтском виварии, где быстро, даже с каким-то азартом отрезала специальными большими, острыми ножницами головы крыс, словно казнила ненавистных с детства фашистов с известных карикатур Кукрыниксов.

Теперь Марфы Ивановны работала в ООО «Де-ка», где кроме уборки помещений занималась также подборкой заказов биодобавок и наклейкой этикеток на банки.

Так и работал Платон с нею бок обок, стараясь не надирать разбитое сердце пожилой женщины разговорами о своих многочисленных детях, особенно об их успехах.

Лишь только наличие у коллеги существенных проблем в воспитании детей, во взаимоотношениях с ними и их матерями немного успокаивало Марфу Ивановну.

Словно разливая лечебный бальзам на её израненную душу, эта информация устраивала её, успокаивая сердце несостоявшейся бабушки отсутствием оных проблем у неё самой.

Год завершался спокойно, размеренно и плодотворно. Година лихолетья, видимо, всё-таки миновала.

Платон несколько успокоился. Ему удалось даже внести свой заметный вклад в трудовые успехи коллектива.

Так он предложил прекратить перегружать к себе на склад от производителя множество коробок с маслом, а перевозить их непосредственно потребителю, предварительно с ними согласовав поставку.

Это дало возможность значительно сэкономить время, силы и средства.

Стремление Платона постоянно всё максимально оптимизировать, делать всё с учётом интересов всех, участвующих в деле людей, – периодически приводило его в жизни к «патовому» положению в общении с не имеющими достаточного кругозора и ума, но на практике «хитренькими» выходцами из не лучших слоёв крестьянства.

Чаще «хитрый русский мужик», реже «хитроватая русская баба», углядывали в некоторых действиях Платона какой-то хитрый, но только ими понятый и разгаданный скрытый смысл, якобы ведущий того к его односторонней выгоде.

В такие моменты они не понимали, да и не могли понять, его действий, ища в них какой-либо подвох.

При этом они своими хитрожопыми улыбочками указывали Платону на их, якобы, прозорливость и всезнание.

Они словно молча говорили ему: нас, мол, не... обманешь!

Если же они никак не могли понять «ходы» Платона, то из-за опаски быть им обманутыми, чего они панически и даже исторически боялись, они никак не реагировали на его действия, предложения, просьбы, беря, как бы, временную паузу, желая в этом рисковом деле сначала пропустить кого-нибудь вперёд себя, чтобы, в случае чего, тот бы первым, и возможно

единственным, обжёгся бы на Платоне, на его постоянных, мало и не сразу понятных идеях и предложениях.

Они, как будто бы, всегда ждали от него какого-то подвоха, словно как... от умного и хитрого еврея, корыстно использующего других и делающего всё только себе на пользу. Из-за этого некоторые даже считали его евреем.

Но Платон таковым не был. Его всегда в таких случаях разбирал смех, в итоге приводящий к различным ответным действиям с его стороны.

Или он прекращал давить на этих людей своим интеллектом, давая им возможность успокоиться, по своему скудоумию всё додумать, и принять-таки его сторону. Или же он начинал просто издеваться над ними, особенно, если это был не первый случай, «подливая масла в огонь», давая всё больше информации, вызывающей у них всё больше неопределённости, вопросов и недоверия, превращая иногда их просто в «Буридановых ослов».

Или, если он не видел в их сомнениях какого-то злого, по отношению к нему, умысла, то подробнейшим образом объяснял им свою позицию, свои доводы, успокаивая и перетаскивая их на свою сторону.

При таком варианте развития событий иногда случались и негативные продолжения, когда его оппонент, – из-за слишком сильного напора Платона, уже практически не слушая его, боясь обмануться, боясь попасть впросак, попасться на крючок его умозаключений, стать жертвой его софистических доказательств, – тут же отказывался от очевидного, от своей явной выгоды. Это, в глубине души, иногда даже приводило Платона просто в бешенство.

Но с годами он свыкся с этим. Бог с ними, с божьими человечками!

Он им подаст!

Такое иногда случалось с некоторыми ранними коллегами Платона по оборонке.

И это, особенно вначале, во многом относилось и к новым коллегам Платона. Поначалу это происходило только с Марфой Ивановной и Инной Иосифовной, которая этого боялась не в силу своей необразованности, а в силу влияния в данном случае лишь наполовину подходящей поговорки: там, где хохол прошёл, еврею делать нечего!

Со временем к ним невольно присоединились и другие сотрудники. Притом, что Марфа теперь вышла из их круга, и стала безоглядно доверять своему бывшему оппоненту, ставшему для неё теперь безоговорочным авторитетом.

А остальные, со временем, привыкли просто бояться слушать Платона, совместно купаясь в своей среде, часто находясь в плену своих же домыслов, догадок и заблуждений. Основой этого Платон считал их общую культуру.

Ещё во время похорон тётки, прощания с нею в траурном зале 15-ой городской больницы Платона покорило, что при большом стечении народа руководитель их института академик Апальков А.И. проявил непонятную пассивность и не произнёс хотя бы короткую прощальную речь.

Он и сам не выступил и никому не поручил. А своим присутствием и молчанием не дал возможности выступить другим своим сотрудникам, давно знавшим и уважавшим Надежду Васильевну, возможно, боявшимся нарушить субординацию, и может даже вызвать недовольство своего шефа.

Во! нравы! – подумал тогда Платон.

Вот, где работает гнилая интеллигенция! У нас бы, в НПО, такого просто не допустили бы никогда. Какой же разный морально-психологический и культурный уровень?! Странно очень! – продолжил тогда размышлять он.

У руководства НИИ, правда, хватило разума подойти к родственникам и выразить им своё соболезнование.

После этого оживились и рядовые сотрудники, возлагая цветы к гробу и искренне выражая своё сочувствие.

Но это было уже в прошлом. Теперь была другая ситуация.

Из всех сотрудников лишь один Алексей с полуслова понимал и быстро воспринимал рационализаторские предложения Платона, принимая в их реализации самое деятельное участие, как главный исполнитель этих работ, так как именно ему лично эти предложения сулили максимальную выгоду.

Это, и их объединяющее высшее техническое образование, постепенно сблизило коллег.

В конце декабря в офис явился отец Алексея Валентин Данилович Ляпунов и поздравил всех с наступающим Новым годом.

Платон, имевший свободное время, невольно долго беседовал с ним, открыв для себя интересного, но очень уж увлекающегося своими проблемами человека, явно имеющего налёт гениальности.

Отец и сын Ляпуновы показались Платону необыкновенными, интересными и очень даже симпатичными людьми.

Глава 3. Гений и его сын

Алексей Валентинович и его отец Валентин Данилович Ляпуновы были побочными потомками известного на Руси рода, ведущего своё зримое начало ещё со времён сыновей Петра Ляпунова: Прокопия и Захария.

Первый из них, думский дворянин из старого рязанского боярского рода, поначалу, после смерти Бориса Годунова, перешёл на сторону царевича Лжедмитрия Первого. Затем он, как воевода, возглавил отряд рязанских дворян, примкнувших к восстанию Ивана Ивановича Болотникова. А в ноябре 1606 году он уже перешёл на сторону Василия Ивановича Шуйского, в свержении которого, правда, принял активное участие четыре года спустя. После того Прокопий участвовал в организации первого земского ополчения против польских интервентов, занявших Москву, блокировав их с юга своим отрядом.

А вскоре, с января 1611 года, он стал главой земского правительства, но был убит казаками за нарушение обещания дать им волю и жалование.

Второй из них, Захарий, также участвовал в свержении Шуйского в июле 1610 года.

Затем он руководил отрядом рязанских дворян в борьбе против восстания крестьян и сторонников Лжедмитрия Второго на рязанской земле.

Позже, будучи уже членом посольства к польскому королю Сигизмунду III, вернулся из Смоленска в Москву и пробыл в ней до освобождения народным ополчением Минина и Пожарского.

Спустя более чем четверть тысячелетия их потомки, трое известнейших Ляпуновых: Александр, Сергей и Борис Михайловичи навеки прославили нашу страну своими благими деяниями.

Александр Михайлович, уроженец Ярославской губернии, русский механик и математик, ученик П.Л.Чебышева, академик Петербургской Академии Наук, на рубеже XIX и XX веков создал современную строгую теорию устойчивости равновесия и движения механических систем с конечным числом параметров, а также ряд трудов по дифференциальным уравнениям, гидродинамике и теории вероятностей.

Платон хорошо знал об А.М.Ляпунове, так как учился в МВТУ имени Н.Э. Баумана, и долгое время работал на оборонном предприятии, длительное время руководимым академиком Владимиром Николаевичем Челомеем – выдающимся учёным в области теории колебаний, впервые в Мире на практике реализовавшим подводный старт крылатой ракеты.

Сергей Михайлович Ляпунов, сын астронома М.В.Ляпунова, также уроженец Ярославской губернии, наоборот, ударился в искусство, в частности в музыку, где снискал лавры выдающегося композитора, пианиста и дирижёра, связанного с традициями «Могучей кучки».

Во времена профессорства в Петербургской консерватории, он настойчиво развивал в фортепьянном творчестве и исполнительском искусстве концертно-виртуозный стиль М.А. Балакирева.

А Борис Михайлович Ляпунов, родом из Нижегородской губернии, стал известным советским языковедом-славистом, академиком АН СССР, выпустив ряд работ по сравнительной фонетике и грамматике, истории и этимологии славянских языков.

Все трое внесли огромный вклад в развитие науки и культуры России и СССР, и были, безусловно, гениями в своих видах деятельности.

Налёт гениальности не обошёл также их прямых и побочных потомков, среди которых были знакомые Платону отец и сын Ляпуновы.

Валентин Данилович Ляпунов в своих увлечениях, как ни странно, унаследовал задатки всех трёх прославленных Ляпуновых. Но он занимался не только математикой, музыкой и лингвистикой, но и многими другими направлениями человеческой деятельности.

Валентин, как и Платон, родился от пожилого отца, который, в свою очередь, тоже был рождён своим пожилым отцом. Дед Валентина даже родился на четыре года раньше деда Платона, аж в 1863 году. А, как известно, пожилые отцы генетически больше передают своему потомству с годами накопленного опыта, мудрого и гениального, чем молодые отцы.

Валентин Данилович Ляпунов, ровесник Платона, родился в 1949 году в Воронежской области. Его отец – Данила Петрович Ляпунов был участником Великой Отечественной войны, контуженым попал в плен и затем был освобождён союзниками.

Но при этом он получил тяжёлое ранение, спасшее его от послевоенных сталинских лагерей, которых он чудом избежал из-за длительного лечения в госпиталях.

Его предки по отцу имели глубокие корни зажиточного крестьянства.

Почти то же самое можно было сказать и о материнской ветви генеалогического дерева В.Д.Ляпунова.

В лице, облике и характере Валентина заметно проявились следы зажиточной местечковости его предков по материнской линии.

Уже через несколько лет семье Ляпуновых пришлось буквально бежать на юг, на Кубань, чтобы избежать возобновившихся преследований бывшего военнопленного со стороны МГБ и бдительных соседей.

Таким образом, по злой иронии судьбы, В.Д. Ляпунов оказался в казачьей вотчине, в одной из станиц Краснодарского края.

Отношения с соседями были вполне нормальными, но молодого человека удивлял уровень интеллекта сверстников, молодых казаков, и отсутствие у них должной тяги к знаниям, особенно к точным наукам.

Те тоже не жаловали чужака, лишь изредка и недружелюбно обращая внимание на, проявляющиеся в его облике, наследственные корни.

После получения обязательного среднего образования, несмотря на двойной, 10-ых и 11-ых классов, выпуск 1966 года, десятиклассник Валентин сходу поступил на физико-математический факультет МГУ.

Натерпевшись трудностей студенческой жизни, он на втором курсе женился на старшей его на год медсестре, и таким образом осел в Москве.

Практически сразу обзавёлся детьми, сначала погодками дочерьми Наташей и Настей, а, менее чем через год – случайно родившимся Алексеем.

История его женитьбы была тривиальна. Подворовывавшая спирт медсестра, поднакопившая существенный капитал из его, разбавленного до боевого уровня, эквивалента, пустила тот в дело, угостив им полуголодного, симпатичного студента и уложив того в свою постель. Зелье быстро ударило в мозги будущему гению, глубоко проникнув в тело и возбудив детородные органы юноши. Кровь, впережку со спиртом забурлившая в курчавой голове, опустила её на девичьи плечи, но подняла её меньшего собрата и антипода на немедленное решительное действие. После этого, как говорил впоследствии Гудин, юный полуеврейчик буквально присосался к халяве, в результате чего медсестра понесла. Она быстро окрутила способного студента, пригрозив тому, что если он не женится, то достаточно будет одного её звонка в институт, чтобы наш герой отправился домой в Кубанские степи крутить хвосты казачьим коням. Однако Валентин, мечтавший осесть в Москве, и сам был не прочь жениться, потому вопрос со свадьбой был решён быстро и окончательно. К тому же и медсестра была далеко не дурнушка.

Таким образом, молодая семья состоялась.

Браком с чистокровной русской Валентин хотел замаскировать свои гены в своих потомках, сделав их полукровками. Брак с русской имел и политический смысл, и далеко идущий расчёт – увеличение в пользу евреев соотношения между ними и русскими в Советском Союзе. Ведь по существовавшей тогда в нашей стране практике, национальность определялась по

отцу, в то время как в Израиле – по матери. Тогда дети Валентина считались бы в Советском Союзе евреями, а в Израиле – русскими, то есть фактически были бы изгоями и там и там.

После получения высшего образования способный выпускник получил распределение в службу правительственной связи, где он, как математик, долгое время занимался криптостойкостью специальных систем.

Свою плодовитость и скорострельность Валентин проявил не только при деторождении, подтвердив их рождением троих детей за два года, но и в научно-исследовательских работах.

Жизнь протекала буднично и размеренно. Заручившись тыловой поддержкой семьи и основной работы, Валентин Данилович всё больше времени стал уделять своим математическим увлечениям.

Являясь уже тогда вездливый критиком окружающей его действительности, он всё больше давал волю своим мыслям, чей полёт никто не мог направлять и регулировать.

Всё больше и больше его увлекала математика и математические науки. Его увлечение счастливо перекликалось с его непосредственной профессиональной деятельностью, экономя ему время, силы, средства и эмоции.

Одногодок Платона, он превосходил того, как и подавляющую массу людей на Земле, по интеллекту, особенно в области математики.

Валентин Данилович Ляпунов представлял собой настоящего современного мыслителя, просто гения.

В конце концов, его высочайший интеллект позволил ему совершить просто грандиозное открытие в теории шахмат. Он нашёл конечный пункт в развитии этой древнейшей игры – изобрёл Супершахматы.

Как известно из истории, до V века в Индии существовала игра Чатуранга – предтеча современных шахмат.

Эта игра проводилась на доске с таким же количеством полей, как и в шахматах, но с меньшим количеством фигур, и с использованием игровых костей.

Из-за наличия этого иррационального элемента Чатуранга была примитивна, и потому не могла считаться логическими шахматами.

Со временем, в VI–VII века в странах арабского Востока, эта игра становится сложнее и интереснее, превращаясь в Шатрандж.

И только в конце XV века в Западной Европе были изобретены классические шахматы, множество попыток улучшения которых, предпринималось ещё с древности.

Несмотря на кажущуюся бесконечность разыгрываемых партий, человеческий ум всегда требовал расширения возможностей этой игры.

Шахматисты и математики перепробовали многое, чтобы улучшить улучшаемое.

Это и изобретение доски с полями 30×30, и деление шахматной плоскости на треугольники и ромбы, и произвольное расположение фигур на доске, и даже удвоение их количества.

Но ни одну из этих вариаций ещё нельзя было назвать шахматной игрой, так как такого рода потуги не выдерживали строгого математического анализа.

Мысль о несовершенстве классических шахмат и возможности и целесообразности создания новых, с математической точки зрения более «чистых», пришла к нашему гению, как осеняющая, совершенно неожиданно.

С одной стороны он, как житель казачьего края, никак не мог согласиться с относительно небольшой мощностью шахматного коня.

С другой стороны, как математик, он не мог понять нелогичность его ходов и привилегий.

Если слон, ладья и ферзь – основные ударные фигуры, перемещались в рамках своих возможностей по всей доске, то конь – эта мобильная и надёжная основа всех казачьих войск – только на два поля вперёд и одно в бок, да ещё вдобавок и перепрыгивая через фигуры.

Такие «ходы конём» не были присущи гордым и смелым представителям не только Кубанских, но и Донских, и прочих степей и весей, тем более они были необъяснимы и с точки зрения математики.

До глубины души возмущённый такой несправедливостью, посчитав существующее положение нелогичным, желая реабилитировать коня, математический гений рьяно взялся за дело.

В результате сложных же математических исследований, совершенно непонятных для нормального, без высокого математического образования, человека, Валентину Даниловичу – специалисту по теории меры, вероятностей, случайных процессов и теории игр – удалось создать-таки шахматную игру нового порядка, не сразу названную им «Супершахматы».

Они стали финальной шахматной игрой цивилизации, так как явились абсолютно и принципиально не улучшаемым вариантом шахмат.

С их открытием сбылась мечта многих поколений творцов шахматной игры – был достигнут высший предел (*pes plus ultra*).

Это событие поставило точку в более чем двух тысячелетней истории становления и поиска наилучшего варианта шахматной игры.

Гениальный мыслитель, на основе строгого в теоретическом отношении исследования фундаментальных основ классических шахмат, применил современные подходы к решению данной проблемы.

Таким образом, он открыл весьма сильное фундаментальное свойство классических шахмат.

Их структура оказалась связанной и обусловленной «золотым сечением» ($\varphi = 0,6180339$), величина которого была известна ещё в III веке до н. э., но термин которого, ввёл лишь Леонардо да Винчи.

Оно легло в основу композиционного построения многих произведений мирового искусства, в основном архитектуры, ещё со времён эпохи Возрождения.

Затем на основе этого свойства он применил современные математические методы и на аксиоматическом уровне строгости построил теорию φ – совершенных шахматных игр, охва-

тывающую и эффективно характеризующую все возможности шахматной игры на квадратных досках любого размера и с любыми шахматными фигурами.

В итоге, на основе этой теории, и оказалось возможным сделать открытие «Супершахмат», которые явились более сложной, тонкой, изощрённой, и существенно более точной реализацией идеальной шахматной игры.

Валентин Данилович Ляпунов искренне считал, что это открытие станет началом качественно новой истории шахмат, истории шахматной игры на её самом высоком уровне, с использованием самого совершенного шахматного инструмента – Супершахмат.

Название этой игры произошло в большей степени из-за новых возможностей всех фигур, по праву ставших называться «Супер...».

Например, у «Суперпешки», по сравнению с обычной, добавились ходы «конём» вперёд и взятие такими же ходами вправо и влево.

У «Суперкороля» появились дополнительные ходы и взятие на вторые поля вокруг себя, кроме диагоналей.

У «Суперконя» – дополнительные ходы и взятие по диагоналям на одно, или два поля через одно.

У «Суперслона» – дополнительные ходы и взятие по прямым линиям на одно, или два поля через одно.

У «Суперладьи» – вообще добавились ходы «конём» со взятием в любых направлениях на один, или на два «хода конём» через один.

Ну, а у «Суперферзя» и подавно, как и в классических шахматах, – суммировались возможности, но теперь «Суперладьи» и «Суперслона».

И все эти супер фигуры по своей средней мощности также оказались связанными между собой золотой пропорцией.

И классические шахматы и Супершахматы реализуют на 64-клеточной доске идеальную шахматную игру с помощью композиционного ряда различных фигур, попарные отношения средних мощностей которых образуют отрезки последовательности подходящих дробей для непрерывной дроби, представляющей число φ – «золотое сечение».

Именно этим как раз и объяснялась величайшая красота и притягательность классических шахмат ещё в эпоху Возрождения.

Однако теперь мощность этих фигур характеризовались не числами 3, 5, 8 и 13, а более крупными числами из ряда Фибоначчи 34, 55, 89 и 144, и потому их взаимные отношения ещё точнее и идеальнее приближались к золотому сечению.

Таким образом первооткрыватель и изобретатель «Супершахмат» Валентин Данилович Ляпунов доказал, что «Супершахматы» являются единственно лучшей по отношению к классическим шахматам и не улучшаемой игрой из всего возможного множества шахматных игр.

Они, образуя с классическими шахматами дружественную пару игр, и находясь ближе к идеалу по сравнению с ними с фантастическим превосходством в 125 раз, позволили признать их шедевром новейшего времени.

Рассматривая своё открытие с философской точки зрения, он поставил своё изобретение в один ряд с музыкой, считая, что гениальная ёмкость семи нотного ряда включает в себя всю музыкальную бесконечность.

И прошедший век лучше, чем какой бы то ни было, показал удивительное разнообразие и безграничность музыкальных вариаций.

Поэтому, как посчитал гений, возможно, что классическая последовательность нот имеет сходство с «Супершахматами», где действия «Суперфигур» принципиально оправданы и на бесконечной доске.

А принцип уникального «золотого сечения» – этот общий принцип единой гармонии, – пронизывает всё наше мироздание, гениально просто выражая необъятное и непостижимое.

Кроме того, гению удалось также проработать вопросы, связанные с размерами шахматной доски; формами и размерами фигур; цветом фигур и доски согласно теории цветового зрения Э. Геринга; количеством участников соревнований и их квалификацией; системой подсчёта очков и организацией соревнований, – то есть сделать шахматы настоящим видом спорта.

Но это выдающееся открытие и изобретение гения предстояло ещё и популярно донести до народа.

Платону лишь периодически приходилось общаться с Валентином Ляпуновым, – отцом своего коллеги по работе Алексея, активно помогавшего тому в разработке Супершахмат, – который очень часто посещал сына, мешая тому работать своими бесконечно неразрешимыми проблемами, отвлекая от дел и других его товарищей по работе.

Платону также были не чужды глубокие мыслительные процессы, присущие гениям.

Со временем, спровоцированный идеями Валентина Ляпунова, под натиском умозаключений этого гения, Платон также выдал свою оригинальную и гениально простую сентенцию.

Он сделал вывод, что с точки зрения математики теоретический предел человеческого возраста должен быть 144 года.

Согласно мощностям шахматных фигур по числам Фибоначчи, Платон разложил человеческую жизнь на следующие периоды:

До 8 лет (числа Фибоначчи 1,2,3,5,8) – человек ещё ребёнок и не имеет «шахматной» мощности. Его нет пока в обществе как личности, с которой можно считаться.

С 8 до 13 лет (к наступлению полового созревания) – человек уже доходит до мощности «пешки», являясь таковой в руках родителей и школы.

Им можно манипулировать, помыкать им, и его можно и нужно вести по жизни вперёд, помогая, по-возможности, пройти в «ферзи».

С 13 до 21 года – человека перестали пестовать и баловать.

Получено обязательное школьное, и ещё какое-либо дополнительно, образование. За плечами к этому году у многих, как правило, армия и институт. Впереди открываются дороги, по которым можно идти почти во всех направлениях. Он – король, так как набрал его «шахматную» мощность. Его оберегает и лелеет уже всё общество, как надежду семьи, нации и государства.

От 21 до 34 лет – человек становится взрослым. Но, благодаря жизненным перипетиям, начинает искать обходные пути в жизни, всё чаще делая «ходы конём», формируясь и трансформируясь в коня, достигая его «шахматной» мощности.

От 34 до 55 лет – человек становится зрелым и относительно успешным, уверенным в себе. Он всё меньше гнётся, реже прибегает к хитростям, и всё больше косолинейно лезет напролом, как слон, достигая его мощности.

От 55 до 89 лет – человек, достигнув, почти всего в жизни, что ему хотелось и не хотелось, уже практически ничего не боясь, дорастает до мудрой ладьи с её нереализованными потенциальными возможностями, достигая её «шахматной» мощности, но уже дуболомно ходя только прямо.

От 89 до 144 лет – поживая на лаврах, человек имеет почёт и уважение. Он уже никому не нужен, потому его возможности безграничны. И человек должен прожить этот отрезок жизни, хоть медитируя, как йог, чтобы дойти до теоретически предельной «шахматной» мощности и уйти из жизни, закончив свою партию ферзём!

И наоборот, поскольку шахматы связаны только с деятельностью людей, то и мощности их фигур должны были соответствовать человеческим мощностям, «открытым» Платоном, а не расти беспредельно, абсолютно идеально приближаясь к золотому сечению.

И действительно, продолжал Платон, чем выше числа Фибоначчи, тем ближе их соотношение к «золотому сечению».

Поэтому для Супершахмат можно было бы, на первый взгляд, возможности всех фигур продлить без ограничений на всю доску.

Например, пешке добавить возможности, позволяющие ей за один ход пройти всю шахматную доску.

Да и другим фигурам тоже.

Тогда их мощности существенно возрастут от 34, 55, 89 и 144, как в открытых Супершахматах, до величин, допустим 377, 610, 987 и 1597.

Но тогда на ограниченном пространстве шахматной доски с количеством полей 8 на 8 нивелируются мощности остальных фигур, чьи возможности за один ход уходят далеко за её пределы.

И чем сильнее фигура, тем она становится относительно слабее.

Как бы край доски срезает её потенциальные возможности.

Поэтому реализация этой идеи бессмысленна.

Как поле 8 на 8 в шахматах имеет ограничение в пространстве, так и человеческая жизнь имеет ограничение во времени! – сделал глубокомысленный вывод Платон.

Оказывается, так легко найти гениальное и у простого человека!

И вообще, ведь гениальное – это то, что как раз можно легко, просто, доходчиво и даже шутливо объяснить.

Да и сама гениальность не только наивысшая степень проявления творческих сил человека.

Под впечатлением от взаимодействия пары соседних чисел Фибоначчи между собой и связи этого взаимодействия с универсальным волшебным золотым сечением, Платон не удержался и сочинил стихотворение.

*А всё могло бы быть иначе –
Истории поверим –
Не родился бы Фибоначчи?
Сейчас сие проверим.*

*Мы наименьшее берём простейшее число.
Пожалуй, даже только единицу.
И прибавляем, смело ноль мы до него,
Пока лишь снова получая... единицу.*

*Один и ноль даёт один.
То сумма первых чисел.
А через раз – два плюс один.
То сумма новых чисел.*

*А три и два – уже ведь пять.
А дальше будет восемь.
Хоть Вы устанете считать,
Но всё же Вас попросим.*

*Затем тринадцать и «очко».
Потом тридцать четыре.
Мне даже нравится оно:
Живу я в той квартире.*

Затем идёт полсотни пять,
И восемьдесят девять.
Не устаю я повторять,
Но что теперь поделать.

И если только я бы мог
В своей родной квартире
Прожить бы полностью весь срок:
Все сто сорок четыре.

Заполнить чисел можно ряд
Конечно в бесконечность.
И записать их все подряд,
Продолжив ряд тот в вечность.

А при делении всех их
На то, что рангом выше,
Даёт набор дробей простых.
И частное – всё ближе.

В итоге – частное одно.
«Златое» то «сечение».
Весьма волшебное оно!
У Вас другое мнение?

Важнейших чисел этих ряд
Придумал Фибоначчи.
А как на Ваш пыливый взгляд,
Могло бы быть иначе?

И, как оказалось, ничто просто человеческое не было чуждо и гению.

Как присущих всякому гениальному человеку, Валентин Ляпунов имел и ряд, в основном обыденно-бытовых, недостатков, которые постепенно свели его преимущество в интеллекте только лишь к математической области.

И посему, со временем, нашего гения просто занесло.

Валентин Данилович Ляпунов давно нигде не работал, поэтому был лишён простого человеческого общения с коллегами.

Естественная тяга к контактам с разумными людьми выливалась у него в безудержную словесную околонуучную, точнее около математическую, диарею. В этот момент с ним совершенно невозможно было беседовать.

Любой ваш вопрос оставлялся им без ответа, как будто вы его и не задавали вовсе. Любое ваше выступление сразу обрывалось его научной тирадой на совершенно другую тему. От скуки и распирающих его идей у него было огромное, просто патологическое, желание высказаться хоть кому-нибудь, поспорить на разные темы.

Так, например, Платон и Валентин в корне разошлись во мнении о философии, её роли и месте в жизни.

Платон придерживался классической точки зрения, что философия – наука всех наук.

А Валентин считал её просто неконкретной болтологией, в отличие от конкретной математики.

Иллюстрируя математический подход к жизни, он победоносно как-то заявил Платону:

– «Вообще говоря, с точки зрения математики, даже жизнь лишена какого-либо смысла. Мало кто может чётко и внятно сформулировать, для чего он живёт. Только те, кто вносит в жизнь какой-то порядок, конкретику, систему, пытается улучшить и скрасить жизнь свою и окружающих – заслуживает уважения, как человек, не зря живущий на свете и понимающий смысл жизни!».

Платон выждал короткую паузу, давая возможность оппоненту насладиться произведённым эффектом, осторожно, но твёрдо, возражая:

– «Валентин! Мне кажется, ты здесь неправ! Может с точки зрения математической, формальной логики жизнь смысла и не имеет, а вот точки зрения философской, или обыденной, повседневной, именно жизнь только и имеет смысл! Ибо, если бы ты, например, не жил, то и не смог бы на эту тему разглазольствовать сейчас передо мной!».

Гений пытался что-то снова возразить Платону, но тот изящно перевёл разговор на другую, лестную для оппонента тему, подводя его к остро философскому подводному камню:

– «Ой, слушай! А как ты здорово заметил по поводу семи нот и огромного количества возникающих из них вариаций музыкальных произведений!».

Лицо гения с вызывающе-напряжённой гримасой тут же покрылось снисходительно-лёгкой улыбочкой.

И в этот момент Платон дожал потерявшего бдительность спорщика:

– «А сколько же может возникнуть вариаций из десятков и сотен тысяч слов! А ты говоришь, болтология!».

Следующий раз они встретились на трамвайной остановке.

Уже в трамвае Валентин попытался изложить Платону свой подход к теореме Пифагора через золотое сечение:

– «Рассмотрим произвольный треугольник из всего множества треугольников, и запишем соотношение его сторон, как: $0 < A \leq B \leq C$.

Возьмём подмножество треугольников, у которых соотношение сторон $A/B = \sqrt[3]{\varphi}$ (корню из золотого сечения).

Это примерно 0,786.

Тогда отношение квадратов этих сторон будет равняться φ , то есть примерно 0,618 (золотому сечению).

А все треугольники будут обладать свойством отношения A/B равному отношению B/C и равному некоторой величине α , лежащей в интервале $0 < \alpha \leq 1$, при равенстве которой 1, треугольник становится равносторонним.

Дальнейшие мои исследования показали, что если $0 < \alpha < \varphi$, то треугольник невозможен.

При: $\alpha = \varphi$ – треугольник вырождается в совмещённые отрезки.

При: $\varphi < \alpha < \sqrt[3]{\varphi}$ – имеем тупоугольный треугольник.

При: $\sqrt[3]{\varphi} < \alpha < 1$ – имеем уже остроугольный треугольник.

А соответственно при: $\alpha = \sqrt[3]{\varphi}$ – получаем прямоугольный треугольник, где соотношение квадратов его катетов равно, соответственно, φ ».

Далее Валентин, по мнению внимательно его слушавшего Платона, пошёл в своих рассуждениях, как с ним бывало часто, куда-то в сторону от теоремы Пифагора, объясняя ему разницу между вероятностью, используемой в России, и шансом, используемым в США.

– «Но теперь, кажется, осталось выяснить, чему равняется C в квадрате!» – попытался вернуть своего визави на землю догадливый Платон.

Однако Валентин, словно не расслышав сказанное собеседником, считая его только слушателем, продолжал своё страстное излияние.

С большим, неподдельным интересом слушая очередную сентенцию навязчивого гения, Платон вынужден был прервать его:

– *«К сожалению, мне пора выходить. Но мне, как в своё время называвшемуся учителями и учениками, «Великому геомэтру», очень интересно послушать дальнейшие твои доказательства. Пока!».*

Уже дома Платон взялся самостоятельно пройти по рассуждениям математического гения. И стал выводить.

Пойдём, как часто я делал, с другого конца.

Возьмём формулу теоремы Пифагора: $A^2 + B^2 = C^2$.

Имеем право разделить все части выражения на B^2 .

Получим: A^2/B^2 , то есть φ , и $1 = C^2/B^2$.

А теперь возьмём, да и умножим все части выражения на B^2 .

Получим $B^2 \times (\varphi + 1) = C^2$.

Теперь заменим φ на A^2/B^2 .

И после умножения получим: $A^2 + B^2 = C^2$.

Теорема Пифагора! Доказано?! Нет! А что же я выявил?

Что нечто, равно самое себе. Да-а!

Видать не с того конца я пошёл!? Пряма математическая шутка какая-то получилась!

Надо всё-таки об этом поподробнее порасспросить нашего гения!

И их встреча вскоре состоялась, но на совершенно неожиданной основе.

На этот раз Валентин Ляпунов поведал Платону, что в процессе его расчётов и замеров катетов, получаемых и выстраиваемых в результате этого прямоугольных треугольников, привели его к мысли, что эти катеты, являясь полуосями эллипса, при их соотношении, равном «золотому сечению», придают эллипсу идеальную форму – форму яйца. И замеры яиц, проведённые им, якобы подтвердили это его предположение.

На что Платон тут же продуктивно пошутил:

– *«Здорово! Давай назовём это открытие теоремой, или даже ещё точнее, аксиомой...Кочета!».*

– *«?!».*

– *«Соотношение сторон прямоугольника, описывающего яйцо – есть «золотое сечение»!».*

– *«Ну, во-первых: тогда уж лучше, ещё проще и короче! Соотношение осей яйца – есть «золотое сечение»! А, во-вторых, извини меня, а причём здесь ты?».*

– *«Так в данном случае кочет – это же петух, а не моя фамилия!».*

– *«Хм! Надо подумать!».*

Они дружно рассмеялись, каждый, думая о своём, похлопывая друг друга по плечу и предплечью, раскланиваясь и прощаясь.

Дома Платон не поленился измерить специально купленные для этого куриные яйца. Но тщетно!

Математическое ожидание от деления их осей всё время находилось на отметке 0,77, и никак не хотело приближаться к «золотому сечению» = 0,6180339.

– *«Ну, что ты будешь делать? Жалко! Может куры у нас теперь ненормальные?»* – вслух предположил Платон.

– *«Или может быть..., как Валентин сказал? Замеры его яиц... это! А! Именно его!»* – окончательно резюмировал Платон.

Как известно, часто верным признаком гениальности являются проявления шизофрении. Обуреваемый математической конкретикой и возмущением от лицемерия верховной власти, Валентин придумал замену Гимну России, написанному, как он выразился, гимнистом (официальным поэтом) С. Михалковым.

Валентин Данилович Ляпунов написал свой вариант, назвав его «Гимнец России», по его глубокому убеждению, наиболее точно отражающий существующее положение вещей, при этом назвав себя гимнецистом, и подписавшись псевдонимом, Тин Умнов.

При очередной встрече он поведал об этом Платону.

«Гимнец России» (Тин Умнов)

*Россия – двулика наша держава,
Россия, как видите, наша страна.
Тяжёлая доля, известная слава –
Твоё достоянье на все времена!*

Припев:

*Славься Отечество наше безродное,
Разных народов союз вековой,
Предками данная глупость народная!
Славься страна! Мы забыты тобой!*

*От южных морей до полярных окраин
Расхристаны наши леса и поля.
Одна ты на свете! Одна ты такая –
Забытая Богом родная земля!*

Припев.

*Широкий простор для мечты и для жизни
Грядущие нам открывают года.
Нам лишь обстоятельством служит Отчизна.
Так было, так есть и так будет всегда!*

Припев.

Написав рядом два варианта для сравнения, гений передал листок Платону.

Как истинный патриот своей страны, но человек тактичный, тот возмутился лишь мысленно: и почему он считает меня таким же, как он сам, чудачком на букву «М»? Наверно из-за того, что я всё время слушаю его идеи и, в основном, за исключением явно бредовых, как правило, поддакиваю ему. Пожалуй, так. Видимо недаром многие люди стараются подальше держаться от гениев, с их непредсказуемыми высказываниями и неадекватным поведением?! – заключил он.

Платон внимательно взглянул на Валентина, внешне напомнившего ему белокожего Мавра. Его голову осеняла густая шапка, хотя и с проседью, но весьма ещё чёрных, курчавых волос, словно демонстрируя наличие в голове её владельца такое же изобилие извилин, длинных, заковыристых и витиеватых мыслей, в том числе и, возможно, чёрных, серых и седых.

Платон считал, что если Валентин сделал открытие Супершахмат, то это вовсе не значит, что он должен делать открытия и в других сферах человеческой деятельности.

Не надо свою гениальность искусственно переносить на всё.

Вслух же он неожиданно произнёс:

– «Мавр сделал своё дело! Мавр может... удавиться!».

В этот момент Валентин изумлённо взглянул на Платона.

Но надо всё же ответить ему и по существу! – решил Петрович:

– «Валентин! По первым трём строчкам с тобой можно согласиться! Но «безродное»! Это уже слишком! Ты разве не гордишься своими предками, своим родом!? И потом, как тогда быть с твоим утверждением, что любой русский человек просто умница, талант и гений.

И лишь только когда они сходятся вместе, то только тогда возникает некий глупый коллективный разум?! И почему он дан предками, а не повседневной действительностью?

А насчёт забытости, я с тобой соглашусь!

А почему расхристанны? Кем и перед кем? Ведь леса и поля – категории объективные! Они выросли и образовались независимо от бога!

А дальше ты сам себе противоречишь! Тут же пишешь о Боге!

И потом, уж если какая в Море земля и не забыта Богом, то это только Россия! Вспомни из истории! Сколько раз она поднималась из небытия, возрождаясь, как Феникс из пепла?!

А ты, видимо, не знаешь, что такое тризна? Это, проще говоря, похороны с помпой!

Неужто ты считаешь, что нас всех будут так хоронить?! Чушь!

А про обстоятельство! Если ты его имеешь ввиду в качестве второстепенного члена предложения, то это сказано очень точно и сильно! И, вообще, у тебя везде потеряна рифма!».

Валентин, как всегда, начал громко, что как раз и характерно для шизофреников, возражать Платону, приводя какие-то свои несусветные доводы.

Этим он уже почти достал бывшего инженера, который решил теперь всё-таки сбить спесь с навязчивого гения.

Неожиданно даже для самого себя Платон начал излагать Валентину, в качестве примера, своё софистическое доказательство:

– «Общеизвестна аксиома: знание – сила! Известна также поговорка: сила есть – ума не надо! Отсюда, следовательно, следует математическая запись: знание = сила, а сила \neq ум. И логический вывод: знание \neq ум!

То есть знание и ум понятия не тождественные! И это действительно так! Знание – это попросту говоря – набор информации. А ум – умение пользоваться ею, анализировать.

Можно пойти дальше и сделать хотя бы частный вывод, что человек, щеголяющий своими знаниями, не имеет ума!».

– «Но здесь имеются ввиду разные понятия силы!» – сразу отгадал гений суть вопроса, понимая, что камешек был брошен в его огород.

– «Да! В одном случае – физическая, а в другом – умственная!» – подтвердил Платон, не давая оппоненту перехватить инициативу.

– «Но во всех случаях, сильный и глупый – это значит сильно глупый! А слабый и умный – слабоумный!» – совсем загнал гения в угол Платон.

К счастью вошедшая в офис и, как всегда, бесцеремонно вмешавшаяся в разговор Надежда Сергеевна не дала возможность гению дать достойный ответ своему неожиданно решительному оппоненту.

Прочитав пасквиль, она не нашла ничего умнее, как попросить Платона отксерить и ей экземплярчик для своего сына с целью его дальнейшего, более глубоко просвещения.

Что же будет? Как яблоко от яблони?

А как же воспитание на примере родителей? – пронеслась в голове Платона тревожная мысль.

Так, например, ревностное отношение Валентина Ляпунова к лошади затем неожиданно проявилось у его младшей дочери, полюбившей этих удивительных животных и ушедшей работать на конюшню.

Таким образом, лошадь сыграла свою роль не только в открытии Супершахмат, но и стала смыслом жизни средней из семьи Ляпуновых.

В этом плане и сын Валентина, Алексей, был похож на своего отца, естественно переняв многие черты его характера, а также частично непредсказуемость высказываний и неадекватность поведения.

Может природа и отдыхает на детях гениев, но Алексей старался ей этого не позволить. Он тоже имел, как ни странно, некоторый налёт гениальности.

Однако в их коллективе, где никто не задумывался над точным значением этого слова, он считался просто гением.

Алексей и сам старался быть им.

Поэтому он судил обо всём, и имел на всё своё особое, гениальное мнение.

Из-за чего иногда становился просто посмешищем и пародией гения.

На примере Алексея Платон лишний раз убедился, что иногда гений бывает просто смешон.

Как история повторяется лишь, как фарс, так и гениальность в детях по сравнению с их родителями-гениями тоже проявляется лишь, и чаще всего, как пародия на гениальность.

Но в каждом человеке есть что-то от гения, хотя бы шизофрения.

Валентин Ляпунов сам страдал этим недостатком, и передал его сыну.

Как самый младший в семье из всех троих детей, Алексей поначалу рос эгоистом.

А как сын своих родителей – сверх занятого своими гениальными мыслями отца, и необразованной медсестры-матери – некультурным и невоспитанным.

Хотя родители всеми силами и возможностями пытались дать ему разностороннее образование.

Желая привить культуру своему сыну, в частности музыкальную, его родители совершенно забыли, а может они и сами не знали, о культуре мысли, дела, общения и поведения.

Алексей никогда не здоровался и не прощался, во всяком случае, первым. Но это было не из-за вредности или заносчивости, а просто потому, что он не знал, как себя надо вести в различных ситуациях с различными людьми, то есть из-за невоспитанности, из-за незнания с этикетом.

Папа с мамой его с детства этому, как и многому другому, просто не научили, или даже не могли научить при всём желании.

А посему Алексея, несмотря на всю его разностороннюю образованность, нельзя было считать культурным человеком вообще.

Чувство такта, как известно, тоже является производным от общей культуры человека. И Алексей обладал им вообще, знал, когда и где его надо использовать. Но он не знал, что с ним делать, как глубоко его применять на месте, общаясь с конкретным человеком.

В силу своей загруженности различными производственными и личными делами и проблемами Алексей иногда просто не задумывался, или не успевал задуматься над очевидным, лежащим на поверхности.

Этому способствовало и отсутствие у Алексея, как, впрочем, и у его коллег, культуры труда вообще.

Из-за всего этого он иногда допускал досадные ляпы, тем самым как бы невольно подтверждая свою фамилию.

Как и истинному гению, ему была присуща рассеянность.

То он, например, несколько раз забывал закрыть наружную дверь склада, оставляя ту нараспашку почти на весь день.

То при загрузке грузовика или своей Волги Алексей периодически забывал взять что-то из товара. В отличие от своего отца – математика, он привык делать всё бессистемно. И его ошибки приходилось исправлять в основном Платону, иногда вместе с Гудиным, возя на собственном горбу потребителям коробки, или документы, забытые Алексеем и не доставленные им вовремя.

Но на фоне большого объёма работ, выполняемом им, эти ляпы были мелки и незначительны, хотя от них периодически страдали другие сотрудники, особенно Платон, с которым у Алексея по работе были частые совместные мероприятия.

Алексей как-то раз взял кипу документов из института, в том числе срочные бумаги лично для Платона, и, не разбирая их несколько дней, провозил в своей машине.

И лишь после настойчивых поисков «по цепочке» Платону удалось найти спрятанный хвост.

Хотя эти ляпы и были неприятны, но вслух о них как-то никто, в общем-то, пока, до поры, до времени, и не говорил.

И только любитель позлословить и посплетничать Гудин придавал им большое значение, за глаза высмеивая Алексея.

Иван Гаврилович, просто как последняя базарная баба, вообще любил с каждым наедине перебрать и перемыть косточки другим сотрудникам.

Он словно действовал по принципу «разделяй и властвуй».

Таким образом, он пытался сдружиться с каждым из них, стать доверенным человеком на почве взаимной неприязни к третьим лицам, которых он просто обсерал с головы до ног, пытаясь поссорить друг с другом, докладывая, что про того плохого сказал другой.

В отсутствие какого-либо сотрудника он поносил того в присутствии окружающих коллег, пытаясь при этом получить от них понимание своих низменных потуг и заручиться их поддержкой на будущее, наивно надеясь, что сказанное останется между ним и его слушателями.

Алексей, к счастью, такими способностями не обладал. Они были для него низки, и он от них был весьма далёк.

Но иногда Алексей из-за обиды на недостаточную организацию работ со стороны Надежды Сергеевны, или неправильные с его точки зрения действия сослуживцев, – делал что-нибудь демонстративно и специально назло.

Так, например, обида Алексея иногда выявлялась в виде говнистости, проявлявшейся при разгрузке большой партии коробок в отсутствие Платона.

Тогда он нарочно этими новыми коробками загораживал ранее разгруженные Платоном, чтобы заставить того позже отработать своё.

Этим он пытался как-то компенсировать себе моральный ущерб за допущенные им и вскрытые на всеобщее обсуждение ляпы и испытанные им неудобства из-за неправильных действий коллег по принципу: мне плохо, пусть теперь и Вам будет нехорошо.

Особенно это касалось Платона, который был единственным сотрудником из всех остальных, кто хоть как-то мог работать на компьютере.

Как-то раз Алексей блокировал паролем доступ к документам Ноны, добившись того, что кроме него никто не смог бы их открыть, тем самым, сорвав срочное печатание важного документа.

Этим он лишний раз продемонстрировал всем свою важность и незаменимость.

У Алексея периодически, всё чаще и чаще почему-то стала проявляться неожиданная черта характера, обычно больше свойственная заносчивым деревенским парням. Он стал попросту гоношиться.

Как же Алексей радовался, когда ошибался кто-нибудь из его коллег.

В такие моменты его лицо просто снисходительно светилось от счастья.

В их фирме, в общем-то, не было стройной системы расчёта оптовых и розничных цен различным ООО и частным покупателям.

Для разных фирм и частных лиц они были различны и часто зависели только от настроения их руководителя Надежды Сергеевны.

Поэтому в её отсутствие, и в отсутствие других знающих сотрудников, Платон несколько раз попадал впросак, называя покупателям не те цены.

И тогда Алексей наедине с Надеждой Сергеевной жаловался на Платона:

– «А Платон продал товар не по той цене!».

На что, правда, следовал неожиданный оптимистический и юмористический ответ начальницы, не желавшей склок в коллективе:

– «А ему виднее!».

Но Алексею этого было мало, и он иногда шёл ещё дальше. Вместе с такой же неаккуратной, как и он сам, Инной Иосифовной он периодически свои ляпы валил или на Марфу Ивановну, или на Платона. Из его уст часто можно было слышать по-детски беспомощное оправдание:

– «А Марфа и Платон не сделали...!».

Хотя перед этим их никто о каком-то деле и не просил.

От такой несправедливости и обиды обязательная Марфа Ивановна периодически пускала скупую старческую слезу, затаив бессильную злобу на Алексея и Инну, часто также просто подставлявшую её.

Платон же на это смотрел по-мужски, проще, и по-философски. Но со временем его жалость к пожилой женщине и терпение лопнули, и он принял меры.

Как специалист по оптимизации производственных процессов, как признанный методист по обучению правильному и рациональному труду, он решил положить конец такой вопиющей несправедливости и вывести бессовестных лицемеров и лжецов «на чистую воду».

Он предложил заказ/задание давать в письменном виде, с указанием для кого, что и сколько собирать, и по какой цене продавать.

Надежда Сергеевна с радостью поддержала это предложение находчивого работника и своим устным распоряжениям положила конец намечавшимся распрям в коллективе.

Этим удалось покончить с необоснованными упрёками и найти истинных «виновников торжества» – Инну и Ляпунова-младшего.

Истинные бракоделы сразу оказались у всех на виду.

Попытки Алексея свалить всю вину с себя на другого человека, очевидно, имели под собой «глубокие исторические корни».

Видимо в детстве, или в семейной жизни, Алексея часто тыкали носом в его недоделки. И с этим своим комплексом он пришёл на работу, пытаясь отыгаться на нерадивых коллегах.

При случае, стараясь это делать корректно и тактично, он первым тыкал носом своих сослуживцев в, якобы, их недоделки и ляпы, – видимо органически боясь аналогичной реакции с их стороны.

Это доставало не только Платона и Марфу, но позже и Надежду Сергеевну, и, скорее всего, Гудина, чему Платон, правда, не был свидетелем.

Но Платон не поддавался на провокации и не опускался до Гудинских пакостей негодного мальчишки.

Алексей очень любил поесть. Но эта его любовь к плотскому характеризовалась не объемом съеденного и частотой приёма пищи, а даже наоборот, только самим процессом.

Питался он нерегулярно, бессистемно, хаотично, и даже беспорядочно, в смысле непорядочно.

За обеденный стол Алексей садился как-то полу боком, закинув ногу на ногу, низко наклоняясь над ним, безжалостно сжимая свой живот и пах, словно боясь впустить и упустить.

Широко расставленными локтями он словно защищал свою территорию – зону питания, как бы отгораживаясь от внешнего мира, на который он, в общем-то, по большому счёту, плевал, словно не допуская до своей кормушки окружающих.

Ел он с видимым и слышимым удовольствием: лякая и чавкая, при этом ещё и громко сопя.

Его никогда не интересовало мнение других людей о нём и о его поведении. Он явно пренебрегал столовым этикетом.

При этом Алексей был ужасно брезглив и никогда не пробовал чужих самодельных творений: варений и солений. Видимо в детстве он сильно отравился на материнской стряпне и теперь постоянно «дул на воду».

Насколько Алексей был брезглив, настолько же он был и неаккуратен.

Более того, Алексей периодически смачно сморкался и харкал, причём при всех, к несчастью которых непосредственно в офисе стоял умывальник.

Он всё время давал менторски, но вежливо, от того и смешно, детские советы своим старшим дуракам-товарищам.

Для Алексея всегда было характерным глупое: «А вдруг...!».

Как-то раз, возвращая при уходе с работы ключ пожилой, по возрасту годящейся ему в матери, дежурной, которая не торопилась сразу же убрать его на место, Алексей не выдержал, что бы ни поучить её:

– *«Вы спрячьте ключ подальше, а то не дай бог кто-нибудь возьмёт!».*

Алексей почему-то всегда думал, что только он знает, как сделать лучше, но только не люди, старшие его по возрасту.

– *«Нет! Лучше сделать...»* – можно было часто услышать такое начало его поучающей фразы.

Всё это и многое другое удручало его старших коллег по работе: всё-таки более-менее воспитанных, бывалых, хоть каких-то, интеллигентов Гудина, Платона, Инну и, даже с ними практически не работающую, Нону.

Так, например, во время редких совместных застолий они тактично и взаимопонимающе переглядывались, искоса поглядывая за действиями Алексея и, под стать ему старавшейся, Надежды Сергеевны.

Как правило, эта парочка часто ходила совместно обедать, гармонично дополняя друг друга, купаясь в родной им плембосреде, самими ими же и созданной и поддерживаемой.

Платона поначалу удивляла и раздражала неаккуратность и невнимательность Алексея Ляпунова.

Но потом он привык, вернее свыкся. От воспитания ведь не уйдёшь.

В конце концов, гений, есть гений!

И ничто второстепенное, сопутствующее гению, ему, естественно, не было чуждо.

Детство Алексея протекало не совсем буднично.

Он не ходил в детский сад, и общение со сверстниками было заменено ему выслушиванием постоянных нравоучений со стороны матери и периодическими домогательствами старших сестёр. И женское воспитание отложило заметный след на его характере и дальнейшей жизнедеятельности.

Демагог-отец не смог привить сыну ничего, кроме нонконформизма, жажды познания, любви к постоянной критике находящихся рядом людей, и к проявлению недовольства окружающей действительностью.

Алексей рос высокомерным, самоуверенным, себялюбивым, пренебрегающим интересами других людей, но в то же время борцом за правду и справедливость, жаждущим знать всё и вся.

Но домашнее воспитание имело и ряд преимуществ. Знания Алексея во многих областях превосходили знания его сверстников.

Не привыкший слышать нет, он не подсчитывал шансы на успех, а смело, решительно и привычно брался за незнакомые и трудные вопросы и дела, причём часто решая их удачно.

На домашних харчах, без физкультуры и физической нагрузки он вырос крупным, неуклюжим увальнем, с эгоистическим характером, с обилием вредных привычек, ставящих его вне рядов коммуникабельных сверстников.

Поэтому и его учёба в школе, из-за напряжённых отношений со школьными товарищами, поначалу шла туго. Но постепенно взаимные детские интересы взяли верх над временной неприязнью к диковинному однокласснику. У Алексея появились даже первые друзья.

Его занятия музыкой, сначала фортепьяно, а затем скрипкой, также позволили вырасти его авторитету, но только среди девочек.

Постепенно адаптировавшись к школьной действительности, Алексей успешно окончил среднюю школу, и поступил в Московский авиационный институт на специальность электронные приборы факультета «Системы управления».

Однако окончание института совпало с распадом страны и развалом всего народного хозяйства. Выпускники МАИ, как и других технических ВУЗов, практически стали никому не нужны.

И Алексей подался на рынок труда. Поначалу он работал гардеробщиком в консерватории, что весьма способствовало продолжению его занятий музыкой.

Как-то раз, Алексей после очередного концерта стал невольным свидетелем весьма забавной беседы двух перебранных мужчин, видимо музыканта и его друга.

Первый подвыпивший мужчина, представший музыкантом из народа, неожиданно спросил у друга:

– *«Представляешь? Вчера в театре, без ума мимо меня проходившая молодая скрипачка, так меня своим пианинкой по коленке шарахнула, что у меня искра из глаз накатилась слезой с барабанным звоном в ушах, и я разразился в её адрес целой арией нецензурных выражений! А она мне знаешь, что в ответ сказала?»*

Второй подвыпивший мужчина, друг музыканта, заинтересованно спросил:

– *«Нет! А что?»*.

– *«Только попроси, пожалуйста, без форилагов!»*.

– *«А что это такое?»* – заинтересованно спросил друг.

– *«А это музыкальный термин какой-то, означающий, в общем-то, что без мата!»*.

– *«Во, дают музыканты! Как изошряются, гады! Надо запомнить, пожалуйста! Вот я, кстати, недавно был на концерте. Так там выступали... ну, там всякие..., один пианист... и... один гитарист...!»*.

Далее, засмеявшийся в голос Алексей, уже не расслышал продолжения пьяного разговора двух деятелей культуры.

Вскоре, недовольный заработком, он вынужден был покинуть свою музыкальную обитель.

Алексей перебрал немало рабочих мест. Особенно ему понравилась работа в книжной редакции верстальщиком текста, но заработок был небольшой. И он снова ушёл. Но полученные навыкигодились ему потом при работе на компьютере. В итоге Алексей остановился на фирме, занимающейся разработкой лифтового оборудования. В ней он работал по совместительству, имея небольшой, но постоянный заработок и отметку в трудовой книжке о работе по специальности.

Но главным его рабочим местом, дававшим основной заработок, стало ООО «Де-ка», где он так же, как и другие работники имел ещё и свободное время для занятий своими делами.

Одним из таких занятий и стала помощь отцу в создании Супершахмат.

Над отцом и сыном Ляпуновыми всё время довлело огромное желание поскорее внедрить их.

Но распространение Супершахмат везде естественно сталкивалось с инерционностью, косностью мышления, и рутиной.

Надежда, Инна и Иван Гаврилович – люди весьма далёкие от высоких материй, уважающие только себя и благосклонность к себе золотого тельца – постоянно за глаза посмеивались над гениями, над их мытарствами и мучениями, над их гонористостью.

Марфе Ивановне по поводу этого было всё равно, так как непонятно.

Платон, как близкий им по духу, искренне желал изобретателям успеха, понимал их, но слишком хорошо был знаком с реалиями жизни.

Алексей женился вскоре после окончания института.

Он, рыжеватый блондин, внешне был явно больше похож на мать – спокойную, уверенную в себе, тихую по натуре женщину. Та, главный очаг культуры в их семье, воспитала его весьма чувственным, добрым, сопереживающим и влюбчивым юношей-рыцарем, настоящим защитником окружающих его женщин.

И это наглядно подтвердилось на практике в текущий год их совместной с Платоном работы.

Как непримиримый борец с несправедливостью, Алексей в этот период два раза влезал в драки, защищая, как ему казалось, честь и достоинство оказавшихся поблизости от него посторонних женщин.

В одну из этих стычек он получил в глаз от мужа якобы потерпевшей.

Алексей, всегда немного картавивший, разъяснял потом коллегам, объясняя происхождение синевы вокруг глаза:

– *«Я неловко увернулся и что-то попало в глаз!».*

А другой раз обошлось без синяка под глазом, но зато с судебным разбирательством.

Алексей, как и Платон, был всегда щедр к любимым женщинам. Его немногочисленные романы отличались глубиной чувств и страстей, в конце концов, и приведшие его в скором времени под венец.

В первом, недолгом браке у Алексея родился первый сын Арсений.

Неприученный к уважению чужого мнения, Алексей быстро рассорился с, оказавшейся взбалмошной, женой, которой также явно не хватало ни ума, ни доброты, ни чуткости, ни такта.

Всё учащающиеся перепалки постепенно привели к серьёзным ссорам и полному разрыву супругов.

К тому же внешняя активность Алексея не подкреплялась его достаточной активностью в семье.

По этому поводу, несколько лет спустя, въедливая и надменная Инна как-то раз, в присутствии Платона, дала свой комментарий второй жене Алексея Светлане про её мужа:

– *«Ну, он никакой муж! Ни то, ни сё!».*

Как неудачный семьянин, Алексей со временем сделал глубокомысленный вывод:

– *«Идеальный брак – это слепая жена и глухой муж!».*

Но неунывающий и независимый Алексей вскоре женился и во второй раз.

На этот раз его женой стала Светлана – высокая, стройная брюнетка, в меру симпатичная, вроде бы умная и воспитанная, но жеманная, властолюбивая, самолюбивая, эгоистичная мужененавистница с завышенной самооценкой и противоречивым сложным характером.

С помощью своей матери – коренной, слишком поздно родившей, полусумасшедшей москвички – она пыталась полностью повелевать мужем. Но не на того она напала.

Промучившись в браке почти четыре года, Алексей убежал сначала от тёщи, вывезя из её дома семью, а потом и от самой жены, всё-таки тоскующей по указующему и поддерживающему материнскому персту.

Но теперь за кормой, терпящего бедствие семейного корабля, остались ещё и двое детишек: Андрюша и Анечка.

Зная характер жены и тёщи, боясь запрета на встречи с детьми, что, кстати, так и произошло со старшим сыном, Алексей не стал теперь оформлять официальный развод, а просто ушёл к любовнице.

Алексея всегда тянуло к интересному, вкусному и прекрасному.

Он нашёл себе подходящую по характеру, внешности, духу и интеллекту подругу и стал с нею жить, демонстрируя всем свою полную независимость от прошлых мирских забот и невзгод.

Его новая подруга Ольга была в меру симпатичной, ещё сохранившей стройность, перерзевшей девушкой, утомлённой долгими и бесплодными поисками мужа.

Она сразу взяла на бордаж, потерявший прежний курс в родную гавань, уже изрядно потрёпанный корабль.

И произошло это практически на глазах у всего коллектива ООО «Дека».

Во время очередного дня рождения Надежды Сергеевны Павловой, как обычно отмечавшегося в расширенном составе, с привлечением коллег из института, к застолью была приглашена и Ольга.

В последнее время она часто бывала в их ООО, и консультировалась у Алексея работе на компьютере.

Видимо эти совместные консультации и сблизили их.

Ольге понравился дружный и весёлый коллектив, особенно застольные двусмысленные шутки Ивана Гавриловича и Платона Петровича.

Они явно, но скорее по привычке, кадрили молодую, свободную женщину, разогревая её своими фривольными шутками и прибаутками.

Ловко дополняя друг друга, они вели партию дуэтом.

Не то от выпитого, не то от услышанного, но лицо Ольги вскоре покраснелось. Её широко открытые и округлившиеся глазки заблестели, придавая своей хозяйке всё более привлекательный вид, дополняемый, ставшим часто облизывать губы, активным язычком.

На этот раз пировали в большом гостиничном номере на втором этаже, имевшем к тому же и отдельную спальню.

Пока два, по мнению Марфа Ивановны, «старых пердуна» с потаённым страхом (а вдруг и вправду согласится), а больше по инерции, морально обрабатывали молодуху на предмет взаимовыгодного сотрудничества (только непонятно: кому и какая была бы от этого выгода?), их молодой коллега молчал, жадно пожирая чуть хмельными глазами предмет своего тайного вожделения.

Старики, не знавшие об уже давно наметившейся взаимной симпатии молодых, разогрев натуру, несолоно хлебавши, так ничего и не понюхавшие, удалились, и на сцену естественным образом вышел главный герой.

После застолья старые мальчики вместе с остальными сотрудницами начали эвакуацию посуды и недоеденного на первый этаж, в офис.

Тем временем Ольга подошла к Алексею, и парочка принялась без умолку тихо ворковать, стоя у окна соседней спальни, словно намекая остальным: да валите Вы отсюда все поскорее!

Через некоторое время, в темноте, вынося мусор во двор, Платон Петрович с Иваном Гавриловичем увидели на фоне не зашторенного окна второго этажа всё также неподвижно маячившие две фигуры.

– *«И чего же он тянет? Телок наш!»* – начал Гудин.

И в ответ на понимающую улыбку Платона, тут же продолжил после короткой паузы мысленного смакования:

– *«Мы с тобой, наверно, давно бы с ней кувыркались!?»*.

– *«В каком смысле? В групповухе, что ли?»* – сдохмил Платон.

– *«Да нет! Каждый бы из нас... на его месте...»*.

– *«А, да!»*.

Видя удивлённо-растерянные и, наверно, даже завистливые лица возвратившихся с улицы коллег, внимательно и с неподдельным интересом следившая за процессом Ольгиного обольщения, Марфа Ивановна просто ликовала:

– *«Ну, что? Вам обломилось?!».*

И после небольшой паузы наслаждения смущением бывших ловеласов, разгромно довершила их унижение:

– *«А Лёшка сопел, сопел... да и вставит!».*

– *«Да! его конец никогда не падает духом! Наш пострел – везде посмел!»* – сумрачно и даже, как показалось Гудину, чуть грустно резюмировал Платон.

Тогда ещё никто в их коллективе не знал о фактическом крахе второй семьи Алексея.

Примерно через месяц двоюродная сестра Ксении Наталия сообщила, что в сдаваемой ею семье Алексея квартире, настоящий бардак.

Оказывается, после уезда от тёщи, Алексей с семьёй прожил в ней считанные дни, а затем иногда ночевал там уже с любовницей Ольгой.

Унитаз совершенно не функционировал. Мужу Наталии Александру пришлось, шаря голый рукой в размокшем дерьме, извлекать одну за другой мелкие детские игрушки, полностью забившие сток. Все замки шкафов были искорёжены. Под кроватью в изобилии валялись использованные презервативы. В раковине на кухне – гора давно немытой посуды. Регулятор газовой колонки сломан. Кругом пыль и грязь. Наталия сразу же сообщила Алексею об аннулировании договора аренды, и попросила его немедленно съехать. Тот в оправдание стал объяснять, что, якобы, предоставлял жильё недавно вернувшейся из тюрьмы своей двоюродной сестре с её взрослым сыном, которым негде было пока жить.

Позже, кстати, выяснилось, что бедняжка сестра сдавала втридорога свою трёхкомнатную квартиру, при этом, не работая и спокойно, вполне приемлемо, существуя, вместе с также не работающим сыном, на образовавшуюся дельту от разницы между оплатой за неё и смешной ценой вечно приличествующей Наталии за её двухкомнатную квартиру.

К тому же, как продолжил Алексей, его жена Светлана вернулась с детьми к матери, а за квартиру уже было уплачено.

В общем, несчастный поднаёмщик полностью опозорился в глазах Наталии и Ксении, которая почему-то очень давно считала Алексея придурком.

И только со временем, прилично поработав рядом с сыном гения, Платон подивился прозорливости своей жены.

А поначалу Алексей предстал Платону активным в делах, постоянно стремящимся к совершенству, но в то же время нечестолюбивым человеком.

Он обладал явными творческими способностями и тонкой интуицией. Эти качества не раз помогали ему в новых делах.

Одновременно с этим Алексей был брезглив, а также раним и обидчив.

Будучи патологически неаккуратным, он, почему-то также не чурался делать замечания своим коллегам по поводу их неаккуратности.

Как-то раз Алексей сделал замечание Марфе Ивановне за всегда оставляемый ею в двери ключ:

– *«Не надо держать здесь ключ! А то с него слепок сделать – одна минута!».*

В другой раз по поводу замечания Алексея в адрес Гудина, Платон предложил тому:

– *«Вань! А ты следующий раз просто скажи: Виноват, сынок! Исправлюсь! Может ему стыдно станет?».*

Досталось как-то и Платону. В один из дней Алексей с Надеждой вернулись с обеда. Платон в офисе был один. Дверь естественно была открыта.

Но Платон в момент появления коллег был уже не в самом офисе, а вне него, рядом, в коридоре.

– «Ты чего, дверь не запираешь?!» – начал необоснованно задираться Алексей, изображая, что шутит.

– «Лёш! Ты сегодня какой-то усталый!?» – издали начал Платон плетение своей сети.

– «Да, нет!?» – настороженно и удивлённо ответил тот.

– «Тебе надо срочно поесть! Чтобы мозги лучше работали!» – продолжил Платон добивание молодого хама.

– «А я только что поел!» – совсем уж было удивился непонятливому коллеге Алексей.

– «Тогда скорей садись, молчи и жди, пока усвоится!» – поставил Платон победную точку.

Алексей, хотя и сам был виноват в этом, но всё же, конечно, затаил обиду на Платона, и при случае это продемонстрировал.

Собираясь загружать очередную партию коробок, Платон, боясь, что Алексей снова что-нибудь забудет, спокойно, без задней мысли, спросил его:

– «А ты, документы все взял?».

Тот, как часто бывало и ранее, не зная, что и сказать, ответил на вопрос своим вопросом:

– «А где приготовленные коробки?».

Платон, которому давно надоело это бескультурье, на этот раз тоже не ответил, недовольно пробурчав про себя, подражая Алексеевским усмешкам:

– «А ты всё не слышишь?!».

Но иногда Платону приходилось наоборот, даже выручать Алексея от редких, а потому вопиющих, неумных нападок на него других коллег по работе, и даже, в частности, их начальницы.

Как-то раз Платон продемонстрировал коллегам шутку с шестнадцатью палочками, якобы считающимися в момент их написания и скороговорки:

– «Я пишу, пишу, пишу! Шестнадцать палочек пишу! Если Вы не верите, возьмите и проверьте!».

Алексей пошёл к столу Платона, убедиться в правильности подсчитанного, однако был остановлен, всегда ревнующей Платона к его успехам и авторитету в коллективе, бесцеремонной Надеждой Сергеевной:

– «Алексей! Ты куда пошёл?».

Платон тут же вступился за коллегу, ставя зарывающуюся директрису на место своим откровенным ответом на её глупо-беспардонный вопрос:

– «Палочки считать!».

– «Нет, я лучше их брошу!» – обиженно, и даже вызывающе нахально, но с серьёзным видом, двусмысленно пошутил в пику всему Алексею, вызвав тут же смех у, не ожидавших такого смелого ответа, Гудина и Платона.

Чувство юмора вообще было присуще Алексею, и он часто очень даже удачно и к месту им пользовался.

Отмечая очередной праздник в ресторане «Ёлки-палки», их компания уже изрядно выпила и подкрепилась, после чего Гудина естественно повело на комментарии им увиденного.

В этом ресторане посетители подходили к «телеге» с едой и брали всё, что хотели, и в любых количествах.

Узрев толстую женщину, набирающую еду себе в тарелку, он тут же саркастически высказался по поводу любви некоторых женщин поесть, исподволь намекая и на своих сотарелочниц:

– «Такую жену заимеешь, утром проснёшься, глядь в холодильник, а там пусто!?» – захлёбываясь в собственном смехе, поведаль насмешник.

Тут же Алексей, обращаясь к Гудину, не преминул продолжить шутку:

– «И часто так бывало?!».

Их всеобщий смех сразу затмил неудобную, двусмысленную ситуацию, а Алексей этим разрядил обстановку.

Чуть позже, он прокомментировал задержку им своих, уже поевших, коллег обещанием сладкоежки скоро закончить трапезу:

– *«Ещё один маленький кусок торта съем...».*

На что, заждавшийся всех Платон, без злого умысла, не думая о последствиях, и больше по-привычке, не преминул вставить:

– *«А потом большой!».*

Но Алексей, не успев среагировать на это, добродушно заверил:

– *«И буду сыт до конца вечера!».*

Тут же, ещё не отошедший от обиды за предыдущую шутку, уже излишне пьяный Гудин неуклюже попытался взять реванш у Алексея:

– *«Да от таких кусков и до утра ссать не будешь!».*

Видя замешательство сослуживцев на эту едкую, публичную шутку Гудина в свой адрес, при невольном участии Платона, Алексей, намекая на её неудачность, тактично и иронично спросил Ивана Гавриловича:

– *«Пошутил, что ли?!»* – опять, довольно тонко и тактично, выходя из некрасивой ситуации.

И в этом Алексей и Платон были очень близки. Но и не только в этом.

Они всегда жили, как хотели, может даже в своё удовольствие, совершенно не обращая внимания на копошащихся вокруг них со своими земными проблемами, и иногда покусывающих и сосущих их, муравьёв, комаров-кровососов и всяких мошек-мандавошек.

Им обоим, почему-то, часто завидовали окружающие. Они внешне казались не от мира сего. Их высказывания иной раз были непонятны людям.

Да и их внешний облик говорил всем о неприятии ими всеобщих правил.

В общем, они явно напоминали людей необыкновенных, чудаковатых, талантливых, в общем, помазанников божьих, возможно даже гениев.

Это талант виден сразу. А гениев, поначалу, не видят, и не понимают.

А потом их ещё и долго не воспринимают.

Но между Платоном и Алексеем были и существенные, даже коренные различия.

Платон был всегда в ладах со спортом, с физкультурой. Занимался ими регулярно и с умом. Даже тогда, когда стал инвалидом опорно-двигательной системы.

Алексей же был с ними, в общем-то, не в ладах. Со временем он ссутулился и оживотился. Видно руль и компьютер постепенно сделали своё дело.

Алексей ходил теперь как-то странно: выпятив живот, уверенно, но не твёрдо перебирая под ним ногами, оттянув назад голову на очень короткой шее, словно со стороны, сзади, наблюдая за ним, за его движением вперёд.

Их различия касались и глубины многих знаний, и культуры вообще.

Алексей, впрочем, как и Гудин, да, как и Надежа с Инной, на поверку оказались просто начётчиками и верхоглядами во многих областях знаний, даже в русском языке.

От Алексея, при молчаливом согласии Надежды часто можно было услышать:

– *«Квартал и каталог».*

Знания же Марфы Ивановны хотя и были весьма незначительны и простительны, но отличались достаточной глубиной и стойкостью.

Но особенно большое различие между Платоном и Алексеем неожиданно проявилось в их идеологии и во взгляде на историю страны.

Однажды это явственно сказалось в их разговоре по поводу предстоящей ранней работы.

– *«Машина будет в восемь утра!»* – заговорчески сообщил Алексей.

– *«Как, так? Им же грузиться два часа, и час ехать! Что, они начнут работать в пять утра?!»* – недоумевал Платон.

– «*А советское время давно закончилось!*» – чуть шутя, но гордо заключил Алексей, точно обозначая этим свою нынешнюю позицию.

Он и позже никогда не упускал случая, чтобы посмеяться и покуражиться над советским народом, социалистическим строем, КПСС и её руководством, особенно Генсеками.

В этом также явно выражался антисоветский и антикоммунистический настрой и отца Алексея – Валентина Даниловича Ляпунова, в своё время непризнанного гения, обиженного на всех и вся.

Алексей был любителем всего нового. Именно он предложил Надежде Сергеевне поставить дистанционный радио звонок для вызова сотрудников: Марфы Ивановны, Платона Петровича и Ивана Гавриловича со склада и цеха к себе в офис. Надежда Сергеевна, как верная последовательница своего великого однофамильца, с профессиональным пониманием условных и безусловных рефлексов откликнулась на предложение молодого гения.

Через день, мелодичный звонок, призванный вызывать слюну у подопытных животных, стал надёжным призывом посетить главный кабинет для самых пожилых сотрудников, чтобы не дай бог относительно молодые не растеряли свои животы и не опали в жопах.

С этого момента два, три или четыре звонка, соответственно, периодически оглашали звонок трелью помещение ООО «Де-ка», вызывая удивление у посетителей и рефлексорное раздражение у подопытной пожилой тройцы.

Алексей абсолютно был уверен, что любого человека можно научить чему угодно. При этом он приводил свой пример с музыкой и, особенно, с вождением автомобиля.

Во время учёбы на курсах он наслышался в свой адрес от инструкторов, что ему просто не дано водить автомобиль. Однако, со временем, почти ежедневные поездки по московским пробкам постепенно сделали из него просто виртуозного водителя.

Через некоторое время он пересел со старой Волги ГАЗ-24 на почти новую, чёрную Волгу ГАЗ-31-02 из правительственного гаража, приобретённую на деньги Надежды Сергеевны.

Но такого нельзя было сказать о занятиях Алексея английским языком и особенно айкидо. Он считал, что хорошо освоил этот вид единоборств.

Но когда Алексей показал некоторые приёмы Платону, тот усомнился в его мастерстве, так как тот это делал как-то угловато, медленно и неуклюже.

Считая, что его мастерство в айкидо даёт ему возможность использовать свои знания и умения на практике, Алексей вёл себя на улице смело и даже подсознательно несколько вызывающе.

У Алексея иногда случались проблемы со здоровьем. Он часто простужался и ещё чаще чихал от пыли с многочисленных коробок.

Когда подверженный аллергии Алексей однажды несколько раз подряд чихнул, Марфа Ивановна не удержалась от комментария:

– «*Ты так всю свою гениальность вычихаешь!*».

Даже такое высказывание об Алексее очень корбило завистливого Гудина. Как-то раз он высказался Платону по этому поводу:

– «*Понимаешь? Если допустить, что Алексей – гений, то уж очень неотёсанный!*».

Платон молча согласился, ибо к тому времени средне ожидаемое распиздяйство Алексея постепенно стало зашкаливать, заметно и существенно выходя за рамки возможно допустимого.

Но причиной этого во многом была сверх занятость молодого дарования различными делами и проблемами.

Одной из таких проблем для Алексея неожиданно стал его отец.

Валентин Данилович Ляпунов не хотел нигде работать.

Он мотивировал это идущими в его мозгу важными мыслительными процессами, которые нельзя прерывать второстепенными проблемами и всякой прочей ерундой.

Поэтому все заботы об обеспечении большой сводной семьи деньгами автоматически легли на плечи Алексея.

Хорошо ещё, что хоть его престарелая мать пошла работать дежурной в их НИИ, частично разгрузив сына от его забот. Ей было не привыкать.

С самой молодости она всю жизнь проработала медсестрой в различных медучреждениях, причём долгое время практиковалась в «Микрохирургии глаза» у С.Фёдорова.

Однажды на плавучем госпитале, совершавшем бизнес-круиз милосердия по Средиземному морю, и вставшем на якорь у берегов Италии, она ассистировала при операции одного итальянского мафиози.

Тот, оставшись довольным результатом, в восторге предложил медсестре своё гангстерское покровительство, пообещав, что если у неё возникнут какие-нибудь проблемы, то он сам лично приедет в Москву на разборку.

Занятый по горло делами, Алексей часто не успевал сделать многое и необходимое. Потому ему приходилось иногда завтракать на работе.

В очередной раз, закончив трапезу, наевшись, он учтиво, невольно предложил внезапно вошедшему Платону:

– *«Бутерброд с колбасой будешь?».*

Платон, неожиданно пленённый такой «человеческой заботой» доброго Алексея, одаривавшего коллегу объедками с царского стола, тоже, как бы по доброте, без задней мысли, но уже выходя из кабинета, быстро нашёлся:

– *«Да ты лучше оставь это своему отцу!».*

Тут же, пришедший на работу Иван Гаврилович, как всегда бесцеремонно перебил коллегу, влезая в разговор со своими проблемами.

Вдоволь выговорившись, он подошёл разузнать новости к Платону, от которого и услышал о только что происшедшем разговоре.

Недолюбливая обоих Ляпуновых, Гудин тут же высокомерно и грубо высказался об Алексее и его отце:

– *«Да они вообще... Чеканутость – категория постоянная!».*

Продолжая эту тему, пожилые и зрелые перемысли ещё немало косточек отцу и сыну и их общему духу, пока не остановились на теме неаккуратности Алексея, сказывающейся на их совместной работе. Алексей даже не замечал свинарника вокруг себя, что было естественно, так как он сам же его и создавал.

По этому поводу Платон однажды заметил Гудину:

– *«Плохо, когда говнистый человек вдобавок ещё и рассеянный! Он тогда своё говно разбрасывает не там, где планирует!».*

Хрипло-заливистый стариковский хохот Гудина естественно и логично в очередной раз завершил их привычную дискуссию.

Как-то раз, видимо невольно услышав, что его обсуждали, Алексей весьма иронично и ехидно осуждающе, напрямую спросил у Платона:

– *«А что это Иван Гаврилович про меня интересного рассказывал?».*

Как застигнутый врасплох школьник-шкодник, невольно оправдываясь, Платон не нашёл ничего более вразумительного, чем сказать осуждающее о Гудине:

– *«Да всякую ерунду. У него же... член без мозгов!».*

– *«А у тебя?!»* – тут же смело и нахально съёрничал Алексей, неожиданно вгоняя в краску Платона, который, однако, всё же нашёлся:

– *«А у меня...? С мозгами...!».*

– *«И ещё не все вытекли?!»* – продолжал ёрничество дотошный Алексей.

Но Платон, как всегда, не остался в долгу перед своим молодым и нахальным коллегой, в своё время неотёсанным топором воспитания культуры поведения и общения. На затёртое,

нравоучительно-менторское объяснение Платону Алексеем чего-то, что так, дескать, кем-то принято:

– *«Так положено!»*.

Платон, чьё терпение уже лопнуло, пытаясь тут же взять реванш за последнее неудобство, изловчился и зло выпалил, тут же удаляясь, не желая слышать ответного продолжения:

– *«А ты тогда подними!»*.

Являясь невольной свидетельницей редких, но едких перепалок между мужчинами, Марфа Ивановна Мышкина тоже решила не отставать от коллег, пытаясь умничать даже в самых простых вопросах, доказывая, что и она не лыком шита.

Уходя обедать, как всегда вместе с Алексеем, Надежда Сергеевна обыденно попросила:

– *«Марф! Мы уходим. Подежурь на телефоне!»*.

Та затаилась. И когда по возвращении последовал привычный вопрос:

– *«Ну, как? Звонил кто-нибудь?»*.

Прозвучал неожиданно дерзкий ответ:

– *«Да! Звонили часто и громко!»*.

Хохот сыто-довольных коллег на такую заумную выходку кладовщицы-уборщицы на некоторое время поднял Марфе чувство собственного достоинства.

Платону понравился такой прикол старушки и он, как хохмач, взял это себе на вооружение.

На следующий день, на почти аналогичный вопрос Надежды:

– *«Платон! А кто-нибудь звонил?»*.

Последовал не менее прикольный, тоже вызвавший смех, ответ Платона:

– *«Да! Какой-то тупой! Звонил долго, долго!»*.

И тут же, на вопрос вместе с ней пришедшего Алексея:

– *«А мой отец звонил?»*.

Все сразу услышали, но теперь уже тупо-язвительно-ироничный ответ:

– *«Да, звонил! Только он твоим отцом не представился!»*.

В начале декабря коллектив, как говорить, в тёплой и дружеской обстановке, отметил тридцатитрёхлетие Алексея Валентиновича Ляпунова.

Дружеские отношения Алексея со своей начальницей были естественны и объяснимы. А вот иногда несколько прохладные и натянутые его отношения с остальными членами коллектива были, по мнению Платона, опрометчивы и не дальновидны.

Но Алексей всё же старался поддерживать дружески-товарищеские отношения, по-возможности, со всеми коллегами по работе, особенно с Платоном – человеком более чем другие близким ему по духу, интеллекту, знаниям, способностям, трудолюбию и загруженности проблемами.

Алексей знал и умел многое. И даже кое-что, чего не умел Платон.

Как-то раз, оправдывая свои непринципиальные ошибки из-за чрезмерной занятости делами, Алексей озвучил Платону тривиально общеизвестный вывод:

– *«Не ошибается тот, кто ничего не делает!»*.

– *«Как наш Гаврилыч!»* – участливо подхватил догадливый Платон.

– *«Да!»* – подобострастно и почти шёпотом согласился Алексей.

И всё же, не смотря ни на что, многое негативное в Алексее несколько не мешало ему считаться в их коллективе признанным гением.

Его познания в компьютере были выше всяких похвал. Он всегда и с видимым удовольствием, даже как-то по-матерински мягко, давал необходимые консультации коллегам, основным из которых являлся Платон.

В характере Алексея вульгарно переплелись «женское начало», выразившееся в приоритете чувств и эмоций над умом и разумом, и его антипод – «мужской конец» – хаотичный разум молодого гения-маразматика.

В отличие от отца, Алексею были чужды законы формальной логики. Он ими просто не владел. И вся гениальность Алексея постепенно обратилась в простую манию величия. А его еврейство стало проявляться практически на каждом шагу.

Да! Гений и его сын стоили друг друга!

Каждый по-своему, они вносили свою лепту в развитие, как всего человечества, так и отдельно взятого коллектива.

Анализируя сложные отношения отца и сына Ляпуновых, Платон невольно сравнивал их с его отношениями со своими сыновьями и дочерью.

Старшие же из сыновей Платона уже относительно твёрдо стояли на ногах, вполне сносно обеспечивая благосостояние своих семей.

Средний сын, продолжая учёбу в институте, нашёл ещё и хорошо оплачиваемую работу.

Дочка, после нескольких лет совместной жизни, наконец, вышла замуж, заканчивая учёбу, и сама зарабатывала прилично.

Её свадьба, состоявшаяся в пятый, солнечный день сентября, особенно запомнилась Платону. Таких свадеб, на которых он, кстати, давно, с советских времён, не бывал, он не видел никогда в жизни. После основной и весьма красочной процедуры, состоявшейся в районном Загсе, процессия направилась сначала на венчание в Елоховскую церковь, затем, после короткой поездки по московским достопримечательностям, в ресторан, находившийся под Историческим музеем на Красной площади.

Обилие гостей, особенно молодёжи, руководство праздником профессиональным тамадой, красивый, древний интерьер, активность друзей молодожёнов Екатерины и Виталия – тоже танцоров из «Стрит Джаза» – всё это произвело на отца неизгладимое впечатление.

В этот вечер он был особенно счастлив и горд за свою дочурку.

А самый младший сын Платона, потенциально талантливый и гениальный, пока рос и учился.

С конца зимы 2003 года Иннокентий приступил к футбольным тренировкам в Новоко-синском «Титане». Его туда уговорили прийти бывшие товарищи-футболисты.

Платон был двумя руками «за».

Как всегда, Иннокентий начал за здоровье.

В первой же контрольной игре за второй состав Кеша, как центр нападения, отличился трижды, сделав ещё и один результативный пас товарищу. Но команда проиграла 4:5.

Тут же его пригласили к тренировкам с основным составом. Но этим ребятам Иннокентий явно уступал в технике обращения с мячом.

Платон советовал сыну набраться терпения, и интенсивно работать на тренировках, добавляя при этом, что постепенно количество его работы перейдёт в его новое качество, как футболиста.

Иногда, для закрепления изученного и наигрывания игровых связей, вместо тренировок проводились учебно-тренировочные игры.

Эти, периодически проводимые, тренировочные и товарищеские матчи всегда проходили с переменным успехом.

Видя хорошую скоростную выносливость новичка, тренер иногда пробовал Кешу и в полузащите.

Тогда Иннокентий чаще стал отличаться мощными, результативными ударами из-за пределов штрафной площади.

Но основным его коньком, как и ранее у его отца, всё же оставалась острая и результативная, основанная на голевом чутье, игра в пределах скученности штрафной площади.

За 22 проведённые игры, в которых его команда отличилась 111 раз, выиграв 11 игр, при 5 ничьих и 6 поражениях, Иннокентий лично забил 57 голов и дал 10 результативных пасов, на этот раз, превысив привычный показатель в 40 %. Но забивал он отнюдь не регулярно, всего в 14 играх.

Зато поскольку? Два раза по 9 голов из 18 и 10 забитых всей командой. Один раз 6 из 8. Трижды по 5. Из них дважды из 5 и один раз из 8. Дважды по 4 из 6 и 8. Причём в одной игре отдал ещё и целых два результативных паса. К первому хет-трику добавил ещё один, забив все три гола. И ещё четырежды отличался по одному разу, дав в одной игре и два паса.

Футболом Иннокентий прозанимался до конца июня, как всегда, уехав затем с родителями в отпуск на дачу, где часто и активно продолжал играть в дворовый футбол, иногда вместе с Платоном.

Однако, после летних каникул, Иннокентий почему-то бросил футбол и пошёл заниматься тэквондо в своей школе.

Два года назад Кеша успешно занимался лыжами, выиграв все соревнования в которых участвовал, в том числе дважды «Лыжню России».

Теперь же он к лыжам совсем охладел. Даже перестал их носить в школу, заменяя занятия ими на бег, получая за это естественно заниженные оценки. Своим родителям он объяснял просто:

– *«Ну, что толку мне носить лыжи в школу? Я и так всё выиграл, что только было возможно! Чему мне ещё учиться? А сидеть мокрым за партой после лыжного урока физкультуры я не хочу. И лыжи таскать всё время с собой не буду!».*

Иннокентий даже перестал в выходные ходить на лыжах с родителями.

А так всё многообещающе начиналось всего несколько лет назад, когда Кеша, сразу встав на лыжи, удивил своих родителей не только отвагой, но и неизвестно откуда взявшимся умением кататься, как с гор, так и к бегу по равнине. Тут явно сказались отцовские гены.

Этим летом Кеша в очередной, пятый раз выиграл дачную детскую спартакиаду, организованную и проводимую Платоном.

Причём во многих видах спорта он превзошёл старших его на год товарищей.

Проявляя во всех им перебранных видах спорта явные способности и даже талант, Иннокентий, видимо ещё не найдя своё, затем всё же бросал их.

Но младший сынок Платона, наконец, проявил свой талант в рисовании, что, впрочем, семьёй ожидалось.

Заканчивался 2003-ий год.

К счастью он не принёс Платону и его семье новых страданий и потрясений, и отличился большей стабильностью.

Такое же положение сложилось и в стране.

Наметились положительные тенденции.

За несколько дней до Нового года Платон даже неожиданно для себя подытожил пережитое им и страной в оригинальном, весёлом, патристическом и одновременно юмористическом стихотворении:

«У лукоморья»

*У лукоморья – порт огромный,
И корабли на якорях:
Державы признак безусловный.
Такое ж на других морях.*

*Среди тринадцати морей
Раскинулись её просторы.
Моя Россия – всех милей.
Её поля, леса и горы*

*Вселяют оптимизм и бодрость,
И гордость за страну – Россию!
Превозмогая жизни косность,
В неё мы верим, как в мессию!*

*Её бескрайние просторы
Вселяют в русских русский дух.
Семья народов – для опоры.
Россия! То родной нам звук!*

*На Запад – братья белорусы.
На Юге – звали нас урусы.
На Севере и лёд не тает,
А на Востоке – Тихий мает.*

*Всё злой чечен грозит нам с юга.
Как жалко, что нет больше Пуго.
Вот Илюмжинов – друг степей,
Ждёт в гости шахматных гостей.*

*А лидер правых – Хакамада,
Избраться в Думу была б рада.
Затем... взобраться на... престол,
Не запятнав притом подол.*

*Россией твёрдо Путин правит.
Такой теперь у нас уклад.
Всех олигархов он отправит...
Готов я биться об заклад.*

*Вот Думы депутатов строй.
Всем президент им дал настрой.
В веках Россия не зачахнет.
В ней русский дух, в ней Русью пахнет.*

Но я там не был, мёд не пил,
И пиво не люблю я вовсе.
Всегда Россию я любил.
И даже вопреки коросте.

Не удалось нагадить гадам...
К зиме очищен огород...
Я поздравляю с Новым годом
Земли российской весь народ!

Глава 4. Годовщины

Новый, 2004-ый год, по обыкновению, семья Платона встретила вместе.

Зимние каникулы практически тоже провели дома. Платон, в основном, ходил на лыжах и работал на компьютере, набирая тексты стихов, и готовясь к столетнему юбилею отца. Для этого он привёл в порядок архив предка, его документы и награды. По данным отца составил родословную и генеалогическое дерево, с краткой справкой обо всех родственниках. Разобрал, систематизировал и подобрал многочисленные фотографии, напечатал различные документы и заметки отца.

Иннокентий увлечённо рисовал комиксы, не забывая и про компьютер, на котором упоённо играл в стрелялки-пулялки.

Ксения занималась домашними делами и сидела у телевизора. Заканчивая печатать прошлогодние стихи, Платон остановился на последнем, «У лукоморья».

А почему бы не написать ещё один вариант, на этот раз в стиле А.С.Пушкина – мелькнула у него смелая и озорная мысль.

Взяв первоисточник, и последовательно выписав последние слова каждой строчки известного отрывка из «Руслана и Людмилы», новоиспечённый соавтор гения, принялся сочинять.

В результате у Платона получилось стихотворение:

«У лукоморья. Второе»

У лукоморья, где зелёный
Стоял, когда-то, дуб при том,
Не ходит больше кот учёный.
Теперь один бардак кругом.

Кто на борьбу нас здесь заводит,
С трибуны страстно говорит.
А кто-то по помойкам бродит.
И кто-то не за что сидит.

На обходных к Кремлю дорожках
Полно чиновников – зверей...
Коттеджи не на курьих ножках.
Здесь вас прогонят от дверей.

Потуги против них не полны.
А прессы негатива волны,
Под звук пугающе пустой,
Убили множество прекрасных
Идей полезных и всем ясных,
В пучине потопив морской.

И нам подали мимоходом
Под крики: «Дайте нам царя!»,
И прикрываясь всем народом,
Сбежавши позже за моря, –
Кота в мешке – богатыря!

А кто-то по былому тужит,
Но умный кот нам верно служит.
Его б сравнить с самой Ягой,
Но он хорош и сам собой.

Вот олигарх в темнице чахнет.
А света нет – Чубайсом пахнет!
Но я там не был, мёд не пил.
Не брал меня и змий зелёный.
По этой части я учёный...,
Об этом часто говорил...
Историю придумал эту.
Пустил её по белу свету.

Только Платон успел ещё раз критически перечитать написанное, как позвонил, тоже любивший припоздниться, племянник Василий.

После обмена последними семейными новостями и чтением только что написанного стихотворения, разговор сразу же зашёл об услышанном.

Василий Степанович Олыпин, сын Степана Трифоновича Олыпина и младшей сестры Платона Анастасии Петровны Кочет, был человеком порядочным, весёлым и добрым, как, впрочем, и все очень крупные люди. Он имел много друзей и знакомых. Поэтому среди них попадались даже люди с весьма странными фамилиями, именами и отчествами. Это был и его бывший тренер известной баскетбольной школы Советского района столицы, добрейший Александр Адольфович Прусский, по прозвищу «Адольф Александрович». И давно игравшие с ним в одной, можно сказать интернациональной пятёрке, где он был из-за своего более чем двухметрового роста центровым по прозвищу «Дюймовочка», крайние нападающие: потомки греков и болгар Базилевс Папузанос и Серафим Пуков, а также защитник сербского происхождения Васил Вукович-Павлович.

И цементировал этот «пятый» интернационал ещё один защитник, капитан команды – истинно русский Павел Петров.

С самого детства юмор окружал Василия и был присущ ему постоянно.

Поэтому он тут же вспомнил давно известное со школы, что... дуб срубили, котла на мясо изрубили...

Ну, что ж, можно и так, в таком стиле! – решил Платон и быстро придумал навеянный любимым племянником третий вариант:

«У лукоморья. Третье»

У лукоморья дуб спилили.
Кота до кошек опустили.
Златою цепью торс обвили.
Всем остальным же морду били:

И тридцати богатырям,
Всем тем, кто ходит по морям.
Досталось даже дядьке тоже.
На что похожа его рожа?

А лес и дол сожгли давно,
Весь пепел истоптав в дерьмо.
А ступу с бабою Ягой
Спустили с гор само собой.

Налево кот теперь не ходит,
И ничего не говорит.
Никто и песен не заводит.
Русалка же в тюрьме сидит:

Разграбила она избушку,
В неё проникнув без дверей.
И отломала курью ножку,
Всех напугав при том зверей.

А проглотив её потом,
Устроив с кровью заварушку,
Пытала утюгом старушку,
Убила лешего при том.

Не выбрав правильно дорожку,
На берег песчаный вдруг пришла.
Хотела в углях печь картошку,
Но ничего там не нашла...

Колдун зашиб богатыря,
Ударив о морские волны.
А звери съели упыря...
Прекрасны те мгновенья, полны!

А царь – Кащей подох давно,
Всё злато превратив в говно.
Вот потому там Русью пахнет.
Почуяв это, всяк зачахнет,

Наевшись мёда, выпив пиво,
Но разум сохранив на диво,
Чтоб слушать сказки здесь мои –
Преданья дивной старины.

А королевич мимоходом
Стрелявший в грозного царя,
Вдруг облажался пред народом,
Слинявши сразу за моря.

Царевне больше волк не служит:
Загрыз несчастную её.
По ней давно никто не тужит,
Из волка сделав чучело.

Я сказку написал Вам эту.
Сейчас поведал её Вам.
Чтоб было не обидно свету...,
Ответственность несу я сам.

Для тех, кто юмор понимает,
Моралью всех не донимает,
Я предлагаю это чтиво.
Его не критикуй ретиво.

Теперь и сказок не читают.
И Пушкина не знает всяк.
Одной попсе лишь все внимают.
Сонм псевдо грамматеев. Мрак!

Довольный творчески продуктивным началом нового года, Платон, как и все, чрезмерно загулявшие от затянувшихся олигархических зимних каникул, россияне, с нетерпением вышел на работу.

В первый день сразу же отпраздновали, пришедшийся на невольный отпуск, ничем особым не запомнившийся день рождения их начальницы Надежды Сергеевны Павловой.

И лишь небольшой, не развившийся в более серьёзный, инцидент слегка попортил Платону настроение.

Надежда, с детства подсознательно страдавшая патологической жадностью к еде, возможно из-за уже излишне принятых градусов, разогревших и размягчивших её мозг, неожиданно для всех, а может и для самой себя, оговорила Платона, только что начавшего наливать себе сок, разбавляя им ликёр и делая коктейль:

– *«Куда ты столько?»*.

Взмутившаяся такой вопиющей бестактностью, граничащей с холопским хамством, присутствовавшая на мероприятии комендант здания Нона Петровна Барсукова просто впилась своими тёмно-карими, чуть ли не вытаращенными от удивления, глазами в бесстрастно-наглые, самодовольные и ничего непонимающие, спрятавшие за стёклами очковых линз свою совесть, глаза Надежды.

Но та даже не обратила на это внимание, что, однако, не ускользнуло от внимательного взгляда Платона, сделавшего до этого вид, что он, будто бы, не слышал обидные для любого нормального человека слова своей зарвавшейся начальницы.

На следующий день он выдал комплимент Ноне за её нормальное, человеческое чувство такта, понимание ситуации, и, вообще, за культуру воспитания. Та сразу же вспомнила этот несостоявшийся инцидент, советуя Платону на будущее:

– *«А ты, в таких случаях, почаще тыкай её мордой в сено!».*

Ещё одно обстоятельство явилось примечательным на праздновании дня рождения Надежды – присутствие их общей начальницы Ольги Михайловны Лопатиной.

Это была, ещё сохранившая красоту, незаурядная женщина весьма средних лет, в чьих жилах текла кровь белорусов, армян и русских.

Из-за этой гремучей смеси, её излишний темперамент и энергичность иногда заменяли ей разум и расчётливость, создавая лишь иллюзию бурной, кипучей деятельности.

Словно после зимней спячки на ООО «Де-ка» посыпались многочисленные заказы.

Коллектив сразу приступил к работе, и всем сотрудникам пришлось энергично вертеться, даже Гудину.

В начале второй декады января, после окончания очередной перегрузки товара с одной машины на другую, Платон вместе с Иваном Гудиным ожидали троллейбуса на остановке вблизи автовокзала на Щёлковской.

Порядком уставшие, оба уже стояли молча, думая каждый о своём.

Воспоминания Платона о годах, прожитых неподалёку на улице Николая Химушина, где родился его самый последний ребёнок Иннокентий, неожиданно прервала престарелая женщина:

– *«Мил, человек! Не подскажешь, я доеду на этом троллейбусе до...».*

Тут она смолкла, доставая из наружного кармана измятый листок с адресом, и протягивая его Платону.

Тот прочитал и удивился:

– *«Так Вам лучше на метро доехать! И ближе и быстрее!».*

– *«Да не! Я метра боюсь! Темно и шумно очень! Да и под землёй ведь!».*

Глядя на это ископаемое, Платон недоумённо заметил:

– *«Ну, можно и так, на троллейбусе».*

Тут же в разговор влез ревнивец Иван Гаврилович, что-то громко тараторя приезжей. Платон отошёл в сторону. Ему вдруг стало жаль эту старушку. Наверняка она чья-то мать и бабушка. Видимо едет издалека. Скорее всего, в гости к детям и внукам. Да и одета она как-то уж очень по-старинному, даже для прошлых советских времён.

Вскоре на остановку подошёл парень, недоодетый по новой молодёжной моде.

Из-под кожаной куртки торчал не только подол свитера, но и мятой, белой рубашки, будто бы жёванной промежностью.

Старушка с интересом уставилась на диковинку.

Немного постояв, она не выдержала и подошла к молодому человеку:

– *«Милоч! У тебя исподнее не заправлено!»* – участливо подсказала она ласковым, материнским голосом.

– *«Чо-о?!».*

Видимо подумав, что современная молодёжь не знает слово «исподнее», старушка поправилась:

– *«Ну! Эта! Срачицей раньше называлась!».*

– *«Чего, чего?!»* – уже как-то грозно и задиристо спросил парень.

– *«Рубашка у тебя торчит!»* – решил помочь старушке Платон.

– «Как будто ты только что по-большому сходил и не заправился!» – как всегда не удержался от нравоучительного уточнения проктолог Гудин.

– «Только бумажки ещё не хватает!» – не выдержал теперь и Платон.

Парень сначала, видимо, хотел нагрубить старикам, но, оценив численный перевес оппонентов, смягчился:

– «А-а! Ну, эта мода сейчас такая!» – поучил он безнадежно отставших от жизни.

Старушка недоумённо перевела вопросительный взгляд с парня на Платона, потом на Гудина, и молча отвернулась.

– «Хм! Сратица... Пердуны старые!» – тихо и злобно добавил парень, опасливо и брезгливо пятясь от святой троицы.

– «Что за мода такая?!» – тихо вслух вопрошала гостя столицы, отходя подальше от парня и невольно всё ещё оглядываясь на него.

Воцарившую неловкость вскоре разрядил подошедший троллейбус.

Да! Много в нашей теперешней жизни непонятно нормальному, здоровому человеку.

А провинция, видать, ещё не испортилась.

Или не испортились её старики, хранители древней морали! – рассуждал про себя Платон.

– «А ты говоришь, Лешка не аккуратный! Слава богу, что он хоть так не ходит!» – возвратился к обсуждению большого вопроса Гудин.

– «Да-а! Ему до них далеко! Да и разница в возрасте у них приличная. Считай другое поколение!» – подхватил тему Платон.

– «Куда мы ко́тимся?!» – задал риторический вопрос Иван Гаврилович.

– «А, кстати! Как она назвала? Сратицей, кажется? А как будет называться кофта, торчащая у девок из-под курток, чтобы прищипки не застудить?» – вдруг продолжил он свой интерес.

– «Ну, ...наверно, типа написничка!?» – подхватил Платон любимую тему Гудина.

– «А молодец, старушка! Мы-то пригляделись. Говно уже в упор не видим!» – закончил обсуждение Платон.

А вообще-то с пошлостью и явной безвкусицей надо бороться и не стесняться этого, как эта, пусть и наивная, но зато принципиальная старушка.

Иначе будем посмешищем и для самих себя и для гостей столицы! – молча заключил свою мысль Платон.

Начало этого года, ознаменовалось, прежде всего, январским празднованием 55-летия Платона.

В этом же году предстояло также отметить февральское 45-летие Ксении, июньское 100-летие отца Платона Петра Петровича Кочета, а также августовское 25-летие единственной дочери Платона Екатерины.

Год обещал быть насыщенным на празднества и события.

К торжествам начали готовиться заблаговременно.

Ещё при поздравлении родственников с наступающим Новым годом, Платон всех их пригласил на свой Юбилей.

Под ещё не растаявшим впечатлением от очень тепло отмеченного его 50-летия, все родные с радостью откликнулись.

Тогда Платону пришлось отмечать свой Юбилей два дня подряд, так как его хоть и относительно большая, но всё же однокомнатная квартира не позволяла разместить всех гостей одновременно.

В первый день собрались многие родные юбиляра, а во второй – его друзья и родственники жены.

В этот раз решили всех объединить сразу под одной крышей.

И хотя ряды родных и друзей поредели, всё же их общее количество не позволяло использовать для этого большую однокомнатную квартиру Платона.

Поэтому торжество решили перенести в квартиру сестёр в известную высотку на Котельнической.

И это, с тайного намёка Ксении, предложили сами фактические хозяева квартиры Варвара и Егор.

Но сначала предстояло отпраздновать юбилей Платона на работе.

В среду, 15 января, виновник торжества принёс в офис заготовленные, всегда по всеобщему мнению хорошо готовящей, Ксенией салаты, добавил к ним разносолы собственного производства, докупив недостающее до, по настоящему празднично-разнообразного, застолья.

Накрывая на стол, ставя на него всё новые и новые блюда, Платон услышал восхищённо-стеснительное от Марфы Ивановны:

– *«Ну, ты и шиканул! Куда столько? Зачем это? У них от такого количества точно одно место слипнется!».*

– *«Да, нет! Не слипнется. Это только кажется, что всего много. Просто больше разнообразия, чем обычно!»* – спокойно, но в то же время не без гордости, ответил Платон.

Тут же подскочил и любопытный Иван Гаврилович.

От неожиданно увиденного, его заранее заготовленная слегка саркастическая улыбка мгновенно слетела с, внезапно посеревшего от зависти, лица, лишив в первый момент его обладателя даже дара речи.

– *«Надька, что ль, раскошелилась?!»* – не удержался он вскоре от своей ложки дёгтя, тут же выходя из помещения.

Но в язвительном вопросе Гудина была и справедливая риторика.

Их начальница, Надежда Сергеевна Павлова, действительно каждый раз частично субсидировала очередного именинника, дабы стол не был скуден, в связи с пока скромной зарплатой подчинённых.

– *«Наверно пошёл выяснять отношения с Надеждой? А не дала ли она мне больше денег, чем ему, на его скромный стол?!»* – искренне и чуть злорадно поинтересовался Платон.

– *«А кто его знает? Чужая душа в потёмках!»* – не замечая ляпа, ответила Марфа.

Через минуту, воцарившую было паузу, прервала почти влетевшая и сгорающая от любопытства, видимо после сообщения Ивана Гавриловича, Инна Иосифовна Торопова.

– *«Платон! Ну, ты даёшь!»* – воскликнула она, тут же затыкая свой восторженный вопль сразу несколькими ломтиками колбасы с тарелки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.